СССР

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

13

СССР: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

13

РЕДАКТОР
Валерий Чалидзе

CHALIDZE PUBLICATIONS, 1985

INTERNAL CONTRADICTIONS IN USSR
Number 13, edited by Valery Chalidze

Copyright 1985 by Chalidze Publications

Published by Chalidze Publications
Benson, Vermont 05731 USA

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Чалидзе. К вопросу о массовых возмущениях. 5
Э. С. Орловский. Об изменениях, внесенных с 1 января 1984 г. в законодательство СССР о подоходном налоге с населения. 49
Петр Болдырев. Две этики. 72
Валерий Головской. "Искусство кино" — портрет журнала. 99

Personalia. Воспоминания.

Раиса Орлова. История одного послесловия. 122

Из прошлого

С. Максудов. Новый порядок. 145

Документы

Лев Троцкий. Силуэты политических деятелей. Письма, заявления. 180

Валерий Чалидзе

К ВОПРОСУ О МАССОВЫХ ВОЗМУЩЕНИЯХ.

Начиная с середины 50-х годов. (Общие замечания)

ХАРАКТЕР ИНФОРМАЦИИ И ЕЕ ОБРАБОТКА

Подбор первичной информации по теме был осуществлен Людмилой Алексеевой, в основном, на основе самиздатских источников (чаще всего – "Хроники текущих событий" и "Вестей из СССР" Любарского). Полнота сообщений неодинакова. Во многих случаях сообщение дает достаточно информации, чтобы представить себе причины и характер события и его последствия. Иногда это подробное описание события со многими деталями, включая примеры поведения отдельных участников и характеристику обстановки и настроений публики. Есть, однако, и такие сообщения, из которых явствует лишь, что такое массовое возмущение имело место в определенном городе в указанный период. Несмотря на предельную краткость таких сообщений, я не счел возможным пренебречь ими в общей статистике: при той ограниченности

* Эта статья является сокращенным предварительным сообщением по проекту, который финансировался фондом "Foundation for Soviet Studies" в Мэриленде. Подробный отчет по этому проекту будет опубликован Людмилой Алексеевой в двухтомнике "Общественные возмущения в СССР", Chalidze Publications, 1986 г.

информации, с которой я столкнулся в этой работе, само наличие факта является важным, даже несмотря на то, что неизвестны подробности.* В редких случаях, когда в таких кратких сообщениях говорится, например, о 3-х забастовках в определенном месте, я включал в статистику 3 случая; в то же время, если говорилось "несколько", я включал лишь один случай. Это пример трудностей выбора, возникающих при ограниченности информации.

При обработке информация вводилась в компьютер по следующим признакам:

– Место события.

– Республика.

– Характер места (большой город, город, сельская местность, лагерь, воинская часть).

– Год.

– Время года (зима – весна и т. д.).

– Продолжительность события.

– Источник.

– Характер события.

– Наличие: насилия со стороны участников, разрушений, неповиновения властям (без насилия).

---

* Иногда сведения о событии почерпнуты лишь по кратким сообщениям о приговоре политзаключенному. Например:

МЕДВЕДЕВ Иван Васильевич, р. 1935 /?/
Арест. 1976
Организация забастовки
Из г. Синельниково Днепропетровской обл. УССР.
Днепропетровская СПБ

– Реакция властей (стрельба, избиение, убеждение).

– Максимальные силы властей (танки, войска, КГБ, милиция, дружинники).

– Количество убитых.

– Максимальные последствия для участников после события (расстрел, арест, задержание).

– Религия участников – только для религиозных событий.

– Основная национальность населения в месте события.

– Преимущественная национальность участников.

– Социальное положение участников (рабочие, интеллигенция и пр.).

– Мотивы события (экономические, политические, национальные и пр.).

– Предполагаемый катализатор события.

– Наличие лозунгов или требований.

– Удовлетворение требований.

Далеко не в каждом сообщении было достаточно информации для ответа на все вопросы этого списка. Охарактеризовать полноту всего массива информации в соответствии с этим перечнем признаков затруднительно, так как не все вопросы существенны для любого события (например, для разгрома баптистского собрания в России не существенен ответ на вопрос о национальности участников, хотя он обычно и очевиден; точно так же не столь существенен вопрос о социальном положении или религии участни-

ков межнациональных драк.* Вместо характеристики средней полноты массива информации я счел полезным в отношении отдельных признаков указывать степень этой полноты.

Указанной обработке подвергалась лишь часть имеющейся информации – 212 случаев, – которые отвечают избранному, весьма узкому пониманию термина "общественное возмущение", и, кроме того, это события, не включающие в свое число общественные возмущения, происшедшие непосредственно вследствие провоцирующих действий властей или в лагерях.

Сказанное нуждается в пояснении. В широком смысле "общественным возмущением" можно считать всякое событие, характеризующееся необычностью, с точки зрения принятых обществом и государством правил поведения и притом такое, когда в нем участвует не определенное заранее количество людей. Это слишком широкое понимание для исследования. Так групповая драка хулиганов на улице, привлекшая толпу зрителей и препятствующая уличному движению, несомненно, подходит под приведенное широкое определение. В этой работе, однако, имело смысл ограничиться рассмотрением случаев, важных с политической точки зрения, и еще уже – рассмотреть лишь случаи с элементами политического или социального *протеста,* как мотива участников.

---

* В т. ех случаях, когда ответ на вопрос и мог считаться очевидным, но тем не менее не содержался в сообщении, информация не дополнялась при обработке.

Сказанное примерно очерчивает круг событий, отобранных для рассмотрения в этой работе. Я говорю *примерно,* ибо мне не удалось придумать более четкие критерии, которые были бы и разумны и не привели бы к чрезмерному расширению списка событий. Впрочем, даже этот примерный критерий был несколько сужен (быть может, недостаточно обоснованно). Я имею в виду тот факт, что в рассмотрение почти совсем не были включены демонстрации небольшого количества лиц, принадлежащих к правозащитному движению, к движению евреев и немцев на выезд из СССР, к кругу неофициальных художников, в том числе даже известные ежегодные демонстрации на площади Пушкина в Москве, которые, по характеру событий и неопределенности количества участников, вполне могли бы быть включены в общую статистику. Однако я четко ощущал, что от сужения числа случаев работа не проиграет, а небольшие диссидентские демонстрации или выставки художников могут быть без ущерба выделены в отдельную тему, которая здесь меня не занимает.

Упомянутое выше условие, чтобы событие, включаемое в статистику, было следствием более или менее стихийной инициативы участников и не было непосредственно спровоцировано действиями властей, привело к тому, что изрядное количество случаев выселения крымских татар из Крыма* и разгона молитвенных собраний в

* При этом массовые выступления крымских татар (в основном, в Узбекистане), не являющиеся ответом

частных домах, а также выступлений в лагерях не включено в общую статистику.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАССОВЫХ ВОЗМУЩЕНИЙ

1. Характер события. Определения и частоты

а) *Массовые беспорядки* – возмущения различного характера, но непременно массовые и сопровождающиеся сопротивлением властям, разрушением имущества (обычно государственного) и (или) насилием (обычно над представителями власти). Событие может включать в себя демонстрации или забастовки. В перечне из 212 событий 20 случаев подпадает под это понимание массовых беспорядков.

в) *Демонстрации и митинги* (без религиозных) – широкий класс событий, характеризующийся более или менее массовым собранием людей, либо локальным, либо в форме шествия. Число участников – от десятков до многих тысяч. Событие может сопровождаться сопротивлением и неповиновением властям, но не насилием или разрушениями со стороны участников. В об-

---

на такую непосредственную провокацию властей, рассмотрены в общем списке.

щем перечне нерелигиозные митинги и демонстрации составляют 98 случаев.

c) *Религиозные митинги и демонстрации* составляют в перечне 16 случаев.

d) *Забастовки* – коллективный и достаточно массовый отказ от работы, который может сопровождаться митингами или просто пребыванием участников в определенном месте, но не сопровождается насилием или разрушениями. В перечне – 45 случаев.

Помимо перечисленных основных типов событий в перечне встречаются немногие случаи коллективного сопротивления властям, волнения, события, которые нельзя было охарактеризовать точнее на основе имеющейся информации.

В перечне имеются также три случая межнациональных драк и несколько бойкотов, характер которых обсуждается ниже.

Следует помнить, что дополнительная информация о событиях, учтенных в перечне, может изменить классификацию событий в некоторых случаях. Однако с известным приближением можно сказать, что имеющаяся выборка является характерной для массовых возмущений в СССР и Прибалтике и по ней можно судить о процентном соотношении различных видов возмущений. Данные сведены в следующую таблицу.

Тип события	Количество	% (Приблиз.)
Массовые беспорядки (с насилием или разрушениями)	20	10
Демонстрации и митинги (включая религиозные)	114	54
Забастовки	45	21
Прочие	33	15

Разумеется, процентное соотношение может сильно измениться в сторону большего процента демонстраций, если включить в рассмотрение менее массовые события, чем те, которые вошли в обсуждаемый перечень.

2. Массовость события

Информация о количестве участников событий весьма ограничена. Ясные указания имеются лишь в 76 случаях из 212. Таблица показывает распределение количества участников в известных случаях:

Число участников	Количество событий
1000 и более	34
100 – 1000	30
менее 100	12

Поскольку массовость события была важным критерием для включения события в перечень, можно считать, что основная часть из 137 событий, относительно которых численность не указана, даст вклад в число событий с количеством участников более 100 и более 1000, ибо по смыслу описания события можно составить себе представление о числе участников. В любом случае к оценкам количества участников следует относиться как к весьма приближенным.

3. Распределение по десятилетиям

Распределение числа событий по годам вряд ли будет полезно для толкования из-за скудости общего массива информации. Таблица даст распределение числа событий по десятилетиям:

Годы	Количество событий
50-е	7
60-е	52
70-е	73
80-е	80

Бросается в глаза обилие событий в 80-е годы, несмотря на то, что речь идет лишь о неполном десятилетии (80–83 гг.). Если увеличение числа представленных событий в 70-х годах по сравнению с 50-ми и 60-ми годами вполне разумно было бы объяснить ростом нашей информированности

о внутренних событиях в стране, скачок количества событий в 80-х годах, по-видимому, свидетельствует скорее о тенденции развития общественных процессов, ибо уже в 70-е годы активность информационных усилий деятелей правозащитного движения достаточно стабилизировалась. Это, однако, не означает, что так же быстро росла численность участников массовых возмущений.

4. Время года

Распределение числа сокрытий по времени года интересно не столько с точки зрения оценки наиболее беспокойного с точки зрения ожидания общественных возмущений периода, сколько тем, что разумность полученного распределения позволяет судить о том, что использованная выборка достаточно естественна.

Время года	Число событий
Зима	25
Весна	46
Лето	39
Осень	49
Всего известных случаев	159

5. Продолжительность события

Эта характеристика приближенно известна лишь для 90 событий из 212.

Продолжительность возмущения	Число случаев
Более одного дня	19
День	26
Часы или менее часа	76

6. Социальное положение участников

Большинство событий характеризуется неоднородностью социального состава участников (особенно это касается событий национального и религиозного характера). Отвлекаясь от нескольких случаев, когда участники событий были преимущественно интеллигенты, солдаты или матросы, приведу данные о преимущественном социальном составе участников тех 80 событий из 212, о составе которых есть данные.

Группы населения	Количество событий
Рабочие	50
Школьники	18
Молодежь (включая студентов)	12

Я привел эту таблицу для полноты, и хочу отметить, что следует с осторожностью делать из нее выводы о социальной активности отдельных слоев населения.

Однако интересно заметить, что рабочие и школьники являются теми массовыми слоями

населения, которые максимально защищены в смысле утраты своего социального положения. Конечно, судебные преследования за участие в массовом возмущении могут касаться всех без разбора, однако, в отношении внесудебных преследований студенты, служащие, интеллигенция весьма уязвимы. Интересно отметить, что во всем перечне почти нет упоминания об участии колхозников, хотя, конечно, эти последние могли оказаться в числе участников событий со смешанным социальным составом участников.

7. Распределение по мотивам

Естественно, определение мотивов события носит часто условный характер. Так, например, многие национальные выступления одновременно являются политическими, равно как и некоторые религиозные выступления часто связаны с национальными чувствами и лозунгами.

Для удобства классификации я включил в *национальные* многие события, которые носят национально-религиозный или национально-политический характер (лишь межнациональные столкновения выделены). Подобные оговорки об условности можно сделать и относительно других мотивов.

Таблица представляет распределение по мотивам, оставляя в стороне единичные события, связанные с требованиями разрешить эмиграцию, демонстрации "хиппи" и любителей музыки.

Основные мотивы события	Количество	% к известным 188
Национальные (включая протесты против русификации, но без межнациональных столкновений нерусских наций)	69	37
Межнациональные столкновения	6	3
Экономические	44	23
Религиозные	39	21
Политические	23	12
Реакция на действия милиции	7	4

Бросается в глаза скромная представленность межнациональных столкновений. Я не исключаю, что мизерность этой цифры является результатом ограниченности информации. Хотя о межнациональных противоречиях в СССР вообще говоря известно, конкретная информация из областей, где такие противоречия могут быть более остры (особенно из Средней Азии и Азербайджана), весьма скудна.

ГЕОГРАФИЯ СОБЫТИЙ

В нижеследующей таблице приведено распределение массовых возмущений по республикам (события в воинских частях не учтены).

Республика	Массовые беспорядки	Забастовки	Прочие события	Всего
РСФСР	10	24	37	71
Украина*	–	9	19	28
Белоруссия	–	2	10	12
Молдавия	–	2	2	4
Грузия	–	–	13	13
Армения	–	–	1	1
Азербайджан	–	–	1	1
Узбекистан	1	–	25**	26**
Казахстан	1	–	3	4
Таджикистан	–	–	3	3
Эстония	–	6	15	21
Литва	4	1	16	21
Латвия	–	4	–	4

* – крымско-татарские события в Крыму здесь не учтены.
** – в основном события крымско-татарского движения.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие информации о массовых возмущениях в Средней Азии (если не считать крымско-татарских событий) и в закавказских республиках, за исключением Грузии. Я не думаю, что это объясняется слабой связью этих республик с информаторами Самиздата. Скорее всего это отражает действительное положение вещей, и если это так, то это не так уж и удивительно, поскольку в республиках Средней Азии и Закавказья, во-первых, свой уклад жизни и свои методы протеста, которые, по-видимому, не позволяют людям доходить до такой степени фрустрации, чтобы устраивать бурные массовые беспорядки. Напомню, что в республиках Закавказья и Средней Азии, благодаря обильным связям городов с сельским населением и активности второй экономики, проблема снабжения продовольствием не так остра, как в России и в европейских республиках. Что касается мирных способов политического или национального протеста, таких, как мирные демонстрации и митинги – такие проявления требуют определенного уровня политической культуры населения, который в азиатских республиках по-видимому ниже, чем в среднем по СССР. Как видим, только Грузия представлена в таблице внушительной цифрой мирных массовых демонстраций, а также крымские татары в Узбекистане, которые за пару десятилетий их освобождения от режима спецпоселений сумели выработать довольно высокую культуру политического протеста.

Обращает на себя внимание чрезвычайно высокое по сравнению с долей населения число массовых возмущений в Прибалтике – 23% от общего числа по Союзу и Прибалтике, что естественно объяснить высокой степенью активности национальных и религиозных проявлений, а также возможно более высокой культурой демократических форм протеста.

Распределение числа массовых возмущений в зависимости от характера населенного пункта не представляет из себя ничего необычного. 83% событий из 212, указанных в Перечне, произошли в городах, в том числе 49% в столицах, областных городах и крупных промышленных центрах. 17% событий произошли в пригородах и сельской местности. Как и можно было ожидать, более высокая активность массовых возмущений наблюдается в районах с высокой концентрацией населения.

Попытка проследить связь числа массовых возмущений с географической широтой местности, в известной мере характеризующей климат, не привела ни к каким результатам не только потому, что расположенные на севере Прибалтийские республики дают высокий вклад в общее число событий, но и потому, что в европейской части России географическое распределение не указывает ни на какую достоверную тенденцию такого распределения. Таким образом, хотя казалось бы, что более теплый климат и южный темперамент населения могли бы влиять на увеличение частоты массовых возмущений, в

Национальность	Число событий
Крымские татары*	24
Эстонцы	14
Литовцы	10
Грузины	8
Евреи	7
Немцы**	3
Украинцы	3
Абхазцы	3
Молдаване	2
Месхи	2
Узбеки	1
Казахи	1
Армяне	1
Якуты	1
Осетины	1
Чеченцы	1
Таджики	1

* Без событий, связанных с выселением из Крыма при самовольном переселении.

** Требующие разрешения на эмиграцию.

действительности этого не наблюдается даже в отношении наиболее темпераментных форм массовых возмущений – бунтов и массовых беспорядков.

ВОЗМУЩЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Приведенное выше распределение числа массовых возмущений по республикам относится к возмущениям всех видов и не может характеризовать национальную активность как таковую. Ниже приводится распределение числа случаев собственно национальных возмущений по различным национальным группам. Как правило, это национальные возмущения, направленные против русификации или вообще ограничения национальных прав союзной властью.

Замечу по поводу этой таблицы, что указанные здесь национальности составляют лишь весьма малую толику общего списка национальностей, населяющих Советский Союз. Трудно судить, в какой мере спокойствие не попавших в эту таблицу национальностей не нарушается массовыми возмущениями, и в какое мере мы просто о них не знаем. Несомненно, что пять нацио-

нальностей, возглавляющих эту таблицу, относятся к числу тех национальных групп, чьи связи с информаторами Самиздата установлены довольно прочно, однако сравнительное обилие массовых возмущений среди групп этих национальностей, по-видимому, объясняется не только доступностью информации об этом.

ЗАМЕЧАНИЯ О КУЛЬТУРЕ МАССОВЫХ ВОЗМУЩЕНИЙ

Возможно, этот заголовок звучит несколько странно, однако предмет заслуживает обсуждения, и на этом пути можно будет сделать некоторые выводы о характере обсуждаемого общества и об уровне его политической культуры. Совершенно очевидно, что именно в терминах культуры можно обсуждать различие между массовой деревенской дракой по праздникам – феноменом распространенным, но не затронутым в моем исследовании – и мирной демонстрацией с требованием принять определенную статью конституции. Однако критерий наличия насилия – не единственная характеристика, которую можно применить, рассуждая о культуре массового возмущения. Хорошо известно, что насилие может начаться случайно в процессе мирного массового возмущения или быть спровоцировано.

Как видно из вышеприведенной таблицы, лишь около 10% всех событий Перечня сопровождались насилием или разрушением со стороны участников, причем в некоторых случаях это было спровоцировано властями, так что если судить о культуре лишь по критерию наличия или отсутствия стихийного насилия, общий уровень культуры массовых возмущений в СССР весьма высок, особенно если помнить, что всегда велика вероятность появления в толпе лиц, склонных к эксцессам, чье поведение не будет отвечать вкусам и настроению большинства участников события.

В известной мере о культуре массового возмущения можно судить по соотношению мотива и катализатора события. Говоря упрощенно, можно сказать, что массовое возмущение дает выход накопившейся у населения фрустрации, связанной с определенными социальными явлениями, что можно характеризовать (тоже говоря упрощенно) мотивом фрустрации. Таким мотивом фрустрации может быть длительная нехватка продовольствия, низкие заработки, отсутствие национальных свобод или препятствие к отправлению религиозного культа. Для внезапной разрядки такой накопившейся фрустрации иногда достаточно мелкого повода, искры, которая воспламенит толпу. Причем этот повод может быть совершенно не связан с мотивом фрустрации. В этом случае естественно говорить о невысокой культуре массового возмущения, ибо это свидетельствует о низкой степени само-

контроля публики. В то же время естественно считать культуру массового возмущения более высокой, если катализатор события родственен мотиву фрустрации, так что катализатор не является поджигателем накопившихся неконтролируемых инстинктов, а играет роль последней капли в накоплении фрустрации, побуждающей публику своим поведением заявить протест по определенной тематике, а не просто бушевать как разъяренное стадо. В этом смысле интересны результаты подсчета числа событий по характеру катализатора.

Типичные катализаторы события
(для случаев, когда указано)

Вид катализатора	Число случаев
Снижение расценок, лишение премии и т. д.	11
Грубость милиции, арест, суд	10
Нехватка продуктов и плохое обслуживание	25
Официальные митинги, выборы, субботники	5
Годовщины и праздники (включая религиозные)	34
Закрытие церкви или попытка	12
Убийство и самоубийство	6
Похороны	7
Спортивные состязания	8

Хотя подробные описания событий часто недоступны, но указанная таблица, я думаю, адекватно характеризует катализаторы массовых возмущений и по ней можно судить, что в подавляющем большинстве массовых возмущений мотив фрустрации родственен характеру катализатора. Действительно, лишь возмущение, катализированное возбуждением толпы во время спортивных состязаний, можно считать случаями, когда катализатор не родственен мотиву фрустрации. Число таких случаев пренебрежимо мало. Массовые возмущения, катализированные снижением зарплаты в той или иной форме, нехваткой продуктов и плохим обслуживанием, закрытием церкви, как правило, посвящены именно этой тематике. Такие события, как убийства и самоубийства, похороны, грубость милиции, вызывают массовые возмущения, не просто дающие выход накопленной фрустрации всякого рода, но в большинстве случаев сопровождающиеся требованиями расследования убийства, протестом против грубости милиции, протестом против войны в Афганистане и т. п. Обилие массовых возмущений, относительно которых указано, что катализатором явилась какая-нибудь годовщина или праздник, включая праздник религиозный, не должно вводить в заблуждение. Как правило, массовое возмущение не просто случайно возникло на фоне праздничного возбуждения, но сама годовщина или праздник отмечались публикой с намерением выразить определенный протест, как это типично для

крымских татар или литовских католиков.

Таким образом, судя по этим двум значительным критериям культуры возмущений – частоте насилия и соответствию мотивов фрустрации характеру катализатора – можно судить, что в целом уровень культуры массовых возмущений в СССР неожиданно высок. Я говорю – неожиданно – не только потому, что при столь существенном ограничении демократических свобод в стране низок уровень политической культуры, но и потому, что жестокое подавление массовых выступлений в течение нескольких десятилетий полностью прервало преемственность поколений в этой области. В частности известно, что, например, рабочее движение в России к началу 20-х годов, когда свободные профсоюзы были разогнаны большевиками, накопило изрядный опыт и характеризовалось высоким уровнем культуры.

Сделанное наблюдение о культуре массовых возмущений в Советском Союзе позволяет мне сделать субъективно довольно приятный вывод: если бы в Советском Союзе существовала легальная возможность организации массовых демонстраций для выражения народного мнения, легальная возможность для организации забастовок, массовых религиозных праздников и возможность спокойного и безопасного празднования национальных праздников народов, подчиненных Советскому Союзу, я, возможно, почти не смог бы собрать достаточно материала для исследования массовых возмущений в Совет-

ском Союзе, ибо большинство событий были бы мирно и спокойно организованы, так что термин "возмущение" был бы просто неприменим.

МЕТОДЫ ПОДАВЛЕНИЯ

Официальная информация о методах подавления общественных возмущений и о специальных воинских подразделениях, прошедших с этой целью тренировку, держится в секрете.

Из различных сообщений, однако, известны некоторые детали. Так, согласно сообщению Хроники текущих событий № 10, 1968, с. 274:

> "Для отдельных батальонов МВД существуют инструкции по разгону демонстраций. В разгоне участвует взвод: 3 отделения по 10 человек и бронетранспортер. Инструкция предусматривает три способа действий:
>
> – 2 гранатомета, гранаты с репрессирующим газом (код "Черемуха"), у офицеров пистолеты заряжены ампулами с таким же газом, движение двумя колоннами, впереди два офицера, за ними бронетранспортер, затем две колонны солдат, в каждой по гранатомету, колонны расходятся, рассекая толпу;
>
> – разгон с помощью гидромониторов:

машина с гидромониторами подобна употребляемой для тушения нефтяных пожаров, струи воды рассеивают толпу, рассекают шеренги;

– стрелковый огонь; при этом запрещена стрельба по детям, женщинам и умалишенным.

Ведутся дежурства спец. машин. следящих за порядком такого рода, т. е. недопущением массовых шествий и иного рода демонстраций".

Согласно русскому эмигрантскому журналу осев" (июль 1973, с. 17):

"Для подавления массовых беспорядков в городах еще в 1966 г. специальным указом Верховного Совета СССР созданы БОНы – батальоны особого назначения войск МВД. Офицерские кадры БОНов набраны из офицеров МВД и милиции со стажем работы именно в данном городе, но не имеющих в нем родственников или близких. Рядовой состав проходит специальную проверку и подготовку, включающую в себя владение всеми видами ручного оружия, тактику уличного боя, методы задержания и конвоирования, а также самбо и другие боевые приемы.

В отличие от обычных войск МВД солдаты БОНов несут патрульно-постовую службу в милицейской форме и снабжены пистолетами. В их распоряжении много мо-

тоциклов, патрульные и конвойные автомашины с опознавательными знаками милиции. Есть у них и специальные пожарные машины, дубинки с электрическим разрядом, наручники, бомбы со слезоточивым газом".

В 1970 г. "Хроника текущих событий" № 17, с. 75 сообщила об учениях по подавлению восстания в лагерях:

"Осенью 1970 г. под Москвой проходили учения войск МВД под названием "Подавление восстания в лагере численностью 1200 человек". Выглядело это так: зона, люди в бушлатах машут руками, кричат. По сигналу в толпу врезались бронетранспортеры и рассекли ее на три части. С бронетранспортеров прыгали солдаты, бросали гранаты со слезоточивым газом (условно); выскакивали собаки. Собаки прыгали на "бушлатников" сзади, хватали их за шею, пытались повалить. (На шее у солдат в бушлатах, как специально заявляли, – были специальные прокладки).

Заключительный этап – "захват зачинщиков". На "бушлатников" наползали механические клетки: надвинутся и двери автоматически захлопываются. В каждую клеть попадало несколько человек. Всего было задержано 50 "зачинщиков".

На маневрах присутствовало около сотни офицеров и генералов МВД и КГБ.

По окончании маневров традиционно был устроен банкет".

Также из "Хроника текущих событий" (№ 52, 1978, с. 81–82) известно о создании в Крыму в Симферополе специального батальона войск МВД в форме милиции для выселений самовольно приехавших в Крым крымских татар. Ранее выселения проводились, как правило, нарядом милиции с помощью дружинников, и соседям нередко удавалось помешать выселениям. Созданный специальный батальон проводит выселение более профессионально, силами до нескольких сот человек. При этом используется большое число автомашин, включая пожарные машины и автобусы. Акцией выселения обычно руководит начальник милиции, местное начальство. Иногда присутствует представитель КГБ.

Из описанных случаев массовых возмущений видно, что довольно часто власти не применяют специальных мер по разгону мирных общественных сборищ и шествий, пытаясь уговорить или запугать участников массовых возмущений, или просто занимая наблюдательную позицию. Замечу также, что мирные забастовки рабочих часто кончаются удовлетворением их требований. Все это, однако, не делает более извинительными случаи, когда власти применяют стрельбу по безоружной толпе. Это не только свидетельствует об их напуганности и жестокости (для такого вывода не нужно было проводить специального исследования), но и свидетельству-

ет о недостаточной подготовленности к массовому возмущению. Массовые возмущения случаются во многих странах, и во многих странах полицией разработаны специальные методы подавления массовых возмущений, когда эти возмущения угрожают порядку, собственности или жизни людей. В советских газетах часто сообщается о разгоне массовых возмущений на Западе с применением слезоточивых газов. Не знаю, как часто применяются такие газы, но несомненно, что временное раздражение дыхательных путей – метод более гуманный, чем стрельба из винтовок, автоматов и танков по безоружной толпе. Возможно, советские власти почти не применяют слезоточивые газы из-за отрицательных пропагандистских ассоциаций этого способа. Впрочем, стрельба по безоружным людям вряд ли у кого-либо вызовет положительные пропагандистские ассоциации. Не исключено, что в случае крупных массовых беспорядков, даже не связанных с насилием со стороны участников, власти предпочитают стрельбу по безоружной толпе с целью запугивания на будущее: в конце концов применение слезоточивых газов не вызывает у людей такого ужаса, как расстрел безоружных. Здесь, пожалуй, можно согласиться, что власти добивались своего: массовые расстрелы демонстраций усмиряют население данного города на десятилетия, как видно на примере Тбилиси – после кровавой расправы над демонстрирующей молодежью в 1956 г. в Тбилиси не было серьезных массовых возмущений до 1978 г.

Также ничего не слышно о возмущениях в Новочеркасске после кровавой расправы в 1962 году. Если это сознательный метод усмирения города со стороны властей, то этот метод очень дорогой не только для населения, но и для властей. Ясно, что память о жестокости властей будет жить в поколениях, и это порождает не только внешнее спокойствие, но и горькую ненависть.

Ясно, однако, что власти не только разрабатывают методы подавления массовых возмущений, но и методы их предупреждения. Так известно, что и в дни официальных праздников, и в дни, значимые для населения, как, например, непризнанные официально национальные праздники, власти проявляют особую бдительность, иногда наводняя города повышенным количеством милиции. Имеется сообщение, что в Вильнюсе в День независимости Литвы в 1977 г. город был наводнен милицейскими и военными патрулями, проверяли автомашины, пассажиров поездов, иногда останавливали прохожих на улицах. Для оправдания подобных мер были распущены слухи, что накануне бандиты ограбили сберкассу, убив при этом милиционера (ХТС, 1977, № 44, с. 75).

Несомненно, что по-прежнему действенной является система осведомителей госбезопасности, милиции и система партийных информаторов. Благодаря этому власти часто осведомлены заранее о возможных вспышках недовольства населения, что, естественно позволяет принять меры для их предупреждения. Насколько быстра

в таких случаях реакция властей и насколько они гибки в своем поведении, судить, конечно, трудно. Однако я не исключаю, что действия властей по предупреждению массовых возмущений довольно результативны, и косвенно об этом свидетельствует в общем очень низкий уровень количества массовых возмущений в стране, где фрустрация населения очень сильна.

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Массовые беспорядки

В соответствии с законом о государственных преступлениях, статьи которого входят в Уголовные кодексы союзных республик,

> "Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами, разрушениями, поджогами и другими подобными действиями, а равно непосредственное совершение их участниками указанных выше преступлений или оказание ими вооруженного сопротивления власти – наказывается лишением свободы на срок от 2-х до 15 лет".*
>
> (ст. УК РСФСР)

*Следуя традиции, здесь и далее цитирую Уголовный кодекс РСФСР.

Из этой формулировки видно, что далеко не всякое общественное возмущение может быть квалифицировано по этой статье. Ответственность по этой статье наступает лишь, если массовые возмущения сопровождались погромами, разрушениями, поджогами, самосудом, вооруженным сопротивлением представителям власти и т. п. Комментарий к этой статье** специально указывает, что лица, просто находившиеся в толпе и не участвовавшие в разрушениях или насилии, не могут быть привлечены к ответственности по этой статье: лишь организаторы и непосредственные исполнители перечисленных действий. Комментарий указывает, что массовые беспорядки – преступление умышленное, то есть виновный сознает, что организует массу людей (толпу) для совершения беспорядков и предвидит, что беспорядки могут сопровождаться погромами, разрушениями, и желает или сознательно допускает наступление таких действий. Такой подход, вообще говоря, оставляет большую свободу для суда в том, как толковать ответствен-

**Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР.

Когда речь идет об ординарных некрупных преступлениях, бывает интересно обсуждать и официальные комментарии к уголовным статьям, и высказывания различных юристов. А относительно так называемых государственных преступлений, а также уголовных статей, содержащих защиту наиболее существенных государственных интересов, такой возможности практически нет. Все юристы в своих публикациях и учебниках следуют в отношении этой статьи официальному комментарию.

ность организаторов массы за эксцессы исполнителей. Юридически это может быть вопросом дискуссионным, а практически, я думаю, дискуссия не возникает: суды по этой статье, как правило, ведутся закрыто и при проведении таких дел обвиняемые обладают весьма ограниченными возможностями защиты, как из-за партийно-правительственной предрешенности таких дел, так и из-за послушания назначенных обвиняемым адвокатов. Комментарий к статье прямо указывает, что, если у виновных были цели подрыва или ослабления советского государства, действия участников массовых беспорядков должны квалифицироваться по статьям закона о диверсии и террористическом акте. Поскольку формула о целях подрыва или ослабления советского государства, как показывает практика, необычайно растяжима – настолько, что даже распространители Самиздата, осужденные по статье об антисоветской агитации, признаны судом имевшими такие цели, – становится очевидным, что статьи о диверсии и террористическом акте могут применяться довольно широко при осуждении участников массовых беспорядков, если при этом совершены разрушения государственной собственности или совершены насилия против представителей власти, включая солдат или милиционеров. Между прочим, отсылка к статьям о диверсии и террористическом акте, если она использована судом на практике, позволяет властям преследовать или хотя бы запугивать в связи с происшедшими массовыми беспорядками чрезвычайно ши-

рокий круг лиц, поскольку в отличие от статьи о массовых беспорядках, статьи о диверсии и террористическом акте упоминаются в статье о недонесении о государственных преступлениях. Таким образом, лица, знавшие о готовившемся массовом возмущении и не донесшие об этом властям, рискуют получить наказание от 1 года до 3 лет лишения свободы в том случае, если суд применит статьи о диверсии и терроризме к некоторым участникам этих беспорядков. Как уже указывалось, и массовые беспорядки и судебная информация о них строго засекречены, поэтому нет возможности судить о частоте применения тех или иных статей. Однако, судя по тому, что в неофициальных сообщениях о массовых беспорядках часто говорится о приговоре к расстрелу, можно полагать, что статьи о терроризме и диверсиях были в этих случаях применены, поскольку статья о массовых беспорядках сама по себе не предусматривает смертной казни.

Жестокость статей и неизбежная предвзятость судебного разбирательства ставят всех участников массовых возмущений перед лицом громадного риска, даже если власти не вызовут войска для расстрела толпы. При наличии большого скопления народа никто не может поручиться даже при самых мирных намерениях остальных участников события, что хулиганствующий элемент, провокаторы или просто чрезмерно возбужденные участники события не начнут каких-либо разрушений или не окажут физического сопротивления представителям власти. Таким об-

разом любая, самая мирная демонстрация может оказаться тем, что властями будет квалифицировано как массовые беспорядки с соответствующими весьма тяжкими наказаниями для тех, кто будет признан организаторами демонстрации. Тот факт, что во время многих мирных демонстраций, даже весьма многочисленных, таких эксцессов не происходило, свидетельствует о высоком чувстве ответственности участников этих демонстраций и, я бы сказал, о высокой культуре общественного возмущения. Несмотря на это, риск всегда есть, и он тем больше, чем больше толпа, и чем выше возбуждение. Я думаю, что участники мирных общественных возмущений сознают риск, о котором я пишу здесь, и не исключено, что они предпринимают определенные меры для предотвращения всевозможных эксцессов – не нужно говорить, как трудно успешно применять такие меры. Я помню, что известный советский правозащитник Александр Вольпин, организовывая демонстрацию на Пушкинской площади в 1965 г., потратил много времени на разъяснение того, какому риску подвергаются участники в случае возникновения непредвиденных эксцессов. Он даже написал инструкцию по проведению демонстрации, специально обращая внимание на эту тему. Трудно судить, насколько реалистична была эта инструкция (там, например, говорилось, что если в толпе возникнет драка, ее нужно срочно перенести в другое место), но само внимание к этой теме заслуживает подражания.

В случае мирных митингов и демонстраций, не сопровождающихся насилием и разрушениями, статья о массовых беспорядках не применима, однако в Уголовном Кодексе есть статья 190-3 – "Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок".

> "Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей властей, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий, –
>
> наказываются лишением свободы на срок до 3-х лет или исправительными работами на срок до 1-го года, или штрафом до 100 рублей".

Комментарий к этой статье указывает, что под групповыми действиями следует понимать совместные и одновременные преступные действия *двух или более лиц.* Указывается также, что лица, находящиеся в числе участников групповых действий, но не являющиеся их организаторами или активными участниками, не подлежат уголовной ответственности. Помимо явно указанных в статье нарушений работы транспорта, государст-

венных и общественных учреждений или предприятий, а равно явного неповиновения законным требованиям представителей власти, статья содержит также весьма неопределенную формулу о грубом нарушении общественного порядка, – формулу, как можно видеть из практики, чрезвычайно растяжимую (из судебной практики по другим статьям можно видеть, что эта формула применяется для обоснования преследования во многих весьма разнородных случаях: и в случае трансляции радиопередач без соответствующего разрешения, и в случае религиозного шествия в лесу, и для наказания пьяной компании за поведение с дурными манерами).

Хотя демонстрации в явной форме не упоминаются в цитированной статье, эта статья часто применялась для наказания демонстрантов со ссылкой на нарушение работы транспорта. Впрочем, для наказания демонстрантов эта статья применяется далеко не всегда, и у меня есть сильное ощущение, что эта статья применяется чаще для наказания малочисленных демонстраций, чем в случаях массовых событий. Очень часто массовые демонстрации, мирно закончившиеся, не приводят ни к каким явным преследованиям со стороны властей, во всяком случае в ближайшее после демонстрации время.

Напомню, что советская конституция гарантирует право граждан на митинги и демонстрации. Но неизвестно ни одного случая, когда неофициальным группам удалось воспользоваться этим правом не явочным порядком: в тех немногих

случаях, когда организаторы демонстраций пытались получить разрешение властей на проведение митинга или демонстрации, власти отказывали им в этом разрешении (впрочем, непонятно, нужно ли такое разрешение – неизвестны закон или постановление, регулирующие проведение митингов и демонстраций, а коль скоро это так, то и разрешение не требуется). Впрочем, для предотвращения нарушения работы транспорта может оказаться полезным и формально не нарушающим прав демонстрантов информировать власти о проводимой демонстрации.

Я опишу здесь попытку жителей Новосибирска, добивавшихся выезда за границу, провести демонстрацию 25 апреля 1981 г. от облисполкома до памятника Ленину под следующими лозунгами: "Да здравствует демократия!", "Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая собственную, – закон СССР от 1976 г."* Другие лозунги были цитатами из речей Брежнева о пользе выполнения законов и вреде бюрократии.

Авторы заявили, что цель их демонстрации – обратить внимание общественности на факты нарушения законов административными органами г. Новосибирска. Авторы разослали заявления во многие партийные и административные органы, в которых сообщали о намечавшейся

* Такого закона, конечно, нет. По-видимому авторы имеют в виду указ Президиума Верховного Совета СССР (не закон!) о ратификации пактов о правах человека, содержащих формулировку о праве покидать страну.

мирной демонстрации. Все авторы этого заявления 15 апреля были вызваны в облисполком. Там председатель комиссии, заведующий организационным отделом облисполкома сообщил, что комиссия от имени облисполкома запрещает демонстрацию по следующим причинам:

1. Заявлено мало участников.

2. Участники не представляют собой организацию.

3. Перечисленные выше лозунги антисоциалистические.

4. Кроме того, указанные лозунги – антисоветские.

5. Кроме того, предложенные лозунги антизаконные.

Последний пункт сотрудники облисполкома пытались обосновать, предъявив газету с напечатанными в ней призывами к демонстрации 1 мая, утверждая, что это и есть законные лозунги.

Инициаторы организуемой демонстрации не признали перечисленные доводы законными и ходатайствовали о переносе срока демонстрации на 5 июля. Дальнейшие подробности дискуссии с властями неизвестны, однако известно, что в предполагаемый день демонстрации районы проживания инициаторов демонстрации были окружены милицией, и город патрулировался усиленными нарядами милиции и штатских.

Ответ новосибирского облисполкома тем более интересен, что это, по-видимому, единственный мотивированный официальный ответ, имеющийся в литературе. Произвольность указанных

пяти пунктов мотивировки достаточно очевидна и вряд ли заслуживает комментариев. Скажу лишь, что первые два пункта – это следствие довольно распространенного толкования конституционной статьи о свободе слова, митингов и собраний. Даже в солидных юридических руководствах можно найти указание на то, что конституция якобы имеет в виду коллективную и организованную свободу слова и собраний.

Забастовки

В советском законодательстве нет признания права на забастовки и документов, регулирующих организацию и проведение забастовки. Традиционно, судя по дореволюционному русскому и зарубежному опыту, забастовки организуются профсоюзами, однако, профессиональные союзы в Советском Союзе находятся под полным контролем государства, и, вообще говоря, не воспринимаются рабочими как орган, выражающий их интересы. Отсутствие независимых профсоюзов в СССР или каких-либо ассоциаций рабочих с традиционными функциями профсоюзов приводит к тому, что забастовки, как правило, возникают стихийно, и рабочим приходится учиться на собственном опыте и, по слухам, на опыте своих коллег тому, как проводить забастовки, и в каких случаях забастовка уместна или, может быть, успешна. Участие в забастовке само по себе не наказуемо по советскому законодательству, од-

нако, организация или активное участие в забастовке может быть наказуемо по статье 190-3, цитированной выше, поскольку забастовка, как правило, нарушает работу транспорта, государственных и общественных учреждений или предприятий. Мне, однако, неизвестно о применении этой статьи собственно к организаторам или активным участникам забастовки. Даже если такого применения не было, это неудивительно – власти часто имеют в запасе законы, которые они могут использовать в случае необходимости.

ЗАМЕЧАНИЯ ВМЕСТО ПРОГНОЗА

Совершенно очевидно, что невозможно дать прогноз развития такого общественного явления, как общественные возмущения. С первого взгляда казалось бы, что есть тенденция к большей частоте этого типа общественных явлений, поскольку, как уже говорилось, 70-е и особенно начало 80-х годов характеризуются возрастанием числа общественных возмущений. Однако сделать вывод о будущем росте было бы преждевременно, ибо естественно отмеченная тенденция обратила на себя внимание властей, и это вполне может привести к усилению превентивных мер. Примером этого может служить отмеченная ситуация в Грузии: после весьма успешной массовой де-

монстрации 1978 г. организовывались и другие демонстрации практически без сильного препятствия властей, однако, в последние годы власти применяют репрессии против организаторов и участников демонстраций все чаще и чаще.

Важным обстоятельством, которое, возможно, побудило власти обратить особое внимание на предупреждение общественных возмущений и забастовок рабочих, в частности, это события в Польше. Хотя борьба польских рабочих не вызвала чрезмерных симпатий у основной массы рабочих в России, поступающая информация тем не менее может подсказать рабочим идею о возможности более активной борьбы за свои права. Что касается властей, то, наблюдая польские события, им вполне естественно было бы сделать вывод о важности усиления превентивных мер не только по возможному репрессивному пресечению готовящихся забастовок и возмущений, но и мер по устранению прямых причин этого. Поскольку прямыми причинами массовых возмущений рабочих являются, в первую очередь, неудовлетворенность снабжением и, во многих случаях, плохое материальное положение, а также отсутствие легальных форм защиты своих прав, я не исключаю, что в будущем власти обратят особое внимание на некоторое расширение роли официальных профсоюзов, так, чтобы попытаться внушить рабочим мысль, что хотя бы в чем-то профсоюзы отстаивают права рабочих. Разумеется, такая цель будет недостижима без предоставления профсоюзам каких-то действительных, а не ил-

люзорных возможностей проявления инициативы в представлении рабочих интересов. Я не исключаю такой возможности, однако, я не слишком в нее верю, учитывая, что советские профсоюзы давно стали громоздким и пассивным придатком советской бюрократической системы, так что совершенно не очевидно, что без кардинальных мер властям удастся вновь посеять иллюзию хотя бы ограниченного доверия рабочих к профсоюзу. Впрочем, на фоне стремления многих советских интеллигентов и бюрократии к децентрализации управления экономикой может выглядеть неправдоподобной ситуация, когда профсоюзам будет дарована хотя бы ограниченная инициатива представления интересов рабочих, что несомненно будет способствовать большему доверию рабочих.

Бросив взгляд на проблему массовых возмущений в Советском Союзе в целом, без различия групп, участвующих в возмущении, и целей, которыми движимы участники возмущений, можно сделать наблюдение о том, что власти в СССР не сделали четкого выбора между двумя крайними линиями поведения: предотвращением возмущений и умиротворением их фактом уступок, выполнением требований публики и репрессивными превентивными мерами и прямым подавлением массовых возмущений. Власти пытаются действовать гибко, применяя все возможности, хотя, разумеетя, часто доходят до крайности, и мы видели, что дело доходит даже до расстрелов мирной толпы граждан. По-видимому, ни одна из указан-

ных крайних линий поведения не может быть в принципе пригодна для власти. Репрессивная линия поведения во всех случаях не может быть пригодна, потому что приведет к резкой конфронтации между публикой и властью, и приведет к резкому росту потенциала ненависти в стране. Линия уступок непригодна просто потому, что советская система неприспособлена к мирному преодолению многих острых внутренних противоречий в обществе.

Теоретически можно было бы себе представить многолетний путь уступок и признания многих гражданских, социально-экономических, национальных и религиозных требований населения. Однако лишь теоретически. К тому же, бывают случаи, когда требования населения удовлетворить невозможно без нарушения прав других групп. Так, например, уступка молдавскому населению, устроившему драку и забастовку с требованием выселения цыган, несомненно, означала бы нарушение прав другой группы – цыган. Однако нормализация ситуации, связанная с общественными массовыми возмущениями, вовсе не требует непременных уступок и немедленного удовлетворения требований. Очень часто общественные возмущения возникают не просто потому, что люди хотят добиться удовлетворения их требований, но и потому, что у людей нет реальной возможности выразить свое требование. Поэтому, мне кажется, довольно логичным выводом из ситуации, когда частота общественных возмущений в последние годы воз-

растает, была бы легализация способов выражения общественного мнения вместе с демонстрацией народу желания властей принять меры, необходимые для разрешения острых внутренних противоречий. Я понимаю, что мои рассуждения недалеки от области фантазии, однако, практическое признание конституционного права граждан на митинги и демонстрации явилось бы несомненно фактором, снижающим вероятность массовых возмущений.

Составил Э. С. Орловский

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ, ВНЕСЕННЫХ С 1 ЯНВАРЯ 1984 г. В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СССР О ПОДОХОДНОМ НАЛОГЕ С НАСЕЛЕНИЯ

Введение

20 октября 1983 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ "О внесении изменений и дополнений в указ Президиума Верховного Совета СССР "О подоходном налоге с населения" (опубликован: "Ведомости Верховного Совета СССР" 1983, №43, ст. 653; ниже – "Указ 1983 года"). Этот указ утвержден законом СССР "Об утверждении указов Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР" от 29 декабря 1983 года, опубликованном в "Ведомостях Верховного Совета СССР", 1984, №1, ст. 18. Еще до издания Указа 1983 г. Совет Министров СССР принял постановление № 954 от 29 сентября 1983 г. "О доходах граждан, не подлежащих обложению подоходным налогом с населения" (опубликовано: СП СССР 1983, отдел I, №29, ст. 165; ниже – "Постановление №954"). Оба эти нормативных акта (Указ 1983 года и Постановление №954) вступают в силу одновременно,

с 1 января 1984 года. Как указано в преамбуле каждого из этих актов, они изданы "в связи с изданием Свода законов СССР и в целях дальнейшего совершенствования финансового законодательства".

Велики ли изменения, внесенные Указом 1983 года и Постановлением № 954 в законодательство о подоходном налоге с населения?

Ответ на этот вопрос не однозначен: реальные изменения в размерах и порядке уплаты налога невелики, даже можно, пожалуй, сказать – ничтожно малы; однако в законодательство внесены крупные изменения юридического характера.

В Указе 1983 года речь идет о внесении изменений и дополнений в указ "О подоходном налоге с населения" от 30 апреля 1943 г. (опубликован: "Ведомости Верховного Совета СССР" 1943, №17; ниже – "Указ 1943 года"). На конец 1983 года Указ 1943 года применялся с учетом ряда последующих изменений; кроме того, применялись некоторые указы, касающиеся подоходного налога, но не содержащие упоминаний о внесении изменений в Указ 1943 года. При внесении изменений и дополнений в нормативный акт принято ссылаться на источник, где опубликован первоначальный текст нормативного акта, а также на источники, где опубликованы прежние изменения и дополнения к этому акту – все или хотя бы те, которые относятся к ныне изменяемым положениям акта и не перекрыты более поздними изменениями и дополнениями.

В Указе 1983 года, вопреки его названию, нет перечня изменений и дополнений, вносимых в

Указ 1943 года, а просто сказано: "Утвердить его новую редакцию", – и эта новая редакция приложена к Указу 1983 года (ниже именуется "Указ 1943 года в редакции 1983 года"). Кроме источника публикации Указа 1943 года, в Указе 1983 года даны ссылки на источники публикации ряда указов о внесении изменений и дополнений в Указ 1943 года. Обратившись к перечисленным номерам "Ведомостей", мы увидим, что ссылка дана на следующие 10 указов: от 23 августа 1947, 8 сентября 1956, 3 ноября 1962, 21 августа 1968, 19 января 1970, 18 января 1972, 4 сентября 1973, 20 сентября 1973, 26 ноября 1973 и 12 мая 1975. Однако это далеко не все применявшиеся на практике указы о внесении изменений и дополнений в указ 1943 года, было и немало других, о чем подробнее будет сказано ниже.

I. О реальных изменениях

Прежде чем перейти к перечню реальных изменений, следует оговориться, что такой перечень не может быть составлен с полной точностью, а лишь предположительно. Дело в том, что введение в указ какого-либо положения, касающегося размера налога, не всегда означает реальное изменение этого размера для какой-то категории налогоплательщиков: нередко оказывается, что подобная или даже дословно совпадающая норма уже содержалась и ранее в инструкции Министерства финансов (часто это может означать,

что эта норма содержалась в неопубликованном постановлении правительства или даже в неопубликованном указе). Равным образом, и исключение какой-то нормы (скажем, о льготах определенной категории плательщиков) не всегда означает отмену этой льготы, нередко бывает, что эта норма просто перенесена в постановление Совета Министров или в инструкцию. Поэтому для выявления *реальных* изменений, происшедших с 1 января 1984 года, следовало бы сличить инструкцию, действовавшую до 1.1.84, с инструкцией, введенной в действие с 1.1.84. (Хотя и это не дало бы полной картины, так как параллельно с инструкцией всегда действует некоторое количество инструктивных писем Министерства финансов СССР, а кроме того, определенный круг вопросов регулируется на уровне правительств и министерств финансов союзных республик, и это не обязательно вопросы, имеющие локальное значение; бывает и так, что все союзные республики приняли – по гласной или негласной рекомендации того или иного органа Союза ССР или КПСС – совпадающие правовые нормы, и все равно эти нормы считаются локальными, и в инструкции Минфина СССР они не будут отражены.) Но такое сличение не удалось провести: новая инструкция пока недоступна для ознакомления, да и прежнюю инструкцию удалось найти лишь в редакции 1975 года, а ведь трудно сомневаться в том, что за последующие 8 лет инструкция претерпела немало изменений.

С перечисленными оговорками можно предположить, что нижеперечисленные изменения явля-

ются реальными (они, весьма вероятно, являются реальными по отношению к нормам, действовавшим по состоянию на 1 января 1976 года).

1. Налог с 1-ой тысячи авторского гонорара за использование за рубежом произведения литературы, науки или искусства снижается теперь на 50% в следующих случаях:

– если гонорар выплачивается за использование произведения в соцстране и притом это использование было оформлено в установленном порядке, а автор является гражданином СССР или постоянно проживает на территории СССР;

– если гонорар выплачивается наследнику автора, а этот наследник

– либо не достиг 16 лет,
– либо является учащимся и не достиг 22 лет,
– либо достиг 60 лет,
– либо является женщиной и достиг 55 лет,
– либо получает пенсию по инвалидности.

2. Суммы в иностранной валюте, получаемые рабочими и служащими от советских организаций, не включаются теперь в облагаемый доход.

3. Необлагаемый минимум доходов от кустарно-ремесленных промыслов повышен с 720 до 840 руб. в год.

4. Необлагаемый минимум доходов от частной практики и "прочих" доходов (сдача внаем поме-

щений, выращивание на продажу аквариумных рыб и др.) повышен с 60 до 300 руб. в год. (Ранее минимум 300 руб. был предусмотрен указом для пенсионеров по старости и инвалидов, а инструкцией – еще для доходов от сдачи внаем помещений.)

5. Освобождены от налога с дохода от неземледельческих занятий в сельской местности хозяйства мужчин, достигших 60 лет, и женщин, достигших 55 лет, если эти хозяйства освобождены от сельскохозяйственного налога, т. е. если в хозяйстве не принимают участия личным трудом другие трудоспособные члены хозяйства.

6. Не облагаются теперь налогом премии Совета Министров СССР. В Указе 1943 года говорилось об освобождении от налога лишь Сталинских премий, что редакциями последних изданий нормативных актов толкуется в сносках как норма, относящаяся к Государственным премиям СССР; последующие изменения к Указу 1943 года тоже не упоминали о льготах для каких-либо иных премий; но в инструкции 1975 года говорится – возможно, на основании неопубликованных постановлений Совета Министров СССР – о том, что налогом не облагаются Ленинские, Государственные премии СССР и премии Ленинского Комсомола; премии Совета Министров СССР в инструкции 1975 года не упомянуты.

7. Расширен круг старателей, хозяйства которых освобождаются от налога. Эта льгота, ранее

предусмотренная пунктом "е" ст. 2 Указа 1943 года, а теперь исчезнувшая из Указа, но предусмотренная Постановлением №954, охватывает ныне членов артелей старателей по добыче золота, платины, олова, редких металлов, молибдена, вольфрама и других полезных ископаемых по списку, определяемому Министерством цветной металлургии СССР; здесь добавлены слова "молибдена, вольфрама и других...", одновременно прежние слова "старатели золотой и платиновой промышленности" заменены словами "старатели по добыче золота и платины". Может оказаться, что реального расширения круга лиц, освобождаемых от налога, и нет, ибо не исключено, например, что

– молибден и вольфрам могли охватываться понятием "редкие металлы";
– а "другие полезные ископаемые" могут включать палладий, радий, рутений, осмий, иридий, добыча которых (а может быть, и рения) могла охватываться понятием "платиновая промышленность".

8. Введено взимание налога с доходов от ведения сельского хозяйства в сельской местности с лиц, не являющихся колхозниками. Вопреки ожиданию, оказалось, что не отменено взимание с этих лиц сельскохозяйственного налога. Новая редакция закона о сельскохозяйственном налоге (указ от 22 декабря 1983 г., утвержденный законом от 29 декабря 1983 г.) сохраняет обложение этой категории лиц сельскохозяйственным нало-

гом, отменяя лишь повышение для них налога вдвое по сравнению с колхозниками.

Можно предположить, таким образом, что это изменение не является реальным: эти лица будут платить, скорее всего, те же суммы налога, что и прежде, но только половина уплачивавшейся ими прежде суммы будет считаться, как и раньше, сельскохозяйственным налогом, а другая половина будет переименована в подоходный налог.

9. Согласно Постановлению №954, освобождаются от налога доходы колхозников, рабочих и служащих и других граждан (т. е. всех вообще граждан? – Э. О.) от реализации продуктов своего подсобного сельского хозяйства. Неясно, как это совмещается с введением налога (быть может, впрочем, под "другими гражданами" имеются в виду граждане, основным занятием которых не является работа в личном сельском хозяйстве; термин "крестьяне-единоличники" ныне из законодательства исключен). Возможно, эта норма означает отмену взимания подоходного налога за пользование земельными участками и в городских поселениях (городах и поселках городского типа). До сих пор рабочие, служащие и приравненные к ним лица освобождались от уплаты налога с земельных участков, выделенных предприятиями под коллективные и индивидуальные огороды и сады (Постановление СМ СССР 1949 года в редакции 1971 года), с покосных участков и с приусадебных участков, площадь которых

(включая площадь, занятую строениями, лесами и др.) не превышает 1 550 кв. м, а за более крупные участки платили по ставкам сельсхозналога (но с площади за исключением площади строений, лесов и др.). Прочие граждане платили за приусадебные участки любой площади, и притом по удвоенным ставкам.

II. О юридических изменениях

Что касается юридических изменений, то **первое** и главное изменение состоит в том, что устранена (по крайней мере на будущее) антиконституционность всего применявшегося до сих пор законодательства о подоходном налоге с населения. Дело в том, что Указ 1943, хотя и был опубликован, но никогда не представлялся на утверждение Верховного Совета СССР. Между тем, Указ 1943 года предусматривал отмену двух законов, принятых сессией Верховного Совета СССР 4 апреля 1940 года: "Закона о подоходном налоге с населения" и "Закона о сборе на нужды жилищного и культурно-бытового строительства с населения, облагаемого подоходным налогом" (ниже – "Законы 1940 года").

Пояснения.

1. Упомянутый в названии второго закона сбор, именовавшийся обычно в те годы "культурсбором", был введен не позднее 1934 года и, по-видимому, преподносился первоначально в качестве временной меры; Законы 1940 года превра-

тили его в постоянный сбор, по существу не отличающийся от подоходного налога и примерно равный ему по размеру.

2. Встречавшиеся нередко возражения должностных лиц против утверждений об антиконституционности Указа 1943 года не представляются убедительными. Эти возражения аргументировались следующим образом. Во-первых, в период войны не созывались сессии Верховного Совета СССР и не было возможности представить указ на утверждение. Во-вторых, указ был одобрен Государственным Комитетом Обороны СССР, а этот Комитет, созданный совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), обладал в те годы всей полнотой власти в стране. *Ответ на это:* а). Сессии во время войны созывались, хотя и не столь регулярно, как этого требовала конституция СССР. Так, в 1942 году состоялась 9-ая сессия, в 1944 году – 10-я, а в 1945 – 11-я и 12-я (обе до 2.9, т. е. до окончания войны). б). Нет причин, которые не позволяли бы созывать сессии регулярно и в период войны; в годы гражданской войны была еще более трудная обстановка, однако регулярно созывались и сессии ВЦИКа и Всероссийские съезды Советов.

в). В послевоенные годы сессии Верховного Совета СССР созывались более регулярно, чем в годы войны, и указы военных лет, требующие утверждения Верховного Совета, можно было бы представить на утверждение одной из сессий, скажем, 1946 или 1947 года, или например,

1956 года. г). Ни в одном опубликованном источнике не сказано, что Государственный Комитет Обороны имел какое-либо отношение к Указу 1943 года. д). К тому же само постановление о создании Государственного Комитета Обороны антиконституционно – во всяком случае в той мере, в какой этот комитет взял на себя полномочия конституционных органов государственной власти и государственного управления. е). Общепринятые правила юридического толкования требуют выяснять "волю законодателя". "Законодателем", принявшим действовавшую в 1936 по 1977 годы Конституцию СССР, был VIII Чрезвычайный съезд Советов СССР, а "воля" этого законодателя видна из следующего: по предложению И. В. Сталина (дважды выступавшего на съезде с докладами: как председатель Конституционной комиссии ЦИКа и как председатель Редакционной комиссии съезда) съезд отверг поправку, предусматривавшую предоставление Президиуму Верховного Совета СССР права издавать временные законодательные акты в случае войны или иной чрезвычайной обстановки. Сталин категорически выступил против того, чтобы акты законодательного характера, даже временные, не говоря уже о постоянных, мог издавать какой бы то ни было орган, кроме сессии Верховного Совета СССР, и съезд согласился с этим. Практика же была (и в годы войны, и после нее) совершенно иной, т. е. противоконституционной. В частности, Указ 1943 года был отнюдь не временным, а постоянным законодательным

актом, в отличие, скажем, от указов о введениии сперва военной надбавки к подоходному налогу, а затем военного налога, которые тоже не были представлены на утверждение Верховного Совета, но и не применялись после окончания войны.

Указ 1943 года значительно повысил сумму налога для многих плательщиков по сравнению с общей суммой налога и культсбора по законам 1940 года. Так, (все суммы привожу в масштабе цен, принятом с 1.01.1961) рабочий и служащий, получавший в 1983 г. заработную плату 100 руб. в месяц, платил с нее подоходный налог в сумме 8 руб. 20 коп. (это не было затронуто последующими изменениями; в годы войны к этому добавлялся еще военный налог в сумме не менее 2 руб. в деньгах 1961 года) – между тем, по законам 1940 года, которые ведь никто в установленном порядке не отменял – общая сумма подоходного налога и культсбора составила бы 5 руб. 98 коп., т. е. на 2 руб. 22 коп. меньше. Пособия по временной нетрудоспособности, как все хорошо знают, ныне включаются в облагаемый доход, но этот порядок тоже установлен Указом 1943 года и не был утвержден Верховным Советом, а согласно законам 1940 г. с этих пособий налог не должен взиматься. Между Указом 1943 года и законами 1940 года немало подобных расхождений.

Принятый Верховным Советом СССР закон никто, кроме Верховного Совета, не вправе отменить. Поэтому Указ 1943 года должен считаться не имеющим юридической силы.

Ныне Указ 1943 года в редакции 1983 года утвержден законом, принятым Верховным Советом СССР, и потому взимание налогов в размерах, указанных в этом указе, впредь не противоречит Конституции СССР.

Остаются, однако, кое-какие "шероховатости", и немалые. Например:

1). Верховный Совет СССР не принял никакого закона, который легализовал бы "задним числом" производившееся в 1943–83 гг. взимание подоходного налога в размерах, превышающих установленные Верховным Советом СССР, а потому такое взимание продолжает оставаться незаконным и все излишне взысканные суммы, строго говоря, подлежат возврату гражданам. Но, конечно, рассчитывать на это можно было бы лишь в случае, если бы подобные дела в нашей стране подлежали рассмотрению в суде и если бы притом суд руководствовался бы точным смыслом Конституции СССР и законов.

2). Остается неясной судьба законов 1940 года. Они признаны утратившими силу Указом 1943 года, который, однако, сам не может рассматриваться как имеющий юридическую силу. Между тем, ни один соответствующий Конституции нормативный акт не предусматривает отмены законов 1940 года. Положений об отмене законов 1940 года нет ни в Указе 1943 года в редакции 1983 года, ни в Указе 1983 года, ни в Законе от 29 декабря 1983 года. Правда, по общепринятым правилам толкования новый нормативный акт по какому-либо вопросу должен счи-

таться заменяющим прежний акт по тому же вопросу, даже при отсутствии прямого указания об этом в новом акте. Поскольку Закон от 29 декабря 1983 года утвердил Указ 1983 года, которым, в свою очередь, утвержден Указ 1943 года в редакции 1983 года, то можно считать Закон 1940 года о подоходном налоге с населения утратившим силу. Но это далеко не так ясно в отношении Закона 1940 года о культсборе. Поскольку культсбор рассматривался тогда как нечто независимое от подоходного налога, то неясно, почему вступление в силу Закона от 29 декабря 1983 года должно влечь за собой прекращение применения Закона 1940 года о культсборе. Поэтому соответствало бы букве Конституции и Закона от 29 декабря 1983 года, если бы с 1.01.1984 возобновили взимание сверх подоходного налога еще культсбора в размерах, установленных Законом 1940 года. Реально это означало бы увеличение налога примерно в полтора раза. Я полагаю, власти на это не пойдут, дабы не вызвать массового недовольства. Но тогда выходит, что Закон 1940 года о культсборе, никогда не отмененный в установленном порядке, тем не менее не применяется.

3). Нуждается в утверждении Верховным Советом СССР (или в отмене) еще один налог: "Налог с холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР". Он введен Указами 1941 и 1944 годов, не утвержденными Верховным Советом.

Второе. Другим "неудобным" (а точнее, противоконституционным) обстоятельством является то, что многие последующие изменения Указа 1943 года также не утверждались Верховным Советом СССР и даже не публиковались официально. Как уже сказано во **Введении**, в Указе 1983 года есть ссылка на 10 указов, вносивших изменения в Указ 1943 года. Из этих указов 8 были утверждены Верховным Советом СССР, а 2 указа на утверждение сессии не представлялись, а именно (суммы везде в масштабе цен 1961 года):

– от 23 августа 1947 года, который повысил необлагаемый минимум "прочих" доходов (от строений, земельного участка и др.) с 60 до 300 руб. в год для инвалидов I–II групп и пенсионеров по старости;

– от 3 ноября 1962 года, который, в соответствии с Указом 21 июня 1961 года об ограничении применения штрафов (утвержденным Верховным Советом) отменил статьи Указа 1943 года, предусматривавшие взимание штрафов за нарушение законодательства о подоходном налоге с плательщиков налога, с главных бухгалтеров и с лиц, ответственных за предоставление отчетов об удержании налогов.

Однако в Указе 1983 года перечислены далеко не все указы, внесшие в Указ 1983 года изменения, применявшиеся на практике на дату издания Указа 1983 года. Прежде всего не упомянут (видимо, по небрежности) Указ 19 января 1961 года (опубликованный в "Ведомостях", 1961,

№ 4, но не представлявшийся на утверждение Верховного Совета СССР), который отменил уголовную ответственность за представление заведомо неверных сведений в декларациях плательщиков или в отчетах об удержании налога, а также за неоднократный неплатеж налога (либо штрафа за нарушение законодательства о подоходном налоге).

Кроме того, было по меньшей мере 5 указов, которые не только не утверждались Верховным Советом, но и никогда официально не публиковались. В официальных изданиях Указа 1943 года и в издании 1976 года "Инструкции о подоходном налоге с населения" упомянуты следующие указы:

– от 12 января 1951 года, который

отменил льготы для Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, а также для лиц, награжденных орденами СССР или почетным революционным оружием (как по Законам 1940 года, так и по Указу 1943 года, эти лица освобождались от налога по заработной плате полностью, а из других облагаемых доходов исключалась сумма – в нынешнем масштабе цен – 600 рублей в год).

отменил льготы для генералов, адмиралов, офицеров (как по Законам 1940 года, так и по Указу 1943 года все военнослужащие освобождались от налога с получаемого денежного довольствия);

отменил исключение из облагаемого дохода рабочих и служащих всякого рода премий (как по Законам 1940 года, так и по Указу 1943, из облагаемого дохода исключались все премии, за исключением предусмотренных премиально-поощрительной системой оплаты труда);

значительно повысил (по сравнению с Указом 1943 года, а еще больше – по сравнению с Законами 1940 года) ставки налога с доходов от частной практики и от "прочих" доходов (от строений, от земельных участков и др.). Этим же указом были повышены ставки налога с доходов от кустарно-ремесленных промыслов, но в этой части ни Указ 1943 года в первоначальном виде, ни Указ от 12.01.1951 после 1973 года уже не применялись, а применялись несколько более низкие ставки налогов, установленные Указом 20 сентября 1973 года, утвержденным Верховным Советом СССР 14 декабря 1973 года;

– от 16 апреля 1953 года, который отменил освобождение от налога военнослужащих сверхсрочной службы;

– от 10 сентября 1953 года, который отменил ст. 22 Указа 1943 года, предусматривавшую, что доход от сельского хозяйства в городских поселениях определяется по нормам доходности, применяемым в прилегающих сельских районах. (Это было вызвано тем, что принятый 8 августа 1953

года Верховным Советом СССР "Закон о сельскохозяйственном налоге" вообще упразднил эти одиозные "нормы доходности". Постановлением Совета Министров СССР № 2369 было установлено, что рабочие и служащие вообще освобождаются от налогов с доходов от сельского хозяйства в городских поселениях, а остальные граждане уплачивают налог в зависимости от размера земельного участка и местности. Налогообложение рабочих и служащих, пользующихся земельным участком площадью более 1 550 кв. м, было восстановлено по постановлению СМ СССР № 183 от 2 марта 1964 года, оба эти постановления не были официально опубликованы и оба они утратили силу согласно постановлению № 954).

– от 14 июня 1954 года, который отменил представление предприятиями и организациями ежеквартальных отчетов об удержании налога;

– от 12 сентября 1955 года, который отменил освобождение от налога работников, занятых поисками, разведкой и добычей алмазов. (Очевидно, это было связано с открытием в СССР крупных месторождений алмазов, в результате чего отпала необходимость в дополнительном стимулировании этой работы – тем более, что количество лиц, которые могли претендовать на эту льготу резко возросло).

Все эти неопубликованные и не утверждавшиеся указы ныне вошли в опубликованный и утвержденный Верховным Советом СССР текст Указа 1943 года в редакции 1983 года. Таким образом, отпала "неприличная" необходимость ссылаться

в будущем на эти противоконституционные акты. Но, разумеется, применение их в прошлом остается противозаконным.

Третье. В текст Указа 1943 года в редакции 1983 года включен ряд норм, введенных указами, которые не вносили изменений в текст Указа 1943 года, а существовали наряду с ним. Дело в том, что эти нормы рассматривались как нормы временного характера, которые должны были действовать лишь на период до "полной отмены налогов с рабочих и служащих", провозглашенной законом от 7.05.1960 на 1-е октября 1965 года, а Указом от 22 сентября 1962 года (утвержденным Верховным Советом 13 декабря 1962 года) перенесенной "впредь до особого распоряжения". В текст Указа 1943 года в редакции 1983 года вошли также ставки налогов, установленные Советом Министров СССР по поручению Президиума Верховного Совета СССР. В частности, в новую редакцию вошли положения указов от 26 сентября 1967 и 25 декабря 1972 и постановления СМ СССР № 882 от 25 декабря 1972 года. Эти положения касаются повышения необлагаемого минимума зарплаты до 70 руб. в месяц (тогда как в официально публиковавшемся тексте Указа 1943 года с последующими изменениями необлагаемый минимум указывался в редакции 8 сентября 1956 года – 37 руб. в месяц), а также сниженных ставок налога с заработков по месту основной работы от 71 до 91 руб. в месяц, с сохранением прежних ставок налога для заработков не по месту основной работы.

Четвертое. Предусмотрено право Совета Министров СССР устанавливать виды доходов, не подлежащие обложению (несомненно, Совет Министров и ранее это делал, но эти постановления не публиковались, а лишь служили основанием для изменения инструкции Министерства финансов. Выглядит странным, что постановление № 954, несомненно согласованное с проектом Указа 1983 года, издано все же до издания указа, хотя и вступает в силу вместе с ним. В 1947 году Совет Министров постановил не применять при налогообложении литераторов ставки выше 13%, хотя еще в течение почти 25 лет Указ 1943 года продолжал воспроизводиться в официальных изданиях с указанием ставок налогообложения литераторов до 55%, а по законам 1940 года общая ставка подоходного налога и культсбора с доходов литераторов доходила до 56%.)

Пятое. Изменен иерархический уровень ряда норм. Например, введено в текст указа и стало законом ранее предусматривавшееся постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР освобождение от налога инвалидов Великой Отечественной войны и приравненных к ним и снижение на 50% налога с участников Великой Отечественной войны и приравненных к ним. Точно так же введены в указ и стали законом льготы по налогу для авторов рационализаторских предложений и промышленных образцов, ранее предусмотренные постановлениями Совета Министров СССР (в Законах 1940 года и в Указе 1943 года,

в том числе и с учетом последующих изменений, говорилось лишь о льготах для авторов изобретений, да еще для авторов технических усовершенствований, которые ныне не регистрируются).

В Указ 1943 года в редакции 1983 года введен ряд норм, которые раньше можно было найти лишь в инструкции Министерства финансов (возможно, эти нормы или часть из них были основаны на неопубликованных постановлениях Совета Министров СССР). По этим нормам, внештатные работники облагаются по тем же правилам, что совместители, в облагаемый доход не включаются суммы, полученные в возмещение вреда, в наследство или дар, взамен бесплатного предоставления коммунальных услуг (ранее в указе было лишь о суммах взамен бесплатного предоставления жилья), начисления по паевым взносам, стоимость вещевых премий (подарков). Ряд льгот, предусмотренных ранее в инструкции и основанных на различных опубликованных и неопубликованных постановлениях Совета Министров СССР (часть из которых перечислена в приложении к Постановлению № 954 в качестве утративших силу), собран теперь в Постановлении № 954. С другой стороны, как уже указано выше, некоторые льготы "исчезли" из указа, но появились в Постановлении № 954 (льготы для старателей). Среди льгот, перечисленных в Постановлении № 954, заслуживает внимания освобождение от налога с заработной платы и других выплат, полученных рабочими, служащими и др., направленными на сельскохозяйственные работы. Это

означает косвенную легализацию этих столь часто критикуемых в печати "шефских" работ. В инструкции 1975 года эта льгота была упомянута с характерной оговоркой: "в разрешенных случаях, в соответствии с решением правительства", но такие решения ни разу не публиковались (кроме направления трактористов и т. п., а также студентов и учащихся техникумов). Эти суммы крайне редко выдаются на руки. Нередко они переводятся в фонд мира, но столь же часто исчезают неизвестно куда (можно было бы привести немало примеров, лично мне известных – но достаточно сослаться на нашумевшую статью "Литгазеты" с подзаголовком "5 лет из жизни одного парня" о том, как был арестован и осужден в Одессе парень лишь за то, что попытался узнать о судьбе заработков, начисленных за сельскохозяйственные работы; позже он был реабилитирован, некоторые из виновников ареста понесли наказания – впрочем, очень мягкие; но судьба заработанных денег так и осталась неизвестной. Статья, кажется, называлась "После шторма"). Понятно, что с этих сумм налог никогда не удерживается.

Шестое юридическое изменение – это замена устаревших терминов, наименований и понятий, таких как Наркомфин, Совнарком, Сталинские премии; исключено упоминание о кооперативных кустарях, ремесленниках и извозчиках и о промысловых артелях и транспортных промыслово-кооперативных артелях, так как все эти артели давно ликвидированы или преобразованы в государственные предприятия.

Седьмое. Все денежные суммы (как дохода, так и налога) пересчитаны в масштабе цен, введенном с 1961 года.

Восьмое. Исключены неактуальные ныне положения о порядке и сроках введения в действие Указа в 1943 году.

Девятое. Изменена структура указа (например, выделен раздел об обложении заработков не по месту основной работы), изменены многие громоздкие, исторически сложившиеся формулировки на эквивалентные им более краткие (например, "военнослужащие действительной срочной военной службы" вместо "военнослужащие, кроме генералов, адмиралов, офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы").

Десятое. Приведена в соответствие с принципом равноправия национальностей формулировка о льготах для народов Севера. Теперь эта льгота относится ко всем гражданам, постоянно проживающим в районах крайнего Севера и приравненных к ним (освобождение от налога с доходов от охотничьего и кустарно-ремесленного промысла).

Петр Болдырев

ДВЕ ЭТИКИ [1] *

Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.

Рим. 12.12

Либеральная утопия состоит в вере, что возможно добиться улучшений... мирными и гармоничными средствами, никого не обижая... вне безжалостной, постоянной классовой борьбы.

В. И. Ленин. "Две утопии"

I. Исходные понятия

Этическая тема обращена обычно к двум основным этическим реальностям: (1) к сфере моральных принципов, т. е. определенной этической философии; (2) к сфере моральных действий, т. е. определенного этического характера.

Моральный принцип формально определяется как отношение основных этических категорий добра и зла. Все эти отношения могут быть сведены к двум – конфронтации и компромиссу.

---

* Здесь и далее см. сноски в конце статьи.

Этические конфронтация и компромисс, в свою очередь, должны оцениваться через те же две основные этические категории добра и зла, если мы не желаем выходить за рамки этики.

Таким образом логически получаются две пары этических принципов, находящихся друг к другу в двойном противопоставлении. Они составляют исходные аксиомы двух противоположных этических философий:

1-ая этическая философия

Конфронтация добра и зла есть добро.

Компромисс добра и зла есть зло.

2-ая этическая философия

Компромисс добра и зла есть добро.

Конфронтация добра и зла есть зло.

К этим двум типам могут быть в пределе сведены все логически мыслимые типы моральных философий. [2]

Из вышеприведенных аксиом логически ясно, что 1-ая этическая философия исключает применение дурных средств во имя даже благой цели; 2-ая, напротив, предполагает их применение и даже настаивает на этом.

Перейдем теперь к этическому характеру. Этим термином формально определяется основная тенденция в поведении индивида (в ситуации взаимодействия с другими индивидами), логически вытекающая из его моральных принципов.

Как показывает теория, мы имеем здесь некоторого рода парадокс: индивид, стремящийся повысить свой этический статус и негативно оце-

нивающий этический компромисс (1-ая этическая философия), в отношениях с другим индивидом будет стремиться именно к компромиссу, в то время как индивид, стремящийся повысить свой этический статус и позитивно оценивающий этический компромисс (2-ая этическая философия), будет стремиться к конфронтации с другими индивидами. [3]

Получаются два основных типа нормативных этических характера – так сказать, герой компромисса ("коллаборант") и герой конфликта ("революционер"). К ним в пределе могут быть сведены все логически мыслимые типы этических характеров.

В данной работе мы будем говорить преимущественно об этической философии и связанных с нею вопросах. Проблема этического характера и присущих ему парадоксов не будет рассмотрена здесь как самостоятельная и независимая тема.

II. Некоторые сравнения

1. В социологическом эксперименте [4] с примерно однозначными группами американцев и советских эмигрантов опрашиваемых попросили ответить на ряд вопросов, суть которых сводилась к следующему: допустимо ли дурное средство (например, ложь или насилие) во имя благой цели (например, спасения человека или оздоровления общества). Среди американцев 84% высказались против применения дурных средств в любой ситуации, т. е. проявили нетерпимость к

злу. Среди бывших советских граждан 75% высказались за применение дурных средств ради достижения блага, т. е. признали допустимость зла.

2. Один из нормативных героев советской литературы – пионер начала 30-х гг. Павлик Морозов [5] – личность жертвенного поведения. С риском для жизни и во имя идеи коммунизма, которой он беззаветно предан, он доносит на собственного отца, противящегося коллективизации. На суде он выступает свидетелем обвинения. Отца Павлика приговаривают к смерти. Павлик не колеблясь совершил предательство во имя благой, с его точки зрения, цели.

Один из нормативных героев американской литературы – Том Сойер – личность тоже жертвенная, но ведет он себя диаметрально противоположно. Он тоже с риском для жизни и во имя справедливости выступает на суде, но свидетелем не обвинения, а защиты. Цель выступления – не предать, а наоборот, отвести лжесвидетельство, спасая тем самым невинного человека. Том Сойер, в противоположность Павлику Морозову, не совершает, а пресекает предательство (зло) во имя цели, кажущейся ему благородной.

3. Добровольная дружина в СССР, как средство охраны общественного порядка, действует не по долгу службы, а по моральному долгу (кодексу) советского человека. В советском обществе необходимость применения насильственных мер вплоть до смертной казни ни у кого не вызывает сомнения. Смертная казнь, присуждаемая в СССР даже за "хищения социалистической

собственности в особо крупных размерах", является лишь логическим завершением всеобщественного морального оправдания насилия.

В конце 70-х гг. в Нью-Йорке попытка группы молодых пуэрториканцев организовать добровольные патрули в метро встретила, как ни странно, противодействие прежде всего со стороны тех самых пассажиров, которых эти патрули были призваны охранять. Опрошенные заявили, что такие патрули, по их мнению, представляли бы собой явление существенно аморальное. Они применяли бы насилие не по долгу службы, как полиция, а по моральному долгу. Но общество не может санкционировать насилие как моральный закон, если это не аморальное общество. Общество, основанное на морали, признает лишь юридическое право на насилие во имя личного и общественного блага, – и передает это право в рамках закона определенным органам (например, полиции), вменив его в служебную, а не в моральную обязанность специально назначенных людей.

4. Это моральное осуждение насилия является главной причиной того, что так затруднена и запутана в США проблема смертной казни. На этой проблеме сошлись и борются моральный и юридический закон. До сих пор нет даже приемлемого общепринятого определения, какому преступлению соответствует как наказание смертная казнь. С тех пор как в 1967 году все смертные казни в США были приостановлены с целью пересмотра дел, лишь 8 осужденных были казне-

ны. Во много раз большее число дел все еще пересматривается. В настоящее время в общей сложности 1 255 мужчин и 13 женщин, приговоренных к "высшей мере", ожидают окончательного решения Верховного Суда. Однако, по мнению большинства американцев, пройдет еще очень и очень много времени, пока осужденные "проделают свои последние шаги".

"Приговоры о высшей мере наказания (расстрелы) приводятся в исполнение немедленно после отклонения ходатайства осужденных о помиловании" – такова для сравнения "классическая" формулировка той же проблемы во всех советских УПК...

В чем же коренится столь кардинальная разница двух моралей?

III. Этики религиозная и идеологическая

Знакомство с этикой великих мировых религий выявляет следующую картину:

1. *Индуизм.* Основной моральный закон – так называемый "закон дел" или карма: "из добра необходимо следует добро, из зла – зло".[6] Этот закон является как бы зерном всех последующих религиозных этик, ибо в нем уже имплицитно заложен их исходный принцип радикального разделения добра и зла с целью запрета последнего. Однако сам индуизм не развил до конца своей основной этической посылки и не дошел до этого запрета. Реакцией на этическую незавершенность индуизма явились буддизм и джайнизм.

2. *Буддизм.* Развил основной этический принцип индуизма до его логического завершения. В результате, 10 основных этических правил буддизма, близких по содержанию христианским, являются ярко выраженным примером запрета зла.

3. *Джайнизм.* Радикальная форма буддизма. 5 основных этических заповедей содержат абсолютный запрет зла.

4. *Конфуцианство.* Центральное нравственное правило – "добродетель – сама себе награда" – явно перекликается с индуистским законом кармы. Однако конфуцианство, как и индуизм, не развило это правило в принцип запрета зла.

5. *Таоизм.* Подобно буддизму, является реакцией на этическую незавершенность "материнской религии" (в данном случае – конфуцианства). Центральная этическая максима – "не лги и не делай зла ни тому, кто добр и честен с тобой, ни тому, кто лжет и причиняет тебе зло" – является выражением этического принципа абсолютного запрета зла.

6. *Шинтоизм.* Японская религия, развившая (по крайней мере, в одном из своих двух главных ответвлений) 10 формальных заповедей, абсолютно запрещающих зло. Хотя, надо признать, эти заповеди по содержанию очень отличаются от буддистских, христианских и иудейских.

7. *Иудаизм.* Синайские заповеди Моисея состоят, как известно, из провозглашения единобожия (1-ая), необходимости соблюдать св. Субботу и почитать родителей (4 и 5-я). Остальные семь абсолютно запрещают зло.

8. *Христинство.* Адаптировало и воплотило в богочеловеческой личности Христа моральные заповеди иудаизма, запрещающие зло. Призывы к запрету зла рассыпаны в изобилии по всему Новому Завету.

9. *Ислам.* Из 10 основных этических заповедей 6 запрещают зло. Из них 5 – абсолютно, а одна запрещает убийство относительно, делая исключение для "справедливого убийства"...

Итак, даже краткий обзор показывает, что в основу религиозной этики положен формальный принцип запрета зла (имеющиеся исключения, как кажется, лишь подтверждают правило). Вытекает этот принцип из того простого факта, что религия, во-первых, имеет дело с актом веры; а во-вторых, она имеет дело с пониманием, что акт этот не может быть одновременно и в одном и том же отношении еще и актом знания.[7] "Категорический императив" религии – "или знание, или вера". В основе религиозной веры, таким образом лежит сознательное незнание: "я знаю, что я не знаю", как сказал бы Сократ; то есть я знаю, что я верю.

Абрахам и Будда, основатель джайнизма Махавира, китайский мудрец Лао Цзы верили в добро и знали, что они верят. Но они также знали о невозможности одновременно верить в А и в не-А, если вы сознаете свою веру. Поэтому они не верили в зло. Зло в религиозной этике оказывается под запретом именно потому, что в него не верят.

Вопреки распространенному мнению, противоположностью религии не является наука, ибо акты знания последней не берутся в отношении к актам веры. Они берутся в отношении к актам знания же, но знания ненаучного, так называемого "обыденного". Поэтому подлинной противоположностью религии является нечто другое, противоположное также и науке, а именно – идеология.

Идеология – не религия и даже не социальная, не "секулярная" религия. Идеология также и не наука. В основе идеологии лежит не акт веры и не акт знания, но акт б е с с о з н а т е л ь н о г о "з н а н и я", т. е. вера в знание: человек не знает, что верит в нечто, но он верит, что он это нечто знает. [8]

Когда советский идеолог утверждает, что победа коммунизма неизбежна, это своего рода вера. Но идеолог не знает, что он верит (в победу коммунизма), ибо думает, что он это доподлинно, с научной точностью, знает. Он абсолютно уверен, что он это знает.

В области этики получается соответствующий результат. Св. Павел верит в добро, но не претендует на его исчерпывающее знание (он знает лишь, что он верит). Ленин не верит в добро, но думает, что все о нем знает (он верит в то, что он знает). Для Ленина добро подчинено классовой борьбе, т. е. борьбе за политическую власть, как основному закону истории. А его-то, этот закон – согласно своей марксистской вере – он наверняка и исчерпывающе знает. Следовательно, он исчерпывающе знает также все о добре, – и уверенно его провозглашает.

Декларация добра, основанная на вере в абсолютное знание добра, становится центральным принципом идеологической (антирелигиозной) этики. О запрете зла здесь даже не упоминается. Напротив, декретируется некая "диктатура добра", обязательного любыми средствами к реализации и употреблению. Как определил в свое время "диктатуру добродетели" Робеспьер: "добродетель, без которой террор гибелен; террор, без которого добродетель бессильна". Или как записано в пресловутом "Моральном кодексе строителей коммунизма": "кто не работает, тот не ест", – требование добродетельного коммунистического труда под угрозой голодной смерти...

Необходимость добра противоречит свободе воли, без которой немыслимо моральное сознание. Однако идеология "снимает" это противоречие, утверждая, что свобода есть лишь "познанная необходимость". Согласно Энгельсу, чем свободнее суждение человека о каком-либо предмете, тем с большей необходимостью будет зависеть содержание суждения от содержания этого предмета. Соответственно, чем свободнее суждение о добре, тем необходимее оно зависит от содержания самого понятия добра. А последнее дано в идеологии.

И обратно: чем более индивид включен в систему функционирования идеологически установленного добра, тем безапелляционней он с ним обращается. Он, конечно, не может прямо нарушить идеологические предписания, имеющие силу закона. Но он морально свободен в выборе

средств, позволяющих манипулировать этими предписаниями-законами.

Здесь кроется основной парадокс идеологической этики: во имя исполнения ее предписаний и в полном с ними соответствии, индивид свободен и даже обязан эти самые предписания нарушать. Он о б я з а н быть аморальным во имя "высшей", идеологической морали.

Естественным следствием такого положения становятся всеобщие цинизм и беспринципность, столь характерные для обществ, где господствует идеология. Компенсируются же они истеричным провозглашением необходимости чуть ли не пуританской морали. Аморальный морализм – типичное состояние индивида в идеологическом окружении и лучшее определение идеологической морали.

Резюмируем. Моральный выбор в сфере религиозной этики требует от личности строгого сознательного разделения добра и зла, а затем запрещения зла без всяких исключений. Тем самым накладывается запрет на копромисс добра со злом, на выбор дурных средств ради благой цели, но санкционируется их конфронтация. Идеологическая (антирелигиозная) этика декларирует добро, но не запрещает зло и даже требует его выбора и употребления. Тем самым требуется компромисс добра и зла, выбор дурных средств ради достижения цели, но запрещается их конфронтация.

В акте морального выбора:

1) дуализм, размежевание добра и зла; признание зла негодным, ложным средством дости-

жения добра; запрет этих средств во имя победы над злом – таков тройственный моральный идеал религиозной этики;

2) монизм, смешение добра и зла; признание добра неэффективным, ложным средством достижения добра; запрет этих средств во имя торжества добра – таков тройственный моральный идеал идеологической этики.

Остается открытым важный вопрос: в каких конкретно-исторических культурах преобладают эти первичные, изначальные типы этики?

IV. Исторические конкретизации

Априорное предположение, основанное на интуиции, заставляет нас утверждать, что к 1-й этике относятся главным образом культуры, заквашенные на монотеистических трансцендентных религиях. Культуры пантеистические, языческие и атеистические тяготеют ко второму типу. Обзор религий, приведенный выше, косвенно верифицирует наше предположение. Требуется специальное культурологическое исследование, способное, по-видимому, прояснить проблему.

Дополнительный свет могли бы пролить социологические данные и литературные экскурсы, вроде приведенных в начале статьи. Они позволяют с достаточной степенью вероятности отнести 1-й тип этики (запрет зла без декларации добра) к западным демократиям, в частности к американской; 2-й тип (декларация добра без запрета зла) – к тоталитарным обществам, в частности к

советскому. Безусловно, однако, что поскольку гомогенных обществ нет, то каждое общество (со своими "субобществами") представляет из себя некую смесь обеих этик с преобладанием, часто доминирующим, то одной, то другой.

Особенно эта гетерогенность бросается в глаза там, где основные принципы обеих этик проводятся непоследовательно, ограничены (исключениями) или просто неразвиты. Так, например, за неразвитость основного религиозно-этического принципа в индуизме Индия поплатилась многими столетиями существования жестокой, истощающей общество кастовой системы, влияние которой ощущается до сих пор. С другой стороны, та же Индия дала высочайшие образцы религиозно-морального подвижничества, исходящего из принципа непротивления злу. Среди них относящиеся к новейшей истории – Рамакришна, Вивеканда, Махатма Ганди... Им Индия обязана своей нынешней, даже политической, независимостью.

Конфуцианство в Китае слишком часто служило оправданием политического деспотизма и имело тенденцию к вырождению в псевдоэтический лицемерный кодекс "послушания, вежливости и пристойных манер". Но оно же морально дисциплинировало личность и на протяжении веков служило обществу цементирующей нравственной основой.

Из двух основных ответвлений шинтоизма в Японии – Шинро и Шиншу – лишь 1-е развило последовательную мораль запрета зла. 2-е, напро-

тив, во всех 10 основных моральных заповедях декларирует добро, не запрещая зла. История показывает, что государственный официальный шинтоизм (противостоявший так называемому "сектантскому", т. е. групповому) всегда старался оприходовать в своих целях преимущественно мораль Шиншу, дабы учредить в стране единый верноподданический ритуал.

Специфически исламский "джихад" (священная война с неверными) – высшее выражение ограниченности, неабсолютности принципа запрета зла: исламский моральный кодекс, как уже говорилось, допускает так называемое "справедливое убийство". Отсюда двойственность ислама. С одной стороны, он воспитывает и культивирует достоинство человеческой личности и высокую честь, сходную со средневековой европейской рыцарской честью. С другой стороны, исторически ислам с самого начала и до наших дней утверждался не столько убеждением, сколько силой. Основатель этой религии, пророк Магомет, оружием завоевав Мекку и сделав ее столицей и символом мусульманства, закончил свои дни абсолютным и фанатичным, сластолюбивым диктатором-теократом, нетерпимым к другим верованиям, хитрым и безжалостным к врагам. Его нынешние ослабленные "копии" – лидер иранской революции айятолла Хомейни и прочие ближневосточные диктаторы – демонстрируют в миру, по прошествии 13 веков, те же в сущности приемы.

Десять синайских заповедей развиты в 3-й кн. Моисея (Левит) в так называемый "Код Свя-

тости". Он является основой моральной философии иудаизма. Кроме заповеди единобожия, два исключения из принципа запрета зла обращают в "Коде" на себя внимание: культ семьи и культ саббатический. Они как бы противопоставлены морали остальных заповедей. Опровергая их в новозаветных заповедях "враги человека – домашние его" (моральные отношения выше семейных) и "не человек для субботы, но суббота для человека" (моральный закон выше земного закона), христианство возвращает во всеобщий моральный порядок то, что было из него вырвано и поставлено вне и выше морального закона.

Однако и христианство имеет свои исключения. Они могут быть суммированы в словах Христа "не мир... но меч". Христос, конечно, не учит мечу, но он и не осуждает меча (символ "перевернутого креста"); он оставляет моральный выбор и только предупреждает, что в этом мире "все, взявшие меч, от меча и погибнут".[9] Логически (не психологически) трудно понять, как могло подобное самочувствие проникнуть и удержаться в религии, столь последовательно запрещающей насилие и призывающей любить даже врагов. Крестовые походы, религиозные войны, охота за ведьмами, инквизиция, церковные расколы и революции... – не является ли все это в веках историческим возмездием христианскому человечеству за моральное неосуждение меча как некоего "благородного исключения" из насилия?

Приведем теперь несколько примеров из идеологической этики. Когда Сталин на знаменитый (и наивный) вопрос леди Астор: "Когда вы прекратите убивать людей" меланхолически ответил: "Когда в этом не будет необходимости", он, безусловно, противоречил сам себе, т. е. собственной коммунистической морали. Ибо, согласно последней, необходимость кого-то уничтожать неизменна и остается всегда, меняются лишь конкретные формы ее осуществления. И. Шафаревич в кн. "Социализм" хорошо и на богатом историческом материале показал этот "энтропийный инстинкт", инстинкт уничтожения и небытия ("Танатос"), запрограммированный в коммунистической идее.

Хрущев, разоблачив и даже отменив (видоизменив) сталинские репрессии, поступил, с точки зрения коммунистической идеологии, непоследовательно и аморально. Ибо он осмелился осудить и несколько ограничить не некий абстрактный "культ личности", но вполне конкретный моральный закон – добровольное и сознательное перманентное применение максимального зла во имя абсолютного коммунистического добра в ходе "революционно-классовой борьбы" за коммунизм. [10]

Почти немедленным возмездием Хрущеву за его "волюнтаризм" явилась Венгерская революция. Внутри страны неожиданные разоблачения вызвали шок и частичную девальвацию коммунистической морали. Это привело к сдвигу в общественном настроении и появлению таких невероятных в условиях советского режима дви-

жений как, например, ВСХСОН (Всероссийский Социально-христианский Союз Освобождения Народа). Его лидер – Игорь Огурцов – яркий представитель прямо противоположного советскому морального типа, отвергающего всякий компромисс со злом, напоминающего здесь тип христианского, отчасти буддистского, святого.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что в моральной основе ВСХСОН лежало отчетливое реставрационное настроение. Большевизм в свое время сделал ставку на анархичные и архаичные российские низы, где господствовал, как оказалось, 2-й, антирелигиозный, тип морали.[11] В средних же и высших слоях населения доминировала воспитанная веками православного христианства религиозная этика. Она оказалась сметена, ибо не успела отлиться в крепкие нормы и обычаи, закрепленные соответствующими общественными институциями. К этой сметенной в 17 году, но не исчезнувшей окончательно этике, и были направлены реставрационные устремления ВСХСОН.

Пример ВСХСОН ставит вопрос о соотношении морали и революции в более широком плане.

V. Революция и мораль

Великие европейские революции свидетельствуют, что в моральном отношении послереволюционные реставрации являются поворотом к дореволюционной, шире – антиреволюционной, этике. Революция гибнет, когда выдыхается ее моральный пафос, бывший ее духовной силой.

Моральной силой Великой Английской революции служил воплощенный в личности Кромвеля пуританизм. Независимо от чистоты устремлений "индепентов", моральный принцип их действий изначально включал в себя насилие – "сражение и молитва", "меч и крест". Он был доведен в ходе революции до своего логического предела – до казни короля. Это убийство явилось не столько политической ошибкой, сколько моральным символом, повернувшим революцию вспять. В казни короля был как бы реализован моральный идеал революции, был завершен ее "сизифов труд". Революционный "камень" оказался на вершине, откуда лишь одна дорога – вниз.

Смягчение деспотизма и фанатизма Кромвеля и его блестящие достижения на посту главы государства были следствием этого возвратного движения революции, но и они не смогли спасти его "режим меча", рожденный в огне революции. Революция кончилась. Англия жаждала реставрации. Через два года после смерти лорда-протектора страна вновь обрела своего короля.

Произнесенная в разгар Великой Французской революции и великого террора знаменитая речь Робеспьера об "отношениях религиозных и нравственных идей к республиканским принципам" имела глубинный, никому тогда, включая оратора, неведомый еще подтекст: она знаменовала собой скорый конец и революции, и террора. Робеспьер, не сознавая, сам себе подписывал смертный приговор. Апеллируя к Верховной добродетели ("религиозные и нравственные прин-

ципы"), чтобы оправдать и санкционировать добродетель террора ("республиканские принципы"), он подрывал силу революции, воплощенную в его собственной "диктатуре добродетели" и коренящуюся именно и исключительно в терроре. Теперь эта сила у террора, а следовательно и у революции, морально отнималась и передавалась "Высшему существу, блюдущему угнетенную невинность и наказывающему торжествующее преступление". Этим преступлением оказывался сам террор, сама революция; главным преступником – сам Робеспьер, подлежащий высшему наказанию за "угнетение невинности".

Тальен был лишь отдаленно прав, говоря 11-го Термидора, что этот "маленький Робеспьер" "устранил Предвечного, чтобы занять его место". В конечном счете, напротив, "великий" диктатор-террорист, "дитя революции", оказавшийся на поверку достаточно запуганным законником, восстановил "Предвечного по Вольтеру", слова которого он так любил повторять: "Если бы Бог не существовал, его следовало бы выдумать". Он и выдумал, слишком поздно и забывая, что революция с ее богами – сама себе божество и не терпит со стороны других богов никаких поползновений.

Основной пафос фанатизма и революции – "кто не с нами, тот против нас" – обратился вспять против главных его апологетов. Вопреки своей воле воскресив и реставрировав старых антиреволюционных богов, Робеспьер пал их жертвой. Он обнажил своей судьбой всю иронию

революции и ее глубинный смысл, заключающийся в ее самоотрицании.

Вдохновитель террора, революционный вождь оказался демиургом реставрации. Робеспьер – этот "Сталин" задолго до Сталина – оказался своим собственным "Хрущевым".

Но Хрущев, вопреки всему, так и не стал "Тальеном" Сталина. [12]

VI. Мораль и война

Мы считаем логичным закончить эту статью сопоставлением ленинской интерпретации войны с таковой же классика в этой области Карла фон Клаузевица.

Клаузевиц ("О войне"):

> "Война – это акт насилия, подчиняющий неприятеля нашей воле... Первоначальное средство стратегии – победа... ее конечная цель – мир".

Ленин ("Уроки московского восстания"):

> "Мы бы обманули самих себя и народ, если бы скрыли от масс необходимость отчаянной, кровавой войны на уничтожение как непосредственной задачи грядущей революции".

Сравнивая приведенные высказывания, мы видим, что для Клаузевица цель войны – заключение мира; для Ленина, напротив, война – задача революции с целью тотального уничтожения врага.

Война у Клаузевица подчинена политике и является лишь средством последней. У Ленина –

все наоборот: политика (революция) подчинена войне и является ее средством. А мораль – классовая, единственная, признаваемая Лениным – в свою очередь, подчинена политике, а через нее – целям войны.

Выстраивается простенькая, но четкая в ленинизме иерархия ценностей, где естественная мораль мира (сохранения жизни) подавляется и находится где-то в самом низу, а война – на самом верху. Середина отводится политике с ее классовой моралью.

Каковы интеллектуальные корни такого пренебрежения моралью мира и такого возвышения морали войны? Они в философских, даже в теософских истоках ленинизма.

Как известно, ленинизм – через марксизм – коренится в метафизике Гегеля, которую Герцен очень точно назвал "алгеброй революции". Немецкий мыслитель (логически неправомерно) отождествил философские категории мышления и бытия и тем самым положил в основу своей системы неразрешимое противоречие. Разворачивая далее это противоречие путем ряда логико-диалектических операций, Гегель как бы "вычислил" свое насквозь и безнадежно противоречивое бытие и действительно получил что-то вроде категориальной "перманентной революции" в сфере бытия. [13]

Марксизм "социализировал" (я бы добавил, морализировал) гегелеву логику, ограничивая ее сферой социальных отношений и лишь через последние выводя ее в сферу природы. Диалекти-

ческая логика стала в марксизме так называемым "историческим материализмом", – псевдотеорией (мифом) пролетарской революции и классовой борьбы. Она демагогически и псевдонаучно оправдала старую, как мир, коммунистическую утопию, объявив ее сакральной конечной целью человеческой истории. Мировая революция (война) была провозглашена единственным средством реализиции этой утопии.

Ленин считал марксизм "единственно верным", а потому и всесильным учением. Он воспринял его как эффективное практическое руководство по подготовке и осуществлению государственного переворота и установлению тоталитарной диктатуры; и одновременно – как абсолютное идеологическое и моральное оправдание как переворота, так и диктатуры.

Но ни переворот, ни диктатура – по логике марксизма-ленинизма – не могут считаться самоцелью. Они лишь средство другой, конечной, цели. Захваченная коммунистами политическая власть, оказавшаяся в их руках государственная машина немедленно и неотвратимо используется как средство подавления "внутренних и внешних врагов", – "расхитителей", "тунеядцев", "империалистов", "сионистов", "литературных власовцев"... – граница обитания которых полупсихопатически объявляется совпадающей с границами вселенной.

Механизм этой агрессии и вражды ко всему миру запрограммирован в коммунистической идеологии. А ее удивительная, поражающая ка-

кой-то автоматичностью неудержимость может быть объяснена только одним: абсолютным господством идеологической схемы в умах и сердцах, осуществляющих эту агрессию, ответственных за ее проведение, но и порабощенных, одержимых ею людей.

Это и есть та самая "гражданская война" во всемирном масштабе, о неизбежности которой предупреждал американцев лет 50 тому назад не кто иной, как Ленин:

> "В революционные эпохи классовая борьба всегда принимает форму гражданской войны, а гражданская война немыслима без жесточайшего разрушения и террора".
>
> ("Письмо к американским рабочим").

Сейчас этой "страной", долженствующей, по Ленину, стать ареной войны, становится постепенно весь мир. Иран, Афганистан и т. д. уже стали прообразом "жесточайшего разрушения". А международный терроризм, с покушениями даже на Папу Римского, вообще уже почти бесконтролен.

Понятно также, почему в ценностной иерархии ленинизма мораль мира занимает низшее, а мораль войны – высшее положение: первой, вообще говоря, совсем нет; мораль предназначена оправдывать лишь войну. Война в ленинском понимании не имеет уже никакого отношения к миру, как это было еще у Клаузевица или у древних римлян, говоривших "хочешь мира, готовься к войне". Для коммуниста война – всеобщее и единственно возможное, естественное состояние

мира: война – это война, но и "мир" – та же война.

И понимается эта война по всему миру однозначно и ужасающе просто, – как безотказное и универсальное, перманентное ("отчаянное и кровавое") средство окончательной и бесповоротной аннигиляции врага. Любой ценой, вплоть до уничтожения мира.

А теперь мы должны перефразировать Герцена, ибо ленинизм лишь на обманчивой пропагандистской поверхности может показаться одной только "алгеброй революции". В глубинах же своих он является тотальной "алгеброй войны".

Войны на геноцид, граничащей с самоуничтожением. Войны глобальной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Предлагаемая статья написана по следам двух докладов автора, прочитанных (1) 23 апреля 1981 г. в университете Сан-Диего (Калифорния, США) на научной конференции Западного Социологического общества, посвященной математической теории познания Вл. Лефевра, и (2) 30 июля 1982 г. в Эрвайнском университете (Калифорния, США) на симпозиуме "Духовный поиск. Советская литература и общество 60–70-х годов", по секции Вл. Лефевра "Советская культура и конфронтация 2-х этических систем". Статья является независимой интерпретацией некоторых исходных аспектов выщеупомянутой этической теории и дополнительной попыткой их эмпирического обоснования.

[2] Эти же принципы в аналогичной формулировке положены Лефевром в основание двух аксиоматических этических систем. Они выражены затем также сим-

волическим языком булевой алгебры, где "добро" равно 1, а "зло" – 0. Из аксиом строго математически выводятся все остальные следствия. (See a) Vladimir A. Lefebvre, An Algebraic Model of Ethical Cognition, "Journal of Mathematical Psychology", vol. 22, No. 2, Oct. 1980, p. 89–90. Also b) Vl. A. Lefebvre. Algebra of Conscience. A Comparative Analysis of Western and Soviet Ethical Systems. D. Reidel Pbl. Co. Holland. 1982, p. 10–12).

[3] Этот вывод получен в теории Лефевра строгим логико-математическим путем и оценивается им как наиболее важный результат всего теоретического исследования (см. там же: a) с. 85, сс. 106–107; b) сс. 55–57).

[4] См. там же: a) сс. 86–87, b) сс. 6–7.

[5] Социологический эксперимент, сопровождаемый соответствующими математическими выкладками, подтверждает типичность облика Павлика Морозова для советской морали (см. там же: a) с. 112–113, b) с. 53–54).

[6] Этот закон на формально-логическом языке выражен в теории Лефевра в следующих формулах (3 и 4 аксиомы): "компромисс добра и добра так же, как их конфронтация, есть добро"; "компромисс зла и зла так же, как их конфронтация, есть зло". Эти определения выражают неизменность добра и зла в себе и их непревращаемость друг в друга, следующие из их принципиального дуализма (см. там же: a) с. 89, b) с. 11.

[7] Имеется в виду знание того же, специфически религиозного (трансцедентного) "предмета", т. е. спекулятивное знание.

[8] См. по этому поводу A.Besanson. The Rise of the Gulag. Intellectual Origins of Leninism. 1977. New York, USA, p. 9.

[9] См. очень сильную книгу И. А. Ильина "О сопротивлении злу силой". 2-е изд. Канада, 1975. Автор защищает выбор меча, не взирая на Христово предупреждение.

[10] Моральное отступничество Хрущева особенно очевидно, если вспомнить, как еще Маркс и Энгельс указывали, что именно ничем не ограниченная революционно-классовая борьба за власть "является источником нравственного развития и совершенствования ее участников". Ленин и Сталин лишь реализовали эти указания и прояснили миру, что подразумевали основоположники под методами этой борьбы и результатами этого "нравственного развития".

[11] "Большевистский перворот и большевистское владычество есть социальная и политическая реакция эгалитарных низов против многовековой социальной и экономической европеизации России" (П. Б. Струве. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952, с. 19). Струве, как социальный историк, сознательно сужает аспект из соображений методологических. На самом деле, он шире. Реакция "эгалитарных низов" в области нравственных отношений была не менее, а еще более разрушительной и роковой для России.

[12] Вспомнив кстати еще раз половинчатую "реставрацию" Хрущева, мы не можем не отметить странной и исключительной в этом смысле судьбы большевистской революции: она до сих пор не испытала действительной реставрации. Вина здесь лежит на марксистско-ленинской идеологии. Бывшая некогда мощным стимулом и революционно-социальной верой, идеология эта давно перестала быть таковой. Парадоксально, однако, ее эффективность и сила от этого только увеличилась. Она уже не вера, и даже не простой набор идей. Она даже уже не идеократия, но логократия, власть мертвого идеологического слова. И как таковая она "вещь", – само советское общество, сам советский режим. И в этом своем качестве она еще успешнее, чем раньше, выполняет свою основную функцию по разрушению человеческого морального духа, заставляя людей верить в то, во что они уже давно не верят и не могут верить.

[13] Не имея сейчас возможности вдаваться в философский анализ, отметим лишь, что влияние теософии

гностицизма на Гегеля, а через него на Маркса и Ленина, не вызывает сомнения. Гностицизм осмысляет мистерию бытия как вечную борьбу ("диалектику") космических начал добра и зла. Она должна завершиться в конце времен возвратом мира к предвечному ("райскому") состоянию. Это состояние есть отсутствие борьбы враждующих начал в силу их абсолютного разделения и обособления. Это и есть энтропия в современном терминологическом выражении. См. глубокий анализ проблемы в упомянутой уже (прим. 8) работе А.Безансона (особенно сс. 9–19 и 212–220).

Валерий Головской

"ИСКУССТВО КИНО" – ПОРТРЕТ ЖУРНАЛА

"Искусство кино" * – единственный серьезный журнал по кино, издающийся в СССР. (Существует также один популярный журнал – "Советский Экран", выходящий раз в две недели.)

В 1981 году "Искусство кино" отметило 50-летие своего существования. Правда, с 1931 по 1933 год журнал назывался "Пролетарское кино", а с 1933 по 1936 – "Советское кино". С 1936 года ежемесячник приобретает название "Искусство кино", но в годы войны (1941–1945) не выходит. Регулярно издается под названием "Искусство кино" с 1946 года.

"Искусство кино" является органом Госкино и Союза кинематографистов СССР. Практически по всем вопросам решающий голос имеет Госкино, а Союз Кинематографистов – лишь совещательный. Госкино решает вопрос кадров, состава

---

* "Искусство кино" – историко- теоретический ежемесячник. Москва. 192 стр., 1 руб., тираж 56000 экземпляров. С 1983 года журнал стал стоить 1 руб. 30 коп., а тираж его упал до 52 тысяч. На русском языке. (Содержание – на англ. языке.)

редколлегии, определяет линию журнала...

Помимо Госкино, руководство журнала связано с двумя отделами ЦК КПСС: в первую очередь, с сектором кино Отдела культуры и Отделом пропаганды (как каждое печатное издание в СССР). Штат журнала состоит из 25 человек, в том числе главного редактора, двух его заместителей, ответственного секретаря и 12 журналистов, распределенных по 6 отделам:

1) отдел советского кино,
2) отдел теории, истории и библиографии ,*
3) отдел публицистики,
4) отдел документального кино,
5) отдел научно-популярного и мультипликационного кино,
6) отдел зарубежного кино.

В штат журнала также входят корректор, машинистка, технический и художественный редакторы, секретарь. Помещение состоит из 11 комнат и кинозала для просмотра фильмов.

Как каждое печатное издание в СССР, "Искусство кино" имеет редколлегию, состав которой предлагается главным редактором и утверждается Госкино и Отделом культуры ЦК КПСС. В редколлегию в настоящее время входят режиссеры (Юткевич, Герасимов), сценаристы, ученые (Юренев, Вайсфельд, Баскаков), кинокритики – всего 16 человек. Формально редколлегия дол-

---

* Автор статьи работал в журнале с 1974 по 1978 год в качестве заведующего отделом теории, истории и библиографии.

жна выражать мнение кинематографистов, коллегиально решать судьбу рукописей, определять линию издания. Фактически все эти вопросы решает главный редактор, руководствуясь указаниями "сверху".

С 1956 по 1969 год главным редактором журнала была Людмила Погожева. В соответствии с тогдашним либеральным курсом, "Искусство кино" в целом давало объективную оценку кинопроцесса, в нем печатались талантливые критики, велись оживленные дискуссии по главным вопросам советского кино, публиковались содержательные статьи о зарубежных фильмах.

В 1969 году Погожеву сняли и назначили на ее место Евгения Суркова. Это мрачная личность советской культуры. Способный театральный критик, он, однако, отдал все свои силы служению режиму: в годы ждановщины был главным театральным цензором, потом работал в "Литературной газете". Много вреда принес он и кино, будучи главным редактором Сценарной коллегии Госкино (от него зависело прохождение сценариев).

Когда ненависть кинематографистов к Суркову достигла апогея, его перевели на должность главного редактора журнала. Кино, как таковое, Суркова нисколько не волновало: все свои силы он направлял на то, чтобы соответствовать сегодняшней (а еще лучше – завтрашней) линии партии.

Нет ничего удивительного, что за годы его работы журнал резко изменился – потерял многих

авторов, перестал отражать реальные события киножизни, печатать объективные оценки советских и зарубежных фильмов. Конечно, многое зависит от политической обстановки в стране, а она постоянно ухудшается, но все же, даже по сравнению с подобными изданиями, освещающими другие области искусства – "Театр", "Советская музыка", "Художник" или "Вопросы литературы" – "Искусство кино" являет собой пример догматизма, унылого и глупого политиканства. Такая "твердолобая" линия объясняется и той ролью, которую идеологи в СССР придают кино как "важнейшему" из искусств (по Ленину) и сильнейшему "средству массовой агитации" (по Сталину).

Рассмотрим теперь структуру журнала, основные его рубрики.

1. Современность и экран

Это важнейшая рубрика "ИК". Здесь помещаются публицистические статьи, материалы Пленумов, конференций, выступления руководителей Госкино и Союза кинематографистов, многочисленные юбилейные материалы. Этот раздел всегда открывает журнал. Так, в №1 за 1981 год публикуются статьи под заголовком "Готовясь к XXVI съезду КПСС" , и они занимают... 65 страниц текста из 192. Следующий, второй номер, продолжает публикацию статей к съезду. №4 открывается заголовком "К 111 годовщине со дня рождения В.И.Ленина", а №5 печатает статью "Впереди большая работа" под рубрикой "Реше-

ния XXVI съезда – в жизнь!" Все эти публикации не имеют, естественно, ни малейшего отношения к кино как таковому, это пропаганда самого низкого сорта, которую никто не в состоянии прочитать.

2. Новые фильмы

Здесь печатаются рецензии на советские фильмы: игровые, документальные, мультипликационные. В номере обычно идет 3–4 рецензии. За год журнал успевает оценить примерно 20–25 художественных фильмов (при 150 выходящих в прокат). Но дело не только в количестве. Главное – выбор картин для рецензий. Прежде всего печатаются статьи о фильмах, поддерживаемых Госкино. Другая категория – фильмы, на которые даются рецензии, но с большим опозданием (примерно 6 месяцев, а иногда и больше). Наконец, третья категория – фильмы, о которых журнал вообще не пишет. Приведу примеры: в "ИК" не было рецензий (и вообще никаких материалов) о картинах Андрея Тарковского "Зеркало" и "Сталкер", даже не упоминался фильм Отара Иоселиани "Пастораль", не рецензировались острая сатирическая комедия Эльдара Рязанова "Гараж", фильм "20 дней без войны" Алексея Германа.

3. Рубрики "Из творческого опыта", "Лаборатория", "Беседа за рабочим столом", "Клуб молодых"

Эти разделы журнала чаще содержат интерес-

ные материалы, прямо касающиеся киноискусства. Журнал публикует интервью, статьи самих кинематографистов – режиссеров, актеров – о своем творчестве, о своем понимании искусства.

4. "История и теория", "Мемуары и публикации", "Издано о кинематографе"

Материалы в этих разделах появляются нерегулярно. Совершенно отсутствует проблематика телевидения. Рецензируется примерно 10 книг в год, что, конечно, очень мало.

Этот же отдел теории и истории готовит материалы небольших рубрик "Памяти товарища" и "Юбиляры" – и поздравления, и соболезнования раздаются строго по официальной "табели о рангах".

5. Зарубежное кино

В разделе "За рубежом", который занимает довольно значительный объем, публикуются прежде всего статьи, разоблачающие западное буржуазное кино. Регулярно печатаются материалы о Московском и Ташкентском фестивалях. Однако они появляются полгода спустя. Так, обзор Московского фестиваля (июль 79 года) публиковался в №3 журнала за 1980 год. Время от времени печатаются статьи-обзоры и других кинофестивалей. Со страниц журнала исчезли рецензии на зарубежные фильмы. Несколько раз в год дается хроника событий за рубежом, составленная крайне непрофессионально и тенденциозно.

6. Киносценарии

Ежегодно публикуется примерно 10 новых киносценариев.

В конце номера обычно помещается фильмография новых советских фильмов. Однако она ведется нерегулярно и не охватывает всех фильмов, выпускаемых на экран, и потому не представляет справочной ценности. Журнал иллюстрированный. Качество печати и фотографий, а также внешний вид издания оставляют желать лучшего.

Следует сказать еще несколько слов о том, как готовится журнал. Состав очередного номера определяет главный редактор с учетом политических событий, юбилеев и указаний руководства. Журналисты-сотрудники редакции, как правило, сами не пишут материалы, они их *организуют, заказывают* авторам и затем *редактируют.* И это очень жаль, так как в составе редакции есть сильные журналисты и критики. Их роль, однако, сведена в редакции к простому исполнительству.

Материалы, идущие в номер, читают и редактируют: 1) редактор; 2) заведующий отделом; 3) ответственный секретарь; 4) заместитель главного редактора (а иногда оба заместителя); 5) главный редактор; 6) каждую статью читают 2–3 члена редколлегии; 7) в отдельных случаях материал показывается для консультации в Госкино или отдел ЦК.

В советской печати существует давняя прак-

тика *активного* редактирования. Такое редактирование бывает двух родов: а) штатный редактор предлагает автору дописывать, доделывать статью, исходя из своих личных вкусов или же боясь идеологической крамолы, несоответствия идей автора "линии партии"; б) штатный редактор сам переписывает статью, вписывает в нее необходимые, по его убеждению, цитаты и прочее. Причины, им движущие, те же, что и в первом случае.

В "Искусстве кино" процветают оба метода "улучшения" авторских материалов. Сам же Евгений Сурков, прошедший сталинскую школу, является непревзойденным мастером переписывания чужих статей. Бывали случаи, когда он переписывал статьи в 20–30 страниц буквально целиком, не оставляя ни одной строчки оригинала. Знаменитый сурковский клич – *"статью надо обогатить!"* – означал, что необходимо вписать десяток-полтора цитат из речей Брежнева, решений очередного съезда партии или постановления о кино!

После такого рода "подготовки" рукописи могут идти в печать. Производственный цикл журнала – *три месяца!* Он включает: набор верстки – работу над версткой (которую читают все упомянутые выше сотрудники) – макет текста с иллюстрациями (примерно 80 фотографий в каждом номере) – сверку (вторая корректура) – подготовку цензорского экземпляра – подписание к печати – получение из типографии сигнального экземпляра.

Если прибавить к трехмесячному циклу еще месяц на подготовку материалов, то станет ясна причина сильного запаздывания журнала: читатели получают номер, когда рецензируемые фильмы давно сошли с экрана, а многие события начисто изгладились из памяти.

Теперь, имея общее представление о журнале, можно перейти к разбору конкретных материалов, опубликованных за 1979–1982 годы. Для простоты рассмотрения я сгруппирую публикации по основным разделам: современное кино, история, зарубежное кино.

I. Современное советское кино

Я уже писал выше, что каждый номер журнала открывается официозными материалами, посвященными различным политическим событиям и юбилеям (111 годовщина со дня рождения Ленина, 35-летие со дня Победы, 75-летие Брежнева, приближение партийного съезда и т.д.). Эти материалы, подчас занимающие треть номера, никакого отношения к кино не имеют. Как правило, это статьи деятелей кино – режиссеров, драматургов, операторов – в которых обильно цитируются речи Брежнева, какими должны быть советские фильмы, чтобы они воспитывали советского человека в духе идей марксизма-ленинизма.

Здесь надо сказать об одной особенности советской журналистики, неведомой в других

странах. В большинстве случаев статьи, подписанные именами академиков, писателей, режиссеров, рабочих, маршалов, написаны журналистами.

Журналист беседует с автором будущей статьи, потом пишет все сам и дает "автору" для ознакомления. На страницах журнала "Искусство кино" этот своеобразный "жанр" расцвел при Суркове пышным цветом. Может показаться, что все известные кинематографисты только и делают, что пишут статьи в связи со съездами и постановлениями партии. Нет, конечно, кинематографисты делают фильмы, а журналисты пишут за них статьи. Этот "жанр" особенно удобен тем, что так гораздо проще делать всякого рода исправления, добавления, "усиления" статей. И очень редко фиктивный автор высказывает несогласие с текстом, обычно все подписывают, и статья идет в печать. В номерах 1980–81 годов мы обнаружим имена Бондарчука и Таланкина, Нарлиева и Габрилович, Кулиджанова и Герасимова. Почти в каждом номере журнала можно найти статью какого-нибудь руководящего чиновника из Госкино или Союза кинематографистов. Пожалуй, лишь в одной из них удалось обнаружить полезные сведения. Руководитель проката в № 5 за 1981 год сообщает ряд данных о советской кинематографии. Приведу некоторые из них:

1) Советские фильмы смотрит 70% всей киноаудитории;

2) За 5 лет выпущено на экран 794 художественных фильма;

3) Лишь один фильм из десяти имеет аудиторию в 20 миллионов и оправдывает расходы на постановку;
4) Значительно уменьшено количество копий зарубежных фильмов (от 1 до 16). Сократилось и общее количество копий с 169 000 в 1975 г. до 120 000 в 1980. Это связано с отсутствием пленки, на производство которой идет серебро, а серебро забирает военная промышленность;
5) Среднее количество посещений в год на одного жителя – 16;
6) Фильм "Москва слезам не верит" посмотрело за 8 месяцев 75 миллионов человек.

Но совершенно невозможно читать доклад председателя Госкино Ф. Ермаша, занявший 50 страниц журнального текста и озаглавленный так: "О повышении роли кино в коммунистическом воспитании трудящихся в свете Постановления ЦК КПСС "О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы". Вряд ли такой заголовок требует дополнительных комментариев, скажу только, что на первых двух страницах цитируется 8 раз Брежнев, 5 раз Ленин и 1 раз Суслов!

Редакция иногда устраивает обсуждения отдельных фильмов или проблем. Например, в обсуждении фильма "Москва слезам не верит" участвовали три секретаря райкома партии, директор школы, несколько партийных и комсомольских работников (аппаратичиков) и один рабочий – член ЦК КПСС! Естественно, что

попытки выдать такие "дискуссии" за vox populi никого не могут убедить.

Другая дискуссия была организована в связи с фильмом Александра Зархи "26 дней из жизни Достоевского". Некоторые из участников – прежде всего литературоведы, специалисты по творчеству Достоевского – оценили фильм резко отрицательно. Однако режиссер потребовал не публиковать материалы дискуссии и пожаловался в ЦК КПСС. В результате журнал напечатал (№ 5 за 1981 г.) только некоторые выступления, причем, в основном положительно оценивающие фильм.

Стоит рассказать еще об одном эпизоде, характеризующем деятельность журнала. В № 11 за 1978 год была напечатана статья критика Юрия Богомолова "Грузинское кино: отношение к действительности". Автор обвинил грузинское кино в эгоцентризме, эстетизме, отсутствии связи с современной жизнью, сознательном уходе в историю, в фольклор. Грузинское кино последних двадцати лет критик назвал "эпохой подражания". В редакционном послесловии к статье вновь перечисляются все "беды" грузинского кино (эстетизм, герметизм), говорится, что оно теряет своего зрителя и предлагается "серьезно обсудить сложившееся положение".

Статья эта была подготовлена с ведома отдела культуры ЦК и руководства Госкино, для которых грузинское кино давно уже было "бельмом на глазу". Публикация журнала вызвала острую реакцию в Грузии, ее там прочитали буквальь-

но все: статья обсуждалась в Грузии с такой же страстностью, как проигрыш местной футбольной команды.

Однако замысел организаторов травли грузинского кино провалился. И по причине весьма далекой от искусства. Дело в том, что как раз в то время Первый секретарь компартии Грузии Э. Шеварднадзе стал кандидатом в члены Политбюро. Видный грузинский кинорежиссер Резо Чхеидзе обратился к нему за поддержкой, и Шеварднадзе переговорил с Сусловым и Зимяниным, ответственными тогда в Политбюро за идеологическую работу. Немедленно был дан приказ прекратить кампанию. Журнал "Советский экран", также подготовивший разносную статью о Грузии, снял ее из номера. *

Однако грузинские кинематографисты потребовали провести обсуждение статьи в редакции журнала и такое обсуждение состоялось в феврале 1979 года. Но опубликованы материалы дискуссии были только в №№ 11–12 за 1979 год, так как грузинские участники не разрешали Суркову вносить правку в их выступления. Участники обсуждения – режиссер Эльдар Шенгелая, председатель Госкино Грузии, критики резко осуждали статью, которая, по их мнению, не учитывала исторического и культурного опыта Грузии. Они говорили о сознательной практике проката, когда в стране нельзя посмотреть грузин-

* Автор данной статьи работал в журнале "Советский экран" заведующим отделом советского кино с 1978 по 1980 годы.

ские картины. Московские участники обсуждения клялись в своей любви к грузинскому кино, но главным восторженным поклонником его оказался... организатор несостоявшейся травли Евгений Сурков!

Эта история, имевшая широкий резонанс в среде деятелей искусства, весьма характерна для культурной политики партии и деятельности Суркова в качестве главного редактора журнала "Искусство кино".

Постоянной задачей журнала является рецензирование новых советских фильмов, как художественных, так и документальных и мультипликационных. Короткометражные рецензии часто даются в форме обзоров нескольких картин. Художественные, как правило, рецензируются отдельно.

Есть несколько проблем рецензирования фильмов, о которых следует сказать. Прежде всего, оценка фильма *заранее задается* автору в зависимости от отношения к картине со стороны Госкино или главного редактора. Это резко сужает круг авторов и качество рецензии. Поэтому в журнале не встретишь статей острых, критических, ярких по форме.

Другая особенность рецензий, помещаемых в "ИК" – их непомерная длина (примерно 20–25 страниц текста на машинке). Подробно разбираются все компоненты фильма, пересказывается его сюжет, даются оценки. Когда автор человек талантливый, это интересно, но так как слу-

чается это редко, то многие рецензии читать невозможно. Правда, иностранные кинокритики говорили мне, что их устраивают рецензии "ИК" потому, что прочитав их, можно не смотреть сам фильм, настолько подробно он описан.

Однако многословие рецензий, подчас, призвано затемнить подлинный смысл картины. Так, рассказывая о фильме "Допрос", в котором остро критиковались порядки в Азербайджане, автор обошел стороной то, ради чего фильм был сделан (№1, 1980).

Многие заведомо слабые фильмы получают высокую оценку журнала только потому, что признаны начальством. Можно назвать восторженные статьи о посредственных фильмах "Взлет", "Люди в океане", "Москва слезам не верит", "Вкус хлеба", о творчестве таких режиссеров-ремесленников, как Храбровицкий, Ростоцкий, Самсонов.

Конечно, за два-три года можно найти в журнале и хорошие, умные, честные рецензии на фильмы. Такова, например, рецензия на фильм Никиты Михалкова "Пять вечеров" (№5, 1980), на "Осенний марафон" режиссера Георгия Данелия (№3, 1980). К числу интересных, ценных материалов, дающих представление о проблемах советского кино относятся творческие портреты (актрисы Демидовой, например), беседы с деятелями кино (очень интересно говорил художник Юрий Ракша о работе с Акира Куросава по "Дерсу Узала" и с Ларисой Шепитько по "Восхождению"). Представление о творческих взглядах

Никиты Михалкова можно получить, читая репортаж со съемок "Обломова".

Но в журнале мы не найдем аналитических, обзорных статей, из которых можно было бы понять, как развивается советское кино, какие проблемы волнуют художников и как они их разрешают в конкретных фильмах. И это самый серьезный недостаток "Искусства кино" в его нынешнем виде.

II. История и теория

Материалы этого раздела носят случайный характер. И это естественно – ни история, ни теория не интересуют руководителей журнала. Журнал отметил юбилеи Шолохова и Толстого высказываниями деятелей культуры о значении творчества этих писателей. Опубликованы статьи о раннем творчестве Калатозова (№7, 1981), о Протазанове (№8, 1981), о Шукшине (№7, 1981), о Ромме (№1, 1981). Некоторые из этих статей и материалов интересны, добавляют нечто новое к нашим представлениям об этих режиссерах. Полезны и письма и заметки Григория Козинцева об Эйзенштейне (№4, 1980). Разнообразны материалы об операторе Сергее Урусевском (№3, 1980).

Из мемуарной литературы, которая всегда привлекает внимание читателей, отмечу воспоминания режиссера Александра Зархи о работе в кино в 20-х и 30-х годах (№№ 2, 3, 1980). Целый ряд статей опубликовал за последние два

года режиссер и теоретик Сергей Юткевич – о проблемах режиссуры, о творчестве Брессона, о советском актере и режиссере Николае Охлопкове. Статьи Юткевича серьезны, насыщены интересным материалом, свидетельствуют о высокой культуре автора.

Если в разделе истории еще попадаются материалы, представляющие информационную ценность, то серьезных теоретических работ практически нет. Лишь статья Марка Зака, анализирующая проблему "литература и кино", прочтение и понимание режиссером литературного первоисточника – вызывает интерес.

От случая к случаю ведется рецензирование книг; выбор названий для анализа случаен, продиктован не качеством книги, не ее темой, а чисто политическими соображениями. В СССР выходит ежегодно примерно 75 книг по кино, но журнал отмечает лишь десять или и того меньше.

III. Зарубежное кино

Статьи о зарубежном, прежде всего о западном, буржуазном кино занимают важное место в журнале и отвечают задачам идеологической контрпропаганы. Основной жанр – длинная подробная статья, пересказывающая фильмы, которые в СССР невозможно посмотреть и дающая им "марксистские" оценки. Рецензии на конкретные фильмы практически не публикуются.

Время от времени помещаются обзоры международных фестивалей. Так, в статье о фестивале в

Кракове (Польша) даны резкие оценки не только фильмам, но и общественным настроениям в стране (№ 9, 1981). Многие материалы носят чисто пропагандистский, далекий от проблем искусства, характер. Таковы, например, статья Николая Савицкого "В объятиях Кубы" или Ростислава Юренева "Киноискусство социализма и мировой кинопроцесс". Журнал познакомил читателей с кинематографиями Швеции и Бразилии, с творчеством итальянских режиссеров братьев Тавиани, с проблемами китайского кино...

Практически не освещается кино в странах социализма, ибо почти повсюду процессы развития национальных кинематографий не соответствуют догматическим доктринам советских идеологов. Не только о Польше и Венгрии боится писать журнал, но даже творчество многих режиссеров Восточной Германии не рассматривается в СССР (например, последние фильмы Конрада Вольфа).

Наибольшее количество статей посвящено американскому кино. Одним из главных "экспертов" является Георгий Капралов, имеющий, в отличие от многих других авторов, возможность часто ездить на Запад и смотреть новые фильмы. Статьи Капралова подробно пересказывают (часто неточно из-за незнания языков) содержание фильмов. Так, в статье о новых тенденциях западного кино (№ 6, 1980) сделана безуспешная попытка разобраться в таких фильмах, как "Апокалипсис сегодня", "Волосы", "Охота на оленей",

"Возвращение домой". Автор огульно обвиняет американское кино в пропаганде войны, в реакционности и службе империализму. В № 4 за 1981 год появилась еще одна статья того же автора под характерным заголовком "По спирали, ведущей вниз". Рассматривая политическое кино Запада конца 70-х годов, Капралов упрекает художников в уходе от актуальной проблематики.

Как известно, особую ярость в СССР вызвал фильм "Охота на оленей"; ему было посвящено несколько материалов. Людмила Мельвиль (№ 8, 1980) возвращается вновь к этой теме в статье "Милитаризация экрана и ответственность критика". Рассматривая четыре рецензии, опубликованные в журнале "Film Quaterly" (Berkeley), автор резко критикует не только тех, кто поддерживает фильм или анализирует его отдельные компоненты (например, главному редактору журнала Эрнесту Калленбаху досталось за фрейдизм), но и тех, кто предъявляет фильму серьезные претензии. О них Мельвиль пишет, как о людях, критически воспринимающих американскую действительность и реакционную пропаганду, тем не менее, они "не в состоянии по-настоящему остро и последовательно оценить эти явления, руководствуясь верными социальными критериями"! Американским кинокритикам трудно получить "5" в советской прессе, для этого им нужно постоянно читать журнал "Искусство кино".

Однако помимо своего реального содержания статья Мельвиль (как и другие материалы такого рода) была встречена с интересом: ибо, во-пер-

вых, там приводятся подробные цитаты из статей американских авторов, а во-вторых, из нее можно понять, как разнообразны и ничем не ограничены мнения критиков в Америке и какие широкие дискуссии вызывают произведения киноискусства. Все это находится в вопиющем контрасте с положением дел в Советском Союзе.

Обратного эффекта достигает и другая статья, разоблачающая американскую демократию в изображении американского кино. Марианна Шатерникова в статье "Мираж свободы и изнанка "демократии" (№ 8, 1980) объявляет "идейно несостоятельными" многие американские ленты, критикующие современную действительность США (например, "Все люди президента"). В качестве положительного примера приводится фильм Стенли Креймера "Принцип Домино". Однако читатели из подробного пересказа фильмов (естественно, не показанных в СССР) могут составить ясное представление о широких демократических возможностях американского общества и американского кино.

Необходимо еще отметить, что все это публикуется в профессиональном журнале, читаемом деятелями кино, которые, благодаря закрытым просмотрам, имеют возможность знакомиться с западным кинематографом, сравнивать его с советским.

В заключение еще несколько слов о статье Владимира Баскакова (№ 3, 1981). Рассматривая в теоретическом плане вопросы массового и народ-

ного искусства, автор в соответствии с новым курсом советской пропаганды в области кино, обрушивается на элитарное искусство (авангард, левый радикализм), считая его главным врагом, тогда как коммерческое, массовое кино Запада является меньшим злом, ибо, как утверждает автор, "народность в современных условиях всегда антибуржуазна" и массовое, коммерческое искусство, понятное миллионам, необходимо поддержать. Эти теоретические построения необходимы для обоснования того поворота к коммерческому художественному кинематографу, который наиболее ярко воплотился в фильме "Москва слезам не верит" и который вызывает протесты многих талантливых мастеров советского кино.

В мае 1983 года Евгений Сурков был неожиданно снят с поста главного редактора журнала в связи с тем, что его дочь вышла замуж за гражданина Голландии и подала документы на выезд к мужу. Это был удобный предлог, чтобы отделаться от надоевшего всем – и в ЦК и в Госкино – служаки-фанатика. Так бесславно закончилась 14-летняя карьера Суркова на посту главного редактора.

Ему на смену был назначен его заместитель, 45-летний выпускник ВГИКа, хитрый и циничный Армен Медведев. Под его руководством журнал, конечно, продолжает основную идеологическую линию, сохраняя в главном прежнюю модель и рубрики. Все же некоторые положи-

тельные сдвиги следует отметить. Несколько снизилось количество и объем пропагандистских материалов; больше стало статей, рассматривающих непосрдественно кинематографический процесс; в журнале стали печататься хорошие критики, которым дорога была закрыта при Суркове; чаще стали появляться рецензии на отдельные зарубежные фильмы; журнал отказался от публикации фильмографических данных по новым фильмам...

Эти перемены сделали журнал более читабельным, несколько приблизили его к кинематографической жизни. Но их, конечно, недостаточно, чтобы превратить издание в подлинную трибуну творческих работников, для чего, собственно, журнал и был создан. *

Многие недостатки журнала "Искусство кино" – и в его прошлом, и в нынешнем виде – возможно, не вызвали бы столь серьезных возражений, если бы, наряду с ним, читатели имели бы возможность знакомиться с другими публикациями о кино аналитического характера. Но в том-то и беда, что журнал этот единственный в стране. Сегодня, как мы убедились, он не отвечает за-

---

* В 1985 г. А. Медведев был назначен главным редактором Сценарно-редакционной коллегии Госкино, а на его место пришел... посредственный журналист из "Известий" Ю.Черепанов, не имющий никакого отношения к кино. Это лишний раз демонстрирует пренебрежение и равнодушие советского идеологического аппарата к единственному "толстому" киножурналу.

просам кинематографистов – как практиков, так и теоретиков кинопроцесса. Он мало что может дать и читателям, серьезно интересующимся вопросами кино, а их немало в СССР.

"Искусство кино" не содержит объективного анализа современного советского кино, почти ничего не делает для собирания исторического материала, не развивает научно обоснованную теорию кино и дает искаженную картину развития кинопроцесса в других странах и регионах. Партийные идеологи с помощью части кинематографических кадров, используют журнал в целях пропаганды своих идей, создания фальшивого образа киноискусства и фальшивой действительности на экране. Анализ конкретной деятельности журнала "Искусство кино" дает возможность познакомиться с методами идеологической работы в СССР.

Раиса Орлова

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В 1960 году роман Дж. Сэлинджера "Над пропастью во ржи" готовился к печати в журнале "Иностранная литература", где я тогда работала.

По просьбе редакции послесловие написала Вера Панова.

Рукопись сдали в набор. Я уехала в сентябре в отпуск, в Коктебель, там в это время оказалась и Панова.

Начиная с первого ее романа, со "Спутников" я почувствовала родную писательницу. Она тихим, домашним голосом рассказывала о том, как мы жили. Как водили детей в сады и мчались на работу. Как гадали "любит – не любит". Как шили новые платья. Как справляли праздники.

Увидев ее впервые у столовой Дома Творчества, мне захотелось подойти к ней, сказать, как нужны ее книги. Не решилась. ("Зачем, к чему ей это?")

Но подойти к ней пришлось.

Меня вызвал по междугороднему телефону заместитель главного редактора "Иностранной литературы" С. Дангулов.

– Передайте Пановой пожелание редколлегии: в послесловии осудить Сэлинджера за декаданс и резче сказать о недостатках героя.

– Зачем? Панова написала прекрасно.

– Как сотрудник редакции вы обязаны понять: это не мой каприз, а мнение инстанций. Если Панова этих вставок не сделает, мы снимаем роман из номера. В вашем распоряжении сутки.

...Идти с этим к Пановой?!

Не могу. Ну их к чертям со всеми их указаниями.

А как же Сэлинджер? Я понимала и чувствовала, – эта книга необходима друзьям, детям, их друзьям, необходима моим соотечественникам. Ее уже девять лет читают во многих странах.

Может быть, Панова согласится? А нет, – может быть, ее отказ повлияет на редколлегию, на высокое начальство? Всего-то две-три фразы.

...Большинство читателей вообще не заглядывают в послесловия. Я очень хотела, чтобы роман Сэлинджера был опубликован. Но действовала и долгими годами сложившаяся привычка к послушанию.

Всю ночь крутились варианты: "...я говорю – она отвечает..." "Я доказываю – она возражает..." и так до бесконечности.

На утро подошла к Пановой. И – чего я вовсе не ожидала, – она сразу же согласилась.

– Пусть вписывают все, что им угодно. Я ведь не критик. Только вы сами сочините эти вставки, а мне покажите.

Часа через два я вернулась к ней с "болванкой". Панова ничего не изменила. Потом в ре-

дакции послесловие долго обрабатывали, дописывали, переделывали.

В ноябрьском номере "Иностранной литературы" роман был опубликован.

В печати вставки выглядят так: "...обнажая язвы современного американского бытия, Сэлинджер нередко прибегает к приемам декаданса. Речь идет об отборе фактов, о выборе ситуаций, о злоупотреблении слэнгом, наконец.

Эта дань распространенной на Западе моде несколько снижает силу воздействия романа на читателя".

И в другом месте: "Однако Холден со своей ущербностью, скепсисом, бессознательным цинизмом – неотъемлемая часть этого мира. Он, вероятно, пришел бы в негодование, если бы ему об этом сказали. Но это бесспорно так. Хочет Холден или нет, но он в плену у этого мира, его вкусов, его обычаев, и "бунт" его, в сущности, ни к чему не ведет". *

"Литгазета" опубликовала (26-го ноября 1960 года) мою статью о Сэлинджере. Там тоже есть оговорки – "ограниченность реализма", "не преодоленный фрейдизм", – но вся статья защищает роман и героя. В книге "Потомки Геккльберри Финна" (1964 г.) я сняла и эти оговорки и добавила резкую полемику с советскими критиками – проработчиками – Е. Книпович и В. Назаренко.

Вера Панова, включив послесловие в сборник

---

* "Иностранная литература", 1960, №11, стр.138–139.

"Заметки литератора" (1972 г.) вписанные фразы, разумеется, выбросила.

Но однажды напечатанные слова продолжали существовать.

В 1969 году аспирантка Тбилисского Пединститута Лия Хвитария готовила диссертацию о Сэлинджере, в СССР – первую. Я была ее научным руководителем. Всех, кто писал о Сэлинджере, она делила, как и полагалось, на защитников романа: Н. Анастасьев, Г. Владимов, Н. Галь, Ю. Лидский, Р. Орлова, – и его противников: А. Дымшиц, Е. Книпович, В Назаренко. И... Вера Панова.

– Лия, помилуйте! Ведь именно Вера Федоровна представила Сэлинджера советским читателям.

– А что она о нем писала – посмотрите!

И ко мне возвращаются "приемы декаданса", "ущербность", "цинизм".

С тех пор, как я впервые встретилась с Пановой, вошло в жизнь новое поколение. Читающие, мыслящие юноши и девушки и не представляют себе, что можно не знать романа "Над пропастью во ржи". Им кажется, как обычно кажется про любимые книги, что и эта существовала у нас всегда. – Куда деваются утки зимой? – спрашивают они и мечутся одинокие, неприкаянные по Москве, по Ленинграду, по Киеву, как метался Холден по Нью-Йорку.

Книга Сэлинджера и у нас теперь почти классика.

Но в том сентябре 1960 года всего этого еще не было, и я этого никак не предвидела. По слу-

чайному стечению обстоятельств в тот момент от меня зависела судьба публикации. В хорошее послесловие пришлось вписать несколько общепринятых оговорок. Для Пановой это было пустяком, к тому же вовсе не ее делом. А для меня – важным, своим. Эти фразы подписаны ею, но написаны мною.

Сегодня я спрашиваю себя: почему подчинилась чиновничьему приказу? Почему не стояла тогда на своем первом и верном "нет"? И почему так легко согласилась Панова?

Попытка ответить влечет логический ряд: "потому что"...

У Пановой в годы террора убили мужа, она бежала из Ростова. В начале войны бедствовала в оккупации. С трудом вырастила троих детей. Стала известной писательницей, лауреатом Сталинских премий, то есть человеком относительно защищенным от барского гнева. От страха, искривляющего души. Страх уже до смерти владел Пановой, страх глубоко угнездившийся, неизлечимый.

Я никого из самых близких в годы террора не потеряла. Но тоже боялась, боялась бессознательно, как множество людей вокруг меня. В отличие от Пановой я еще и верила в единственную великую цель. Первые сомнения, первые трещины не поколебали этой веры. Новые "оттепельные" иллюзии скорее ее своеобразно укрепляли.

У Пановой была большая семья. После многих лет бедности, скитальчества она хотела жить хорошо, понимала в этом толк.

Когда мы впервые пришли к ней в гости, в большую квартиру на Марсовом поле, в 1963 году, она была одна; ее муж Д. Я. Дар смотрел гастрольный спектакль "Комеди Франсез". А стол был накрыт человек на двадцать.

– Ничего, ничего! – Вера Федоровна перехватила мой недоуменный взгляд, – Панова любит пожрать!

В пятьдесят восьмом году она приняла участие в гонениях на Пастернака, специально приехав на заседание Секретариата. Ругала поэта, которого любила, читала.

Вряд ли она верила в то, что говорила о Пастернаке, как не верила и в те оговорки, которые позволила вписать в свою статью о Сэлинджере. При всей несоизмеримости , – и малая уступка редакции журнала и присоединение к травле великого поэта, – явления одного порядка.

Она совершала ритуальное действо – для самосохранения. Но не только. Как она убеждала себя и окружающих, – и для "охраны той культурной среды", в которой мы жили. Тогда многие вокруг нас считали, что "своеволие" Пастернака грозит разрушить хрупкую, едва возникшую почву оттепельных льгот.

Впрочем, один мотив в ее возмущении Пастернаком был, вероятно искренен: печатать свою книгу за границей, на Западе?!

В 1960 году американский альманах "Воздуш-

ные пути" опубликовал "Поэму без героя". * Альманах привезла Ахматовой ее молодая приятельница поздно вечером. Анна Андреевна посмотрела и сказала:

– Унесите. Ночевать с этим я не буду.

Ахматова была, как нередко случалось, и "в роли". Она хотела, чтобы ее ответ на заграничную публикацию распространялся в том виде, какой она полагала необходимым в тот момент. Но действовал еще и страх. Ахматова тогда еще никому не разрешала записывать "Реквием".

Испугалась за Ахматову и Лидия Чуковская.**

---

* С пометкой "публикуется без ведома и согласия автора". Эта пометка в течение нескольких лет считалась своеобразной защитой: "виноват" не автор, а иностранные издатели. Изменилось и это. Права на книги советских авторов, изданные на Западе в 1978 году , – "Факультет ненужных вещей" Ю. Домбровского, "Пушкинский дом" А. Битова, "Светлое будущее" А. Зиновьева (издано до его отъезда), "Сандро из Чегема" Ф. Искандера, "По эту сторону смерти" Л. Чуковской, "И сотворил себе кумира" Л. Копелева и другие, – принадлежат автору, либо издателю. То есть уже титульный лист объявляет: "печатается с ведома и согласия автора".

Но и к этому надо было проторить дорогу.

** Л. Чуковская записывает в дневнике 20 февраля 1960 г.

Анна Андреевна улыбается лукаво:

– Вы ничего про меня не слышали?

– Нет, а что?

Оказывается: в сборнике, выпущенном в Нью-Йорке по случаю семидесятилетия Бориса Леонидовича, напечатана "Поэма без героя". От испуга я едва понимала смысл произносимых Анной Андреевной слов... "Публикуется без ведома и разрешения автора". Это, быть может, и спасет. И, тогда, кто знает, не пугаться надо, а радоваться..."

Мы живем в быстротекущем времени. Мало кто оглядывается. Между тем сменяются поколения. На что они оглянутся?

Александр Солженицын рассказал в книге "Бодался теленок с дубом" как он, еще никому не известный рязанский учитель, резко осудил Пастернака за отказ от Нобелевской премии, за письма Хрушеву.

В шестьдесят четвертом году Солженицын, уже всероссийски известный писатель, кардинально изменил сюжет романа "В круге первом", перед тем как показать рукопись Твардовскому в надежде на публикацию. С шестьдесят седьмого года он становится образцом почти одинокого противостояния мощному государству.

Вырвешь один поступок из цепи, – неизбежно искажается вся картина. Путь прошел едва ли не каждый.

Ахматова, Чуковская, Солженицын, – люди неизмеримо более мужественные, чем Панова. Но в 58-м году ни Ахматова, ни Чуковская не выступили публично против исключения Пастернака из Союза писателей, – впрочем, не выступил НИКТО. А в 1960 году обе испугались заграничной публикации.

Это не может оправдать никого из участников травли. Не может умалить ни величия Ахматовой, ни героизма Лидии Чуковской в ее многолетней борьбе за свободу мысли и слова, ни единственного в своем роде подвига Солженицына. Но помогает представить путь, по которому прошли и они. А теперь идут другие.

Травлю Пастернака я восприняла как нечто отвратительное и постыдное. Но и как едва ли не стихийное бедствие, низвергнувшееся с запредельных высот, не расчлененное на отдельные человеческие поступки и не допускающее никакого открытого противоборства.

Когда исключили Пастернака, я еще не была членом Союза писателей, на собрании не присутствовала. Сомневаюсь, что у меня хватило бы мужества голосовать "против", в то время, когда все вокруг поднимали руки "за".

Знаю многих людей, проживших со стихами Пастернака всю жизнь, не пропустивших ни одного его вечера, – но на похороны они пойти побоялись.

Мы там были, однако, я очень просила Льва никому не показывать некролог, который он написал. Еще ни о каких иностранцах речи не было, – я боялась, чтобы не увидели наши. Через знакомых я передавала Борису Леонидовичу вырезки из иностранных журналов о романе и о скандале.

Сегодня все это кажется странным и мне самой. Однако так было.

Я не вспомнила в Коктебеле о причастности Веры Пановой к делу Пастернака, хотя не прошло и двух лет. Отчасти, быть может, и потому, что ее книги были неотъемлемой частью меня тогдашней, а роман "Доктор Живаго" долго оставался чужим.

Я перечисляю "потому что", идущие по ведомству разума. Панова поступила, потому

что... Я поступила, потому что... Все это лишь тропки к ответам. Ведь поступки зреют в глубинах личности, они пробуждаются в бессознательном.

Вера Федоровна была уже тяжело больна, когда я видела ее в последний раз. Она почти не двигалась. В новой квартире было много икон, теплилась лампада. И я на секунду спросила себя: а когда она молится, когда кается в грехах, вспоминает ли она и о Пастернаке?

В 1961 году я ушла из редакции. Ушла и потому, что становилось все труднее, все невыносимее писать или вписывать фразы, которые считала неправдой.

"Я свое отслужил. От опеки над своей мыслью устал" (Григорий Померанц). И я отслужила. И я устала. Из моей жизни проблема ушла. Отчасти, – не по моей воле.

Но из общей-то жизни эта проблема отнюдь не ушла. Сталкиваешься с нею беспрестанно. Не знаю я литератора, которого она бы не касалась. Одни, – немногие, – избирают позицию "все или ничего". Никаких соглашений. Другие идут на уступки.

В 1979 году издана "Чукоккала" – уникальный рукописный альбом Корнея Ивановича – полвека русского искусства в шутках, в эпиграммах, в карикатурах, в документах. Четырнадцать лет шла борьба за книгу. В ней многое изъято. Частью еще самим Чуковским, частью – уже после его смерти. Жаль, что выброшены записи и портреты Гумилева, Ходасевича, Замятина. Во-

змутительно, что его и тут лишили дочери Лидии, ее имя запрещено упоминать.

Когда Елена Чуковская, отчаявшись, рассказала об издевательствах над изданием "Чукоккалы" в письме к Владимиру Войновичу, опубликованном на Западе как приложение к "Иванькиаде", – всем нам и ей казалось, – конец. Дело проиграно. Теперь-то уж никто не опубликует. Но рук она не сложила. Продолжали действовать и никому не ведомые силы. И вот долгожданный том у читателей.

Теперь понимаю (для себя – поздно): цена, которую надо платить за любую публикацию, определяется не только теми, кто ее требует (как мне казалось в 1960 году, да и позже), но и теми, кто ее платит или отказывается платить. Биться за наименьшие уступки доступно каждому.

Изменилось многое. В том числе наполнение слова "уступка".

За последние годы у нас изданы многие книги, которые в то время, когда Панова писала о Сэлинджере, считались, были объявлены вредными: книги Ахматовой, Пастернака, Цветаевой, Мандельштама, Михаила Булгакова, Бунина, Клюева, Белого, некоторые философские работы Бахтина, Вернадского, Флоренского. Изданы недоступные прежде "По ком звонит колокол" Хэмингуэя, романы Фолкнера, Фитцджералда, Вулфа, Гессе, Камю, Кафки, Пруста...

Люди, читавшие эти книги в рукописях, в подлинниках, в старых изданиях, и не надея-

лись, что увидят их на библиотечных полках. (В книжных магазинах их мало кто видел. Именно эти, долго гонимые книги, – что уж было вовсе непредставимо, – стали через "Березки" приносить государству немалую валютную прибыль...)

Каждому из этих изданий предшествовали многолетние усилия разных людей, напряженные, тягостные, порою казалось, – безнадежные. Снова и снова приходилось соглашаться на уступки, на изъятия, на "отмежовывания".

Сборники Ахматовой продолжают выходить без "Реквиема".

Составителям однотомника Мандельштама (рукопись пролежала в издательстве пятнадцать лет) пришлось допустить фальсификаторскую статью А. Дымшица.

К. Симонов в предисловии к трем романам Булгакова утверждал, будто автор "Мастера и Маргариты" * был атеистом. Что перевешивает – то, что читатели, наконец, могут читать замечательные романы или эта оговорочная фраза? Сомнений, будто, и нет. Но ведь я сегодня так бы не написала. И не хотела бы видеть под таким утверждением подпись кого-нибудь из своих друзей или тех коллег, которых я уважаю. Вот и получается – пусть **они** пачкаются, а мы будем читать Булгакова?

---

* Роман "Мастер и Маргарита" в 1966–67 гг. в журнале "Москва" был еще тоже напечатан с купюрами, восстановленными при отдельном издании.

В каждом, даже самом малом срезе проблемы наталкиваешься на ее сложность, почти неразрешимость.

Радовалась послесловию Марка Харитонова к романам Ремарка "Черный обелиск" и "Триумфальная арка" (1978 г.) – ни одной сомнительной фразы, ни одного слова для "пропуска".

Как яростно мы сражались два десятилетия тому назад за отдельное издание "Триумфальной арки" – и тщетно. Тогда подобное послесловие не прошло бы. Его тоже надо было выстрадать. Однако сам роман за это время, к сожалению, перестал быть жизненно необходимым новому поколению. А старые читатели, если и перечитывают его, то лишь с ностальгией особого рода. Книги не великие должны приходить к читателям еще и вовремя.

Культура творится над пропастью, на краю хаоса, рядом с ярмаркой на площади.

Писать, заранее готовясь к уступкам, исходя из неизбежности компромисса, истинному художнику нельзя. Такая готовность для художника губительна.

Однако распространять произведения искусства, пробивать им дорогу к читателям, к зрителям, заранее отказываясь от уступок, более чем трудно, в иных случаях и невозможно.

Испытание уступкой, мера уступчивости, – до какого предела? – быть может, одно из самых сложных испытаний. И не только у нас.

Когда у Сэлинджера попросили права на экранизацию его романа "Над пропастью во ржи",

он отказался со словами:

– Боюсь, что это не понравилось бы Холдену...

Сам Сэлинджер раз и навсегда отказался не только от каких бы то ни было заигрываний с читателями (подыгрываний им), он отказался устанавливать с ними отношения. С 1965 года он вообще исчез с литературной сцены, – то ли в никому недоступный рабочий кабинет, то ли в монастырь, то ли в больницу...

Спрашиваю себя: если бы можно было переписать жизнь, подошла бы я тогда к Пановой?

Лучше бы, конечно, сказать:

– Боюсь, что эти вставки не понравились бы Сэлинджеру... Но когда издали бы его книгу у нас?

Ведь это могло бы случиться и с почти непоправимым опозданием...

С тех пор как существует искусство, существуют и запреты: племенные табу, запреты религиозные, государственные, идеологические.

"Приключения Геккльбери Финна" действительно изымались из американских библиотек, стихи Уитмена считали порнографией с соответствующими выводами, Драйзера травили... Сегодня у нас многие в это не верят.

Проблема универсальна, всемирна. И в ее грубой форме – требования книжного рынка. И в бесчисленных тонких и тончайших. Сами писатели подчас стремятся идти навстречу читателям. Потрафлять не самым взыскательным вкусам. Писать счастливые концы. Или просто попадать

в "жилу" настроению данного года, данного часа. Кто высший суд, – ты сам, взыскательный художник или те, кто будет тебя читать?

Мандельштам отвечал:

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.

(Какое счастье, что могу процитировать по однотомнику, и черт с ним, с предисловием Дымшица!)

Советские писатели разделяли и разделяют общемировые условия, общемировые неразрешимые стороны проблемы запретов, общемировые беды.

Но есть, возникло с начала у нас одно важнейшее отличие. Даже не в том, что запреты неимоверно ужесточились, усилились многократно.

И цари, и папы, и полицейские в прошлом и в настоящем (на Западе) подчас решали, – чего писать нельзя. Запрещали. Но не предлагали, – впрямую, – что и как требуется. Что и как надо.

Александр Блок на самой заре, сразу же вслед за музыкой революции услышал и новую грозную опасность. В речи "О назначении поэта" сказал – пока еще предположительно, – а "могли бы изыскать средства для замутнения самих источников творчества".

Изыскали. Появились те чиновники, которые "собираются направить поэзию по каким-то собственным руслам" (Блок).

Именно такие чиновники седьмое десятилетие управляют русской литературой.

Против них направлена естественная ненависть и самих настоящих художников, и всех тех, кто стремится к свободе России. Не только к свободе творчества.

Десятилетия гнета родили на другом полюсе фанатическую уверенность в существовании правды, противоположной официальной, одного ответа, исключающего все другие.

Родили и ненависть к компромиссу.

Нина Берберова писала в книге "Курсив мой": "На Западе люди имеют одно общее, священное "шу" (китайское слово, оно значит, что каждый, кто бы он ни был и как бы ни думал, признает и уважает...) Но у русской интеллигенции элементы революции и реакции никогда ничем не уравновешивались и не было общего "шу". Потому, быть может, что русские не часто способны на компромисс, и само это слово, полное в западном мире великого творческого и миротворческого значения, на русском языке носит на себе печать мелкой подлости".

Мысль эта кажется мне глубоко верной. Но и русское недоверие к уступкам выросло из горького исторического опыта. Мы потерпели слишком большой урон от компромиссов. Готовность к постоянным соглашениям с властями приводила и приводит уже не только к уступкам, но и к нравственным проступкам.

Эмиграция стала выходом тоже половинчатым, спасением тоже половинчатым для считан-

ных. И людей, и рукописей, и картин. А для культурной жизни в нашей стране это потеря за потерей, дыра за дырой.

Двадцать лет назад публикация за границей страшила почти всех. Сегодня там печатаются – по самым приблизительным подсчетам – человек сто, живущих на родине. И несколько сотен хотят, готовы, для себя – накануне решения.

Когда у Василия Гроссмана в 1961 году кагебисты отняли все экземпляры его романа "Жизнь и судьба", он сказал: "Меня удушили в подворотне". Этого сегодня не хочет никто. И этого можно избежать.

Двадцать лет назад еще не было общественного мнения, которое слышал бы наш народ, слышал бы мир. Мы едва тогда начали выбираться из трясины сталинизма.

Потом часто сравнивали: в пятьдесят восьмом году никто еще публично не заступился за великого поэта, всемирно известного. А в 1966 году, восемь лет спустя, сотни людей подняли голоса против расправы над двумя тогда малоизвестными литераторами – Даниэлем и Синявским.

Общественное мнение, – то замирая, то укрепляясь, сегодня существует. В разных городах страны по вечерам миллионы слышат по зарубежному радио: "Состоялся суд на Юрием Орловым... У здания суда были... Письмо протеста подписали... Академик Сахаров заявил... Группа известных литераторов объединилась и создала альманах "Метрополь"...

И немало слушателей спрашивают (пусть еще про себя) "а я?"

Литератор, совершивший сегодня подлый поступок, может увидеть осуждение в глазах соседа по дому. Или на дверях его дачи к доске "здесь злая собака" могут приписать "и беспринципная". Могут осудить собственные дети.

К писателям, изгнанным из Союза, так же, как к Андрею Сахарову, идут ходоки. За справедливостью. Присылают рукописи.

У этой "опальной" славы есть своя изнанка, своя "меновая стоимость", свои престижные соображения, даже своя номенклатура. Но главное все же не это. Она ведь добывается обычно в опасной борьбе, в прорывах общепринятого.

Появился выбор. Как и другие грани свободы, это не только счастье, но и бремя. Далеко не все готовы решать сами свою судьбу. Но выбор существует. И при отсутствии массового террора – это необратимо.

Однако жить по совести сегодня обыкновенному человеку не легче, чем двадцать лет назад. Изменился характер трудностей.

Среди моих друзей и знакомых немало талантливых литераторов. Они, терпя бесконечные мытарства, все же издают свои книги, помогают публикации чужих книг, воспитывают учеников.

Они избегают столкновений с властями. Числятся на хорошем счету, некоторых даже время от времени пускают в туристические поездки за границу.

Они жадно читают произведения самиздата и тамиздата. Подчас в их письменных столах – рукописи. Содержание этих рукописей резко про-

тиворечит тому, что их авторы безропотно выслушивают на собраниях, о чем читают в "Литературной газете".

Сделай они попытку опубликовать эти свои потаенные рукописи, – сломалась бы вся их жизнь, – их самих и их близких.

Такая двойственность тоже искривляет души.

Выводы бесконечно разнообразны. Одни полностью замыкаются в себе, – "башней из слоновой кости" у нас может быть и дача в Переделкине, и удаленные уголки страны, и внешне обычное, а внутренне совершенно отключенное существование. Другие пытаются строго разделить: Богу – богово, кесарю – кесарево.

Знаю, что многих не покидает ощущение стыда, доходящее порою до презрения к себе, даже ненависти. Кое-кто не выдерживает, заболевает.

Двойственность трудно переносима любому человеку. Но литератор своей душою – пишет:

Друзья твердят: все средства хороши,
Чтобы спасти от горя и напасти,
Хоть часть трагедии, хоть часть души.
Но кто сказал, что я делюсь на части?!

Ольга Берггольц

Знаю я и литераторов, которые не хотят, не могут больше лгать, не могут терпеть безмолвно ложь чужую. Их называют диссидентами. Их изгоняют из Союза писателей, а часть молодых, еще не успевших вступить, теперь и не хочет вступать.

Их совесть чиста. Живется им очень трудно. Постоянно грозит КГБ, милиция (обвинение в тунеядстве), они подвергаются разным видам травли. Грозят и психиатрические больницы.

Но страшнее всего, пожалуй, не эти внешние виды давления. А действительное отлучение от читателей, порою и от профессиональной среды. Внутреннее ощущение отторгнутости, отщепенства не от прилитературных чиновников, а от тех самых людей, во имя которых – как тебе казалось – и оторвался, и отщепился, и тебя отторгли.

Ссылка в одиночество под силу немногим.

Можно взглянуть и с другой стороны: для современной русской культуры отсутствие книг Владимира Войновича или Георгия Владимова – невосполнимая потеря.

Есть вершинные примеры. Александр Солженицын первым вступил в бой, который длился семь лет, – начиная с открытого письма IV съезду писателей в 1967 году до издания за границей "Архипелага ГУЛаг" в 1974.

Лидия Чуковская еще до того, как ее исключили из Союза писателей, дала себе зарок: никогда не умалчивать о трагедии 37-го года. И зарок этот выполнила. Твердо решила: никаких уступок вне зависимости от обстоятельств. Она сама подробно рассказала об этом в книге "Процесс исключения".

Георгий Владимов первым добровольно вышел из Союза писателей. Поведение Солженицына, Чуковской, Владимова вызывало и вызывает у меня, как и у многих моих товарищей, глубокое восхищение. Нравственное их значение

растет и будет расти. Но следовать их примеру я не могу. Как и большинство окружающих меня людей. Порядочных. Не желающих никуда уезжать. Не хотящих ни лгать, ни приспосабливаться. Но и не умеющих сражаться.

Это не шахматная партия, ходов наперед не рассчитать никому.

Каждый поступок – риск. Рискуешь всем – творчеством, судьбой, порою – и жизнью. И не только своей.

Определить границу, отделяющую необходимый компромисс от постыдного, необыкновенно трудно. Это тем более трудно, что плодотворность компромиссов становится явственной лишь со временем. Должно быть, однозначного ответа на вопрос – как соизмерить потери и культурно нравственные приобретения от уступок – и нет. Нет баланса. Есть единичные решения.

...Пишу и часто с горечью останавливаюсь. Однако, если бы я была в этом полностью и постоянно уверена, – не могла бы написать ни строки. Надежда все теплится: а вдруг и мой опыт, мои раздумья кому-нибудь окажутся полезными?

Впрочем, пишу потому, что пишется. Без поводов.

Снова спрашиваю себя, как же поступать мне, моим друзьям, разделяющим мои мысли и чувства? Тем, кто знает, что у них одна жизнь и они не хотят бросать ее в костер, пусть и самый благородный. Спрашиваю и не нахожу ответа...

1979 г.

Post Scriptum 1985 года.

Статья пролежала у меня сначала дома в ящике стола, а потом перекочевала на чужбину. Я ее откладывала, мне казалось, – и не зря, что нет завершения. Его и нет.

Еще из вспомнившихся диалогов шестидесятых годов:

– Грэм Грин запретил после процесса Синявского-Даниэля публиковать в СССР свои книги. И поручил все причитающиеся ему гонорары передать семьям арестованных.

– Какой молодец! Но вот что худо: теперь все его рукописи полетят из планов, а мы только что пробили...

– Джон Чивер отказался подписать письмо протеста против осуждения Синявского и Даниэля.

– Слава Богу! Значит, сборник его рассказов выйдет в свет. (Спохватываясь.) Стыдно то, что я говорю. Но что же нам делать?

Не знала тогда. Не знаю и теперь. У меня нет однозначного ответа. И нет советов тем, перед кем сегодня те же проблемы.

Изданы впервые после революции мемуары Фета. Изданы "Жития святых", издана "Антология сонетов", издана книга Музиля "Человек без свойств". Опубликована почти вся проза Марины Цветаевой. Расширяются горизонты культуры. И назад, в прошлое. И по "горизонтали", сквозь границы, на Восток и на Запад.

Многие названные книги изданы с потерями, многие с предисловиями, где есть оговорки, похожие на мои тогдашние.

Что лучше: вовсе не издавать? Или издавать так?

Я не дождусь ответов. Быть может, кому-нибудь поможет опыт. Путь.

НОВЫЙ ПОРЯДОК *

Невольно возникает вопрос: почему люди терпели? Почему не восстали, чтобы прекратить это страшное нечеловеческое положение, заставить вернуть себе отобранное продовольствие?

Они восставали. Грабили магазины и склады, убивали своих мучителей. Но восстания эти были без надежды на победу. Главными участниками всех выступлений были женщины. Не потому, что мужчины трусливее, а потому, что бунтовавшие знали, что они беспомощны и беззащитны, знали, что поражение и наказание неизбежны и рассчитывали только на снисхождение будущих победителей. Снисхождения не было. Эти бунты без надежды было нетрудно подавить.

Осенью и зимой 1932–33 года государство уже не боялось сельского населения. Оно лишь демонстрировало ему свою абсолютную силу, требовало беспрекословного подчинения.

---

* Глава из книги о потерях населения в годы коллективизации ("Colletctivization and Population Losses in Ukraine and the USSR"), готовящейся к печати.

В это время принимаются принципиально новые решения, которые в течение долгого времени были основой советской системы сельскохозяйственного производства. Правительство формулирует новые правила игры. Смысл их сводился к следующему. Государство берет на себя монопольное право распоряжаться всей продукцией сельского хозяйства, орудиями и средствами производства, организацией работ. Не существует никаких обязательств государства перед сельским жителем.

Долг крестьянина – хорошо работать, беспрекословно подчиняться всем распоряжениям и постановлениям власти. В этом случае он не будет наказан. При хорошем урожае и честном отношении к труду сельское население получит свою долю – то, что останется после сдачи государству и создания фондов и резервов. При плохой работе оно ничего не получит и будет наказано самым жестоким образом, в частности, полным изъятием продовольствия, депортацией в другие районы страны, арестом и тюрьмой.

Поставленный на колени голодом сельский житель принял все пункты нового устава почти без сопротивления. При описании событий тех лет советские исследователи больше не сообщают нам о поджогах, убийствах, бунтах, которыми были так богаты конец 20-х – начало 30-х годов. У сельского жителя остался лишь один единственный недостаток – он не умел хорошо работать в колхозе. Но от этого порока его быстро и успешно отучали.

Разоблачение вредителей, расхитителей, скрытых кулаков и агентов империализма продолжалось еще десятки лет. Но эти разоблачения не ставили себе целью подавить сопротивление. Это были лишь учебные примеры, наглядная агитация, чего не следует делать: воровать, обманывать государство, не выполнять распоряжений. На этих примерах была воспитана когорта исполнительных чиновников, ставших проводниками самых бессмысленных и бесполезных решений центральной власти.

Для того, чтобы лучше понять глубину происшедших перемен, следует сопоставить постановления правительства 1933 года с аналогичными документами предшествующих лет. Возьмем постановление ЦИК о расширенном яровом севе весной 1928 года.

> "Крестьяне и крестьянки должны отдавать себе ясный отчет в значении текущей весенней посевной кампании. Успешное проведение этой кампании означает серьезный вклад в социалистическое хозяйственное строительство. Успешная весенняя яровая кампания – это одновременно означает успешное, более полное снабжение деревни необходимыми промышленными изделиями". [1]

"Крестьяне и крестьянки..." такого прямого человеческого обращения сельский житель больше не удостаивается. В 1933 году постановления

направляются либо к руководителям ведомств, либо вообще не имеют прямого адресата, исполнители не посмеют сделать вид, что это к ним не относится.

1933 год

"Центральный исполнительный комитет Союза ССР обязывает все исполнительные комитеты, советы и земельные органы, МТС и колхозы немедленно включиться в работу по подготовке к севу..."

1928 год

"Со своей стороны, каждый крестьянин и каждая крестьянка должны всемерно стремиться к тому, чтобы улучшать свое хозяйство, развивать его производительность с помощью и под руководством советской власти. Вспомните, сколько крестьяне выгадали, заменив старую трехпольную систему многопольной. Посмотрите, наскольно больше вам земля стала давать после того, как вы стали ее обрабатывать хорошим плугом, машинами, в том числе тракторами".

1933 год

"Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) ставят главной задачей весенней посевной кампании... уничтожение сорняков, полную засыпку семян, недопущение малейшего опоздания к севу и полное выполнение посевного плана,

сокращение сроков сева и действительное улучшение качества обработки земли... Провести сплошную очистку полей от сорняков путем их сжигания и другими методами, предоставить райисполкомам право мобилизации крестьянского населения в порядке трудовой повинности..."

1928 год

"...сколько крестьянских сил и крестьянского времени вы сэкономили там, где стали обрабатывать землю сообща, где ввели общественные, коллективные формы землепользования. Переход на более высокий уровень производства не под силу единоличным хозяйствам – у них сплошь и рядом нет для этого ни достаточных средств, ни необходимых навыков. Наиболее верный путь к поднятию сельского хозяйства – путь Ленина, путь объединения маломощных и середняцких хозяйств, создание товариществ, артелей, коммун и коллективов для совместной обработки земли, для общественного труда".

1933 год

"Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) указывают, что без установления твердой трудовой дисциплины в колхозах невозможно успешное проведение весеннего сева; в связи с этим невыход на работу и злостно-небреж-

отношение к работе в поле со стороны отдельных колхозников должны караться без всякого снисхождения вплоть до исключения из колхоза.

Совет народных комиссаров и Центральный комитет ВКП(б) предупреждают партийные и советские организации... что их первейшей обязанностью является сломить всякое проявление кулацкого саботажа и вредительства, которые еще могут повториться в ряде районов во время сбора семян или во время сева, причем всякое снисхождение к врагам народа, саботирующим сев, будет рассматриваться как помощь с их стороны кулаку и контрреволюционному вредителю.

Совет народных комиссаров и Центральный комитет ВКП(б) обязывают местные органы власти рассматривать уличенных в краже семян из амбаров и сеялок или во вредительском уменьшении норм высева и вредительской работе при пахоте и севе, рассчитанной на порчу полей и срыв урожая, — как расхитителей колхозной и государственной собственности и применять к ним декрет от 7 августа 1932 года об охране общественной собственности, не допуская снисхождения". [1, 2]

Эти документы настолько разнятся между собой, что кажется, будто между ними прошли века, а не какие-то четыре года. В одном крестья-

нам объясняют, как хорошо и полезно было бы расширить посевную площадь, в другом советским местным руководителям напоминают, что каждый крестьянин, пока еще сохраняющий право пользования **государственной** землей, обязан... должен... необходимо его контролировать и в случае чего примерно наказать вплоть до лишения земли и выселения или даже расстрела.

Но главные изменения произошли не в организации производства, а в способах и размерах распределения продукции. До 1928 года сельское население платило денежный налог примерно равный 10% их чистого дохода, 2–3% от валовой стоимости продукции.[3] Долю изымаемого налога можно примерно оценить по размерам последнего натурального налога, в 1923/24 г. – 81,6 млн центнеров зерна (в пересчете на зерно всех других продуктов). [4] Это составило 14,4% от валового сбора.

В 1933 году публикуется постановление, что государство забирает себе свыше половины валового сбора зерна. Это постановление содержит почти все основные принципы, которые использовались в советском сельском хозяйстве в последующие 25 лет. Обязательные поставки государству, не зависящие от размера урожая и засеянной площади (налогом облагается площадь, которую приказано засеять). Размер поставок близок к половине валового сбора для колхозов, не обслуживаемых МТС (средняя урожайность в 1933–36 гг. составляла около 6,6 центнеров с гектара). [5] К налоговой ставке 2,5–3 центнера

с га надо прибавить гарнцевый сбор, скидку за качество зерна, налог с невспаханных и погибших земель. Колхозы, обслуживаемые МТС, и единоличники сдают еще более высокую долю урожая.

Цены на зерно остаются фиксированными. Практически это означает бесплатную сдачу зерна государству, так как уже в 1933–35 гг. заготовительные цены были в десятки раз ниже фактических (рыночных). За качество и доставку зерна отвечают колхозы. Невыполнение плана строго карается.

На колхозы накладывается штраф "в размере рыночной стоимости недовыполненной части обязательства и сверх того к этим колхозам предъявляется требование о досрочном выполнении всего годового обязательства, подлежащего взысканию в бесспорном порядке... Единоличные хозяйства, не выполнившие своих обязательств по сдаче зерна государству к установленному настоящим постановлением сроку, привлекаются к судебной ответственности..." [6]

Таким образом государство обеспечивало себе большую часть урожая без всяких встречных обязательств, кроме наказания невыполнивших план.

Принципиальное отличие новой системы от старой неоднократно подчеркивалось в дальнейшем:

> "В отличие от прежних лет мы имеем в этом году не хлебозаготовки старого типа, проводившиеся на основе не вполне определенных контрактационных договоров с

крестьянством, а зернопоставки, основанные на твердом и непререкаемом законе, обязательном к выполнению всеми колхозами и единоличниками. Это значит, что никакое уклонение от обязательств от сдачи зерна в срок не должно быть допущено ни под каким видом". [7]

В первый момент правительство упустило вопрос о собственной земле колхозников, но еще до первого урожая успело исправиться:

"Распространить закон об обязательной зернопоставке на колхозников, посеявших зерновые культуры на приусадебных землях, из расчета фактического посева на 5% ниже нормы единоличников и на 5% выше нормы колхозов". [8]

Претендуя примерно на половину урожая при среднем валовом сборе государство, однако, не забыло распорядиться, что делать с оставшимся зерном:

"...обеспечивается право самих колхозников свободно распоряжаться остатками хлеба в колхозах *после* выполнения колхозом своих обязательств перед государством и *после* засыпки обязательных фондов – семенных, страховых, фуражных... Совет народных комиссаров и ЦК ВКП(б) разъясняют, что если сами колхозы пожелают, они имеют право постановлением общего

собрания с участием не менее 2/3 колхозников создавать и другие фонды в колхозах, как-то фонд на увеличение неделимых капиталов в колхозах, а также фонд для оказания помощи инвалидам, семьям красноармейцев, на содержание детских яслей".[9]

Таким образом устанавливалась четкая иерархия потребителей зерна: государство – примерно 40–60% урожая, земля – 15–20%, скот, принадлежащий колхозу – 10–15%, сельское население – 20–25%, фонд помощи и иные общественные расходы – 1–2,5%.[10] Вопрос, достаточно ли колхознику и его домашним животным четверти или пятой части урожая, обсуждению не подлежал. Опыт 1933 года показал, что "более чем достаточно".

Вскоре одно за другим следуют решения и постановления, регулирующие все остальные аспекты сельскохозяйственного производства. Как выращивать картошку, свеклу, хлопок, лен и т. д., как распределять урожаи каждой из этих культур.

Принципиально важным были, однако, два вопроса: как проследить, чтобы крестьяне действительно работали, а не пытались обмануть государство, воруя его продукты и что есть сельскому населению.

Товарища Сталина в этот период очень волнует нравственно-экономическая проблема, ему кажется, что все дело теперь за честностью. Принимая делегацию колхозников Днепропетровской

области, он им объяснил: "...главное теперь работать в колхозах честно. Если все колхозы будут работать честно, то они завалят продуктами и товарами наши города". [11]

Но ни ученикам, ни учителям освоить эту премудрость так и не удалось, поэтому для наблюдения за работающими были образованы политотделы.

Политотделы

Политотделы были специальной системой контроля за сельскими жителями и местным руководством. Они создавались при МТС и совхозах и охватывали практически всю страну. Они должны были контролировать абсолютно точное соблюдение правительственных распоряжений. Начальники политотделов подбирались уже не из рабочих с производственным стажем, их время прошло, а из офицерских кадров и партийной верхушки. Заместителями были уполномоченные ОГПУ. (25% начальников политотделов Северного Кавказа служили в армии комиссарами корпусов, начподивами и военкомами.) [12]

На Украине было создано 846 политотделов, в которых работало 4 500 коммунистов. Начальники политотделов проходили специальную комиссию ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У. Создавался новый сильный аппарат специального назначения.

Обвинения в саботаже, вредительстве, аресты и изгнание из колхозов были главным оружием, помогавшим политотделам установить суровую

дисциплину. По данным политотделов 24 областей за 1933 год были сняты с работы как вредители 30% агрономов, 47,3% счетоводов, 23,7% учетчиков, 24,4 % конюхов, 13% трактористов. Врагами колхозного строя было объявлено 25–33% председателей колхозов Казахстана, Нижней Волги, Северного Кавказа. [13]

В Одесской области политотделы сменили 49,2% председателей колхозов, 44,3% завхозов, 32,2% бригадиров. Еще более интенсивные перемены были проведены в Донбассе. [14]

Из колхозов были выброшены сотни тысяч человек. "И лишь немногие, – констатирует нарком земледелия Яковлев, – были действительно неисправимыми". [15] В отличие от 1929–1932 гг. исключенным не возвращалась земля и орудия производства. В лучшем случае они оставались на свободе.

Только в 24 совхозах Украины политотделы разоблачили 564 кулака и 644 активных петлюровца, то есть в среднем по 50 человек на совхоз при средней численности персонала около 400 человек. [16]

Важной особенностью политотделов была строгая централизация. Они подчинялись не местному руководству, а прямо Москве. Странно и нелепо видеть в документах Смоленского архива рапорты, посылаемые в Кремль (копия – в обком Западной области) о том, что к трактору Форзон нужна шестеренка, сын лишенца в далекой деревушке выражал сомнения в мудрости последних распоряжений, кто и какие заметки написал в стенгазету и т. п. [17]

Этот централизованный контроль поставил под пристальный надзор и сам местный партийный аппарат. Эта внешняя сила продемонстрировала местным руководителям, что и они не всесильны, что без них могут обойтись и тут же снимут при неподчинении и невыполнении распоряжений. Практически руководители политотделов должны были сразу начать отыскивать недостатки в работе партийного и государственного аппарата, иначе на них самих ложилась ответственность за невыполнение плана. Доносы на районных руководителей, директоров совхозов и МТС стали их средством самозащиты.

"Политотделы, – писал С. Киров, – были свежей струей в деревне, которая оживила и растормошила работу и секретарей райкомов, и председателей райисполкомов, и директоров совхозов и МТС". [18]

Но и в политотделах, несмотря на специальный отбор, нередко оказывались люди, заинтересованные в укреплении экономики, сочувствующие колхозникам. Так, глава политотделов Криницкий на Пленуме ЦК 28.12 1933 года сообщил, что в 15 политотделах Харьковской области засели вредители, которые, скрывая хороший урожай, добивались, чтобы их колхозы были признаны неурожайными.[19] Антигосударственные тенденции открылись у начальников политотделов и в Днепропетровской, и в Винницкой области, где они преувеличивали посевные фонды в колхозах. И вот уже начальников политотделов вычищают из партии и называют, если не кулаками, то подкулачниками.

Но такие действия были скорее исключением, чем правилом. В целом политотделы оправдали надежды высшего руководства, обеспечивая контроль на всех уровнях, беспрекословное выполнение распоряжений, расстановку кадров.

Как сильная внешняя власть политотделы во многих местах действительно навели порядок и улучшили организацию работ. Но главное, они показали сельскому жителю, включая и сельского администратора, что он находится под жестким государственным контролем.

Появление политотделов совпало с внутренней капитуляцией деревни. Ей была дана возможность убедиться, что сопротивление бесполезно, она уже чувствовала, что возврата к старым порядкам не будет, она побывала на краю полного уничтожения. Сельскому жителю больше всего хотелось в этот момент хоть как-то устроить свою жизнь. Пусть не как прежде, но хоть каким-нибудь образом. Политотделы оказались тем аппаратом, который принял эту капитуляцию. Это положение хорошо выразил один сельский житель, письмо которого любят цитировать советские авторы:

> "Мы те же люди, что и раньше были. Только порядка у нас не было. Пришел политотдел, показал каждому заслуженное место, навел порядок, и тогда мы сами почувствовали свою силу".[20]

Действительно, где уж было сельскому дурачку разобраться, на что он способен,чем ему следует заниматься. Его надо было "прощу-

пать", припугнуть, и он сам же после этого очень благодарен. Этот сталинский политотдел, пришедший на смену ленинской кухарке, умудрявшейся управлять государством, очень знаменателен.

Через два года от политотделов решено было отказаться, так как возникали трения между ними и местными партийными организациями. Начальники политотделов были награждены орденами и переведены на руководящую работу, главным образом – секретарями райкомов.

Устав сельскохозяйственной артели

Вопрос, что же есть крестьянину, после столь решительного перераспределения продуктов, правительство в первое время совершенно не интересовал. Увлекаясь нормированием и кодификацией всех без исключения сторон сельскохозяйственной жизни, выпуская сотни постановлений и предписаний, в которых регламентировалось все (нормы вывоза удобрений, глубина боронования, распределение соломы, правила откорма свиней, фуражные выдачи лошадям и т. д. и т. п.), руководство ни разу не обмолвилось, какой минимальный уровень продуктового снабжения полагается сельскому населению. Кроме общих соображений, что крестьянина следует кормить в последнюю очередь, после того как будут созданы все фонды, никаких указаний на эту тему дано не было. Вероятно предполагалось, что взяв фиксированную долю урожая и распределив еще 30% по разным фондам, государство предостав-

ляет крестьянину широкую возможность для поднятия производительности труда. Увеличив урожайность, он сможет получить зерно в свое распоряжение. Была предложена и другая возможность – расширение площадей. С площади, запаханной сверх плана, налоги вообще не брались.[21] Обе идеи опирались на излюбленный конек Сталина в тот период – материальную заинтересованность.

Однако обе идеи не привели к желаемым результатам. Дело в том, что в созданной системе крестьянин был уже лишен возможности оказывать влияние на колхозное производство. Все попытки создать непосредственно работающие маленькие коллективы (бригады, звенья) упирались в централизованную систему руководства. Интересы же колхозного и райкомовского начальства были иными. Здесь наиболее важным аспектом являлось выполнение существующего плана, будь то посев озимых, внедрение травополья или что-либо другое. Поэтому урожайность практически всех культур оказалась в колхозах ниже, чем до революции или в доколхозный период.

Решение продовольственной проблемы в селе произошло сначала стихийным образом, а затем получило и соответствующее теоретическое обобщение. Формулируя свои требования к колхозам, государство в первый момент не учитывало, что незначительное количество земли на приусадебных участках еще находится в личном распоряжении колхозников. Потом эта ошибка

была исправлена. Однако налогами были обложены лишь посевы зерновых, и некоторое время колхозники на приусадебных участках могли выращивать овощи и картошку почти беспрепятственно.

Второй точкой опоры оказаля скот. Государство обложило поставками мяса каждый двор, колхозный – в размере от 15 до 32 кг в зависимости от района и наличия в колхозе животноводческой фермы, единоличный – от 45 до 50 кг. [22] Но из этого факта следовало право семьи иметь домашних животных. Более того, она даже обязана была это делать. Продукты животноводства стали существенным подспорьем сельской семье, реализуемые в городе на рынке и потребляемые дома. В этом случае принцип материальной заинтересованности сработал успешно. Государство облагало налогом хозяйство, но продуктами сверх налога можно было пользоваться самому крестьянину. Он знал, что из двух выращенных свиней одна будет его, и это, несмотря на отсутствие кормов, стимулировало развитие животноводства.

Продукты с приусадебного участка и домашний скот позволили сельскому жителю существовать. На этом промежуточном, никем раньше не предусмотренном этапе система неожиданно застыла. Преобразования закончили. Отдельные мероприятия последующих лет вносили лишь некоторые коррективы, расставляя там или здесь ударения. (Увеличивались налоги, переселялись жители хуторов и далеких поселков, сокраща-

лась площадь приусадебных участков, но все это были уточнения в сложившемся и работающем механизме.)

Под этот странный симбиоз колхозного производства и личного приусадебного хозяйства была подведена товарищем Сталиным и соответствующая теоретическая база.

> "Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, крупное и решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд, и есть наряду с этим небольшое личное хозяйство, необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника. Коль скоро имеются семьи, дети, личные потребности и личные вкусы, то с этим нельзя не считаться...
>
> Сочетание личных интересов колхозников с общественными интересами колхозов — вот где ключ укрепления колхозов".[23]

Устав сельскохозяйственной артели, принятый 17 февраля 1935 года сформулировал и четко разделили эти две сферы интересов крестьянина и государства. [24] За крестьянином оставались приусадебный участок размером 0,25--0,5 га, в некоторых районах до 1 га, скот: корова и две головы молодняка, свиноматка с приплодом, до 10 овец и коз, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев. В его распоряжении оставался дом, хозяйственные постройки для скота и мелкий инвентарь. В отдельных районах

в эти нормы были внесены изменения. К продуктам, получаемым на приусадебном участке, артель никакого отношения не имеет, и колхозник сам рассчитывается за них перед государством, уплачивая налоги.

В завуалированном виде государство признает минимальный размер выдачи зерна колхозникам. В уставе указано, что после начала молотьбы хлебов из урожая, отчисляемого на внутриколхозные нужды, выдаются натуральные авансы – 10–15% намолоченного хлеба. Так как практика отбирания авансов обратно использовалась только в 1932 году, можно считать, что государство признает за производителем право на десятую часть урожая Это, конечно, меньше, чем 9/10, которые крестьянин имел в прежние времена, но все-таки определенная доля. (Обещание 10–15% фактически обмолоченного хлеба содержалось уже в постановлении об уборочной кампании 1932 года.[25] Однако тогда на Украине оно привело к печальным результатам. Было приказано отобрать обратно выданное – "разбазаренное" зерно, и в домах у колхозников так же, как и у единоличников, проводились обыски.)

Важной особенностью нового устава был пункт о земле. "Земля, занимаемая артелью (как и всякая другая земля в СССР), есть общенародная собственность. Она согласно законам рабоче-крестьянского государства закрепляется за артелью в бессрочное пользование, то есть навечно, и не подлежит ни купле-продаже, ни сдаче артелью в аренду".

Совсем недавно земля была навечно закреплена за крестьянами. Как могло государство вечную собственность одного владельца передать другому, не совсем ясно.

Также из устава артели неясно, что стало с Правом трудящихся на землю, которое гарантировалось "всем желающим обрабатывать землю своим трудом, гражданам СССР без различия пола, вероисповедания, национальности". Все они могли получить землю в трудовое пользование (включая и иностранцев) "без установления наперед определенного срока", и лишить их этого права никто не мог. Потерять землю эти трудящиеся могли лишь в нескольких оговоренных законом случаях.[26]

Согласно уставу, колхозник обязан работать в артели добросовестно, аккуратно выполняя все обязанности и распоряжения и соблюдая дисциплину труда.

За плохую работу колхознику грозят самые разнообразные наказания, а за хорошую – записываются трудодни. По этим трудодням он может получить некоторую часть доходов артели, если таковые окажутся.

Распределение доходов перечисляется в уставе дважды: для урожая и продуктов животноводства и для денежных поступлений. Оба раза указывается, что члены артели получают все оставшиеся после выполнения обязанностей перед государством – создания фондов семян, фуража, страхового фонда (для животноводства, конечно, не для колхозников), помощи инвалидам, сиротам

и семьям красноармейцев, расходов на борьбу с вредителями, покупку средств производства, страховых взносов, уплаты административных расходов, затрат на культурные нужды и подготовку кадров, пополнения неделимых фондов в размере 10–20% денежных доходов. Все, что останется после этих расходов и затрат, принадлежит колхозникам и делится между ними пропорционально заработанным трудодням.

Как член артели колхозник должен выполнять все предписания государства:

> "Артель обязуется вести свое коллективное хозяйство по плану, точно соблюдая установленные органами рабоче-крестьянского правительства планы сельскохозяйственного производства и обязательства артели перед государством.
>
> Артель принимает к точному исполнению: планы сева, подъема паров, междурядной обработки, уборки, молотьбы и зяблевой пахоты, составляемые с учетом состояния и особенностей колхозов, а также государственный план развития животноводства".

Слово "план" повторяется два раза в одном предложении не случайно. План стал символом веры того времени, наряду с соцсоревнованием и материальной заинтересованностью или даже больше их.

"Партия выдвинула новое мощное орудие в деле подъема животноводства – государствен-

ный план", – записал в своем постановлении VII съезд Советов 6 февраля 1935 года.[27] И хотя ни один план по сельскому хозяйству ни разу не был выполнен, и, в действительности, порой происходило прямо противоположное намеченному – это ни в коей степени не дискредитировало саму волшебную идею. Новые планы с маниакальным упорством становились на место старых, чтобы вновь доказать свою нереальность. Будущие достижения кружили голову и помогали мириться с настоящим. В этом действительно была могущественная сила составляемых планов.

Период коллективизации принятием устава сельскохозяйственной артели был завершен и оформлен. С небольшими модификациями сложившаяся система просуществовала вплоть до реорганизаций Н. Хрущева в середине 50-х годов.

Единоличники

Проблема единоличников была решена государством простым способом. Им было отказано в праве на существование. Сделано это было с помощью налогообложения, внутри которого единоличник занял место исчезнувшего кулака. Налог на хозяйство единоличника устанавливался отдельно местными Советами практически произвольно. Уже в 1934 году налоги в два или три раза превысили доходы единоличника. Норма сдачи зерна для него в августе 1934 года на 50% превышала норму для колхозов, не обслуживаемых МТС.[28] Для Украины это означало 4,5 цен-

тнера с га засеянной площади, если прибавить расходы на семена (около 1,3 центнера с га), то окажется, что при среднем урожае 1933–36 гг. в 6,6 центнеров с га на долю единоличника оставалось 0,8 центнеров с га. Однако он также должен был заплатить так называемое самообложение, равное по объему сельскохозяйственному налогу. Кроме того, в 1932 году был введен единовременный налог на единоличников, ставки которого были дифференцированы от нескольких десятков рублей до 175% сельскохозяйственного налога (для кулаков – 200%).[29] Этим налогообложение единоличника не исчерпывалось, но и этого было достаточно для полного разорения. Специальным постановлением правительство отменяет все ограничения, которые прежде существовали на конфискуемое у крестьян имущество:

> "При невыполнении в срок единоличными хозяйствами государственных обязательных натуральных поставок и неуплате денежных платежей взыскание обращается на все имущество единоличных хозяйств за исключением лишь дома, топлива, необходимого для отопления жилых помещений, носильного зимнего и летнего платья, обуви, белья и других предметов домашнего обихода, необходимых для недоимщика и лиц, состоящих на его иждивении". [30]

Чтобы понять, что имелось в виду, следует привести ограничения, имевшиеся прежде и отменявшиеся этим постановлением.

"Взыскание не может быть обращено на следующее имущество частных предприятий и лиц (кроме кулацких хозяйств и лиц, облагаемых подоходным налогом по расписанию №3):

а) на сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь в количестве, необходимом для ведения сельского хозяйства;

б) на жилые и хозяйственные постройки, составляющие неотъемлемую принадлежность сельского хозяйства;

в) на продовольственные продукты лиц, занимающихся сельским хозяйством в количестве, необходимом для недоимщика и его иждивенцев до нового урожая;

г) на семена в количестве, необходимом для посевов в текущем хозяйственном году, а в скотоводческих хозяйствах – на скот в количестве, необходимом для сохранения хозяйства;

д) на корм скоту в количестве, необходимом до сбора новых кормов;

е) на неснятый урожай;

ж) на оборудование производства, инструменты, пособия и книги, необходимые для профессиональных занятий недоимщиков, работающих без наемного труда или имеющих не более 3 наемных рабочих;

з) на сырье и топливо, необходимое для работы предприятий в течение 3 месяцев;

и) на необходимое для недоимщика и лиц, состоящих на его иждивении, носильное зимнее и летнее платье, белье, обувь и другие необходимые предметы домашнего обихода;

к) на запас топлива, необходимый для отопления жилых помещений;

л) на певые взносы членов кооперативных организаций;

м) на причитающееся недоимщику страховое вознаграждение по обязательному страхованию". [31]

Таким образом, единоличник был обложен налогами, непосильными ни при каких обстоятельствах, и было решено конфисковать за невыполнение налогов его хозяйство и все продовольственные запасы, все кроме одежды.

Судьба единоличников после этого сложилась по-разному. Одни вступили в колхозы, не дожидаясь конфискации имущества, другие – после того, как их дом и вещи были распроданы; третьи бежали в город или устроились на работу в государственные предприятия (совхозы, железную дорогу и т. п.), четвертые были арестованы. Так или иначе, сельскохозяйственное производство единоличниками было прекращено в течение 2–3 лет в европейской части страны и несколько позже – в азиатских районах.

Следует отметить, что завершение коллективизации было некоторым рубежом не только для сельского населения, но и для партийного руководства. Увидев, что победа достигнута и крестьяне больше не оказывают сопротивления, товарищ Сталин простил сельских жителей. Были сняты в ряде случаев недоимки по зернопоставкам и взыскание ссуд распределено на три года. [32]

Было решено прекратить массовые произвольные аресты кем угодно и кого угодно. Право ареста становится привилегией ОГПУ и милиции, причем и над ними вводится прокурорский надзор. Резко ограничиваются депортации. Численность заключенных в тюрьмах уменьшается в два раза с 800 до 400 тысяч, причем для каждого места заключения вводятся предельные нормы числа содержащихся там под стражей, выше которых начальники тюрем не должны принимать арестованных. Предписывается "обязательно обеспечить арестованных хлебным пайком".

Контрольным комиссиям поручается проверять контингенты арестуемых и переселяемых, чтобы в их число попадали только активные противники колхозов и организаторы отказа от сева и заготовок. Они должны были следить за организацией транспорта и снабжения высылаемых, медицинским состоянием мест заключения (бороться с сыпным тифом) и т. д. [33]

Даже "важнейший" закон от 7 августа, "основа революционной законности" подвергнут КК

ВКП(б) некоторой косвенной критике. Он оказывается "применялся довольно часто неправильно". Закон перестает постоянно упоминаться в правительственных постановлениях и число наказанных по этой статье снижается в десятки раз.[34]

Общий смысл принятых решений сводился к переходу от массовых репрессий против всего сельского населения к подавлению лишь активно сопротивляющихся противников. Это означало, что власть больше не считает себя в состоянии гражданской войны с селом и согласна вернуться к законным с точки зрения государства формам репрессий.

Значительное число колхозников было выпущено из тюрем.

> "Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:
>
> 1. Снять судимость с колхозников, осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 5 лет либо к иным более мягким мерам наказания и отбывших данное им наказание или досрочно освобожденных до издания настоящего постановления, если они в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах, хотя бы они в момент совершения преступления были единоличниками.
>
> 2. Действие этого постановления не распространяется:
>
> а) на осужденных за контрреволюцион-

ные преступления и особо опасные преступления против порядка управления;

б) на осужденных по всем преступлениям на сроки свыше 5 лет лишения свободы;

в) на рецидивистов;

г) на лиц, осужденных за злостное и ситематическое невыполнение обязательств по поставкам сельскохозяйственных продуктов (зернопоставки, мясо и молокопоставки и др.) [35]

А в секретной инструкции, описывающей это же решение ЦК и СНК, говорилось:

"Теперь задача состоит в том, чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и помочь им войти в колхоз, где только и могут они уберечь себя от опасности обнищания и голода".

Еще более образно ту же мысль Сталин высказывал в беседе с иностранными делегациями:

"Что оставалось крестьянам: либо лечь помирать, либо перейти к новой форме землепользования и машинному способу обработки земли. Понятно, что крестьяне ухватились за предложения Советского правительства, стали объединять свои мелкие земельные клочки в большие поля,

приняли тракторы и другие машины и вышли таким образом на широкую дорогу укрупнения сельского хозяйства". [36]

Здесь опущено только одно, каким способом удалось поставить сельское население перед столь замечательной альтернативой: "обнищание", голодная смерть или "укрупнение", – и во что это ему обошлось.

И будете есть хлеб свой из рук моих...

Всемирно-историческая победа колхозного строя в 1933 году, как уже отмечалось, не привела к росту производства. Продуктов в стране стало меньше. Падение производства произошло, несмотря на огромные затраты государства. В МТС числилось в 1939 году 142,2 тысячи комбайнов, в то время как в США их было 75 тысяч, а в Англии, Франции и Германии вместе взятых – 180 комбайнов, то есть как в одном районе Украины. [37]

Однако по урожайности зерновых СССР и Украина уступали и США, и европейским странам в несколько раз. Средняя урожайность зерна в 1931–35 гг. составила 6,9 центнеров с га, в Германии же – около 20 центнеров с га, в Польше – 11,8, в Канаде и США – около 10 центнеров с га.[38] Уступали колхозные поля и дореволюционному времени и мирному доколхозному. (За девять лет с 1922 по 1930 год урожайность составила 7,7 центнеров с га.) [39]

Казалось, что советское государство своими огромными затратами на технику стремится доказать одну из аксиом марксизма, что существенны не только и не столько производительные силы, сколько производственные отношения, или, иными словами, рабский труд во всех случаях непроизводителен.

Сотни миллионов рублей в виде машин, внедрение агротехнических мероприятий, единые большие поля, сортовые семена – одной десятой доли этих средств было достаточно, чтобы поднять урожайность в несколько раз. Об этом свидетельствует опыт всего мира, в том числе и рациональных дореволюционных хозяйств. Но в колхозной системе эти фантастические усилия лишь позволяли удерживать хозяйство на прежнем уровне.

Марксизм же дал описание аналогов советской системы в древнем мире, назвав их азиатским способом производства. В этом случае все орудия труда, включая землю и человека, принадлежат единой центральной системе. Наиболее важным элементом в ней является контроль верховной власти над потреблением хлеба.

Когда чешскому исследователю попали в руки глиняные таблички с текстами на хетском языке, он расшифровал их, не зная ни одной буквы и не имея параллельных текстов. Его осенила гениальная догадка, что первой фразой в царском повелении жителям города должно быть: "Хлеб ешьте, а воду пейте". Милостивое разрешение на употребление пищевых продуктов, а также напоминание, что без позволения

верховной власти, являющейся единственным собственником, употреблять зерно в пищу нельзя. Это не анекдот, а исторический факт, характеризующий дух отношений в некоторых общественных системах.

Сталину удалось воссоздать подобный строй в XX веке. Получив монопольное право указывать, кому сколько есть, кому что делать, он лишь восстановил одну из самых древних восточных моделей. И победив, он разрешил крестьянам есть. Не очень много, но больше, чем они имели во время страшной войны. При этом они только не должны были забывать, кто дал им этот хлеб, кому они обязаны своей "счастливой жизнью". А то, что жизнь замечательная и необычайно счастливая, доказывалось самым надежным в мире способом: все с этим несогласные, и все, могущие оказаться таковыми, исчезали навсегда.

Заключение соглашения между правительством и крестьянским населением (партия приказывает, село подчиняется) не решило полностью проблем производства и потребления. Для получения прежних урожаев зерновых и технических культур на Украине не хватало рабочих рук и конского поголовья. Больше же всего не хватало умения и знаний у взявшего на себя управление бюрократического аппарата. Требуя беспрекословного подчинения, власть отдавала множество нелепых и несоответствующих экономическим принципам распоряжений. Внедрялось травополье по Вильямсу, местные сорта вытеснялись едиными для страны, глубина запаш-

ки и плуг у тракторов не всегда соответствовали мощности гумусового слоя и т. д. и т. п. Но полностью уничтожить сельскохозяйственное производство новой системе не удалось. Зерна, брошенные в землю, становились колосьями, люди выходили на поля, пололи сорняки, собирали урожай. Людей было меньше, они были не так старательны, как когда-то на своем поле, нередко урожай уходил под снег, чего прежде не бывало. И все-таки какой-то валовой сбор был, и какое-то производство продолжалось.

В чем-то оказался прав товарищ Сталин. Жить стало, если не веселее, то спокойнее, определеннее. После 1933 года не было массовых депортаций крестьян. В дома не врывались с обысками активисты. Не то, чтобы сосвем ничего такого не было, но репрессии перестали быть ежедневным случайным произволом кого угодно. Обыскивать и арестовывать мог уполномоченный КГБ, приказы отдавать – председатель колхоза, урожай с приусадебного участка принадлежал самому крестьянину.

И хотя голод многие годы оставался постоянным спутником, он не был столь опустошительным и чудовищным, как в 1932/33 гг. (за исключением 1946–47 годов). Неурожай 1934 года и неважный урожай 1935 года на Украине сохраняли село в полуголодном состоянии аппатии и равнодушия. Жить было тяжело и голодно, но жить было можно. В 1936 году Украина оказалась даже в лучшем положении, чем вся страна, собрав более высокий урожай и, несмотря на

заготовки, получив больше зерна на душу населения. В последующие годы – 1937, 1938 – экономическое положение колхозника было относительно неплохим. Политически власть, правда, не могла оставить его в покое, проводились мероприятия по введению обязательного минимума трудодней, по переселению с хуторов, по сокращению приусадебных участков, но крестьянство подчинялось, и его не слишком сурово наказывали.

Город тем временем не мог похвастать такой стабильностью жизни. Все более и более вводилось прикрепление к рабочему месту, пока, наконец, самовольные переходы с работы на работу не были запрещены. За опоздания и прогулы стали судить и ссылать в лагеря. Цены после отмены карточек выросли почти в десять раз, и зарплата за ними не поспевала. А главное, аресты и репрессии бушевали теперь среди горожан. Это там, оказывается, прятались главные враги и вредители, занимая руководящие посты или работая у станка.

Полного выравнивания советских людей по доходам не произошло, но некоторые аспекты жизни безусловно снивелировались. В стране появился новый человек, принципиально отличающийся от прежнего жителя отношением к труду, взаимоотношением с окружающими, положением в государственной системе. Этот новый советский человек скоро узнал, что он живет при социализме и, даже более того, поверил, что его жизнь несравнимо лучше и счастливее всех других возможных вариантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сборник законов (далее – С. з.), 1928, № 14,118.
2 Там же, 1933, № 4, 10, 26; №6, 38, 41.
3 Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг., М, 1960, 240–245.
4 Яковецкий, В. Н. Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. М, 1964, 210.
5 С. з., 1933, № 5, 35; №4, 25.
6 Там же, 1933, 25.
7 Там же, 1933, № 38, 228.
8 Там же.
9 Там же, 1933, № 54, 315.
10 Колгоспи УРСР в 1938. Киев, 1940, 132–136.
11 Сучасни проблеми, 52.
12 Трапезников, С. П. Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М, 1965, 419.
13 Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. (Под ред. Данилова, В. П.) М, 1963, 58.
14 Історія селянства Укр. РСР. Киев, 1967, 181.
15 Очерки истории, 1963, 58.
16 Народне господарство УССР. Киев, 1935, 174; Соціалістична перебудова и розвиток сільского господарства Украиньской РСР. Киев, 1935, 174.
17 Смоленский архив.
18 Історія селянства, 1967, 184.
19 "Известия", 25.9. 1934.
20 Очерки истории, 1963, 141.
21 С. з., 1933, № 32, 188; № 45, 268.
22 С. з., 1933, № 55, 323; 1934, № 70, 418.
23 Сталин, И. Сочинения, 1928, том 11, 81.
24 Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления коммунистической партии и советского правительства. 1927–35. М, 1957, 531–539.
25 С. з., 1932, № 52, 312.

26 Коллективизация, 1957, 96–98.

27 Там же, 530.

28 С. з., 1934, № 40, 321, 49, 380.

29 Кульчицкий, С. В. Внутренние ресурсы социалистической индустриализации СССР (1926–1937). Киев, 1979, 139; С. з., 1934, № 49, 380; 1932, № 78, 476.

30 С. з., 1934, № 48, 370.

319 Там же, 1932, № 69, 410 б.

32 С. з., 1934, № 12, 72.

33 Письмо председателя ЦКК. Смоленский архив, WKP, 178, 137.

34 С. з., 1934, № 12, 72.

35 Там же, 1935, № 40, 327.

36 Сталин, том 13, 267.

37 Куц, М. Т. Пытання колгоспного буднитства на Украіні. 1929–1941. Львов. 1965, 110.

38 Сельское хозяйство СССР. М, 1960, 196; Народное хозяйство СССР. 1927–72. М, 1972, 218; Социалистическое строительство СССР. М, 1935, 361; Украінський статистични річник. 1936–37, 98.

39 Социалистическое строительство, 1935, 361.

ИОФФЕ *

К брошюре Иоффе "Крах меньшевизма", вышедшей в начале 1917 года в Петрограде, я написал Предисловие. Вот что там, между прочим, говорится: "А. И. Иоффе, автор печатаемого доклада, был делегатом последней меньшевистской конференции. Он не нашел для себя другого выхода, как полный и окончательный разрыв с полулиберальной партией меньшинства. И это несмотря на то, что т. Иоффе, не будучи меньшевиком, в течение ряда лет вел энергичную борьбу за объединение большевиков с меньшевиками.

Вместе с ним (и с нынешним министром труда Скобелевым) мы издавали в Вене, в самую глухую эпоху контрреволюции, русскую социал-демократическую газету "Правда". Одним из лозунгов газеты было объединение обеих основных фракций русской социал-демократии. Это не значит, что мы не видели тогда опасных сторон меньшевизма. Наоборот, мы систематически критиковали приспособленчество, легализм во что бы то ни стало, тяготение к чистому парламентариз-

* Из архива Троцкого. Подготовил к печати Ю. Фельштинский. Публикуется с разрешения Хоутонской библиотеки Гарвардского университета, фонд Trotsky's Archives bMs Russ. 13 T.

му, предсказывая, что при соответственных условиях все это может развернуться в европейский правительственный социализм. Но мы считали, что объединение большевиков с меньшевиками в одной нелегальной организации создало бы могущественное противодействие меньшевистскому оппортунизму и повело бы к быстрой изоляции его правого крыла. Были ли мы правы или нет, сейчас невозможно проверить. Во всяком случае, развитие пошло другими путями. Линии большевизма и меньшевизма расходились все более, а революция, выдвинув на политическую арену широкие мещански-крестьянские массы, окончательно передвинула меньшевизм на непролетарскую базу".

Политическое формирование Иоффе происходило на моих глазах и при моем участии. В Вене он проживал после первой революции в качестве студента медицины и еще больше в качестве пациента. Его нервная система была отягощена тяжелой наследственностью. Несмотря на чрезвычайно внушительную, слишком внушительную для молодого возраста внешность, чрезвычайное спокойствие тона, терпеливую мягкость в разговоре и исключительную вежливость, черты внутренней уравновешенности, – Иоффе был на самом деле невротиком с молодых лет. Он лечился у прославившегося впоследствии "индивидуал-психолога" Альфреда Адлера, вышедшего из школы Зигмунда Фройда, но к тому времени уже порвавшего с учителем и создавшего свою собственную фракцию. С Альфредом

Адлером мы встречались время от времени в семье старого русского революционера Клячко. Первое посвящение, очень, впрочем, суммарное, в тайны психоанализа я получил от этого еретика, ставшего первоучителем новой секты. Но подлинным моим гидом в область тогда еще мало известного широким кругам еретизма был Иоффе. Он был сторонником психоаналитической школы в качестве молодого медика, но в качестве пациента он оказывал ей необходимое сопротивление и в свою психоаналитическую пропаганду вносил поэтому нотку скептицизма.

У Иоффе уже было к этому времени маленькое политическое прошлое, связанное с Крымом, где он родился в богатой купеческой семье, где воспитывался, кажется, в симферопольской гимназии и где завязал первые революционные связи с меньшевиками: в непромышленном Крыму большевиков почти совершенно не было.

В обмен на уроки психоанализа я проповедывал Иоффе теорию перманентной революции и необходимость разрыва с меньшевиками. И в том и в другом я имел успех. В основанной мною в Вене газете "Правда" Иоффе стал вести международное обозрение. Первые его статьи были, насколько вспоминаю, достаточно беспомощны и требовали большой выправки. Иоффе терпеливо и мягко, как все, что он делал, принимал критику, указания и руководство.

Только во взгляде его, как бы рассеянном и в то же время глубоко сосредоточенном , можно было прочесть напряженную и тревожную внутренюю работу.

На собраниях русской колонии Иоффе никогда не выступал. Даже необходимость объясняться с отдельными лицами, в частности, разговаривать по телефону его нервировала, пугала и утомляла. Я тогда совсем не думал, что он станет хорошим оратором и особенно дипломатом с мировым именем. Но несомненно, что именно в те молодые годы в работе над газетной хроникой, где нужно было обзор мировых событий вложить в тесные рамки эмигрантского издания, формировались те навыки мысли и пера, которые под толчком больших событий получили неожиданно широкое развитие.

В тюрьме и ссылке Иоффе много работал над собою. Связь между нами оборвалась в течение долгого времени его пребывания в стенах тюрьмы. После ссылки его в Сибирь связь должна была восстановиться, но наступила война, оборвавшая все и всякие связи. После большого промежутка (7 лет?) я встретился с Иоффе в Петрограде, куда он приехал из родного Крыма с мандатом от местной традиционно меньшевистской организации, хотя сам он был настроен в духе боевого интернационализма. В первый период после Февральской революции размежевание между большевиками и меньшевиками происходило только в столице, да и здесь по крайне неотчетливой линии. В провинции же большевики и меньшевики входили в объединенные организации и оказывали в дальнейшем довольно упорное сопротивление раскольническому курсу Ленина. В Петрограде Иоффе написал нечто

вроде политического отчета для крымской организации, мотивируя свой организационный разрыв с меньшевизмом. Я написал к его брошюре предисловие. Наша политическая связь сразу восстановилась и не прерывалась до самой его смерти.

Я узнал от Иоффе, что он читает лекции и выступает на рабочих собраниях по районам. Это приятно удивило меня: революция справилась с его нервами лучше, чем психоанализ. Но мне долго не пришлось слышать его, и я недостаточно представлял себе, как именно мой старый молчаливый друг выступает на массовых собраниях.

Просматривая в спешке рукопись его отчета, я несколько раз мысленно повторял себе: как он вырос. Я ему дал понять это, и он был рад. Но, как и в старые годы, он мягко и с благодарностью принял критические замечания и поправки.

Выбранный в Петербургскую городскую думу Иоффе стал там главою большевистской фракции. Это было для меня неожиданностью, но в хаосе событий вряд ли я успел порадоваться росту своего венского друга и ученика. Когда я стал уже председателем Петроградского Совета, Иоффе явился однажды в Смольный для доклада от большевистской фракции Думы. Признаться, я волновался за него по старой памяти. Но он начал речь таким спокойным и уверенным тоном, что всякие опасения сразу отпали. Многоголовая аудитория Белого зала в Смольном видела на трибуне внушительную фигуру брюнета с окла-

дистой бородой с проседью, и эта фигура должна была казаться воплощением положительности, уравновешенности и уверенности в себе. Иоффе говорил глубоким бархатным голосом, нисколько не форсируя его, чуть-чуть в разговорной манере, правильно построенные фразы сходили с уст без усилия. Округленные жесты создавали в аудитории атмосферу спокойствия, – все слушали оратора внимательно и с явным сочувствием. Вопрос был небольшой, чисто локальный – гарнизон боролся с муниципалитетом за право бесплатного проезда в трамвае, – но было совершенно очевидно, что этот оратор может также естественно и непринужденно с разговорного тона подниматься до настоящего пафоса. Революция его подняла, выправила, сосредоточила все сильные стороны его интеллекта и характера. Только иногда я в глубине дружеских зрачков встречал излишнюю, почти пугающую сосредоточенность.

Выбранный на Июльском съезде 1917 года не то членом ЦК, не то кандидатом (записи полулегального съезда велись не в большом порядке), Иоффе ко времени Октябрьского переворота занимает уже в ЦК одно из первых мест. Он состоит в том ядре, которое наиболее решительно стоит за восстание.

После того, как Зиновьев и Каменев открыто выступили против восстания, Иоффе требовал в заседании ЦК 20 октября (второго ноября) "заявить о том, что Зиновьев и Каменев не являются членами ЦК... что ни один член партии не мо-

жет выступать против решений партии, в противном случае в партию вносится невозможный разврат".

Сталин, занимавший весьма уклончивую позицию, возражал Иоффе. Официальный протокол гласит: "Сталин считает, что Каменев и Зиновьев подчинятся решениям ЦК, доказывает, что все наше положение противоречиво; считатет, что исключение из партии не рецепт. Нужно сохранить единство партии..."

Иоффе неутомимо работает в Военно-революционном Комитете и в хаосе тех дней, в шуме и крике, среди небритых лиц и грязных воротников выглядит джентельменом и сохраняет полное спокойствие.

Непоколебимую твердость проявляет Иоффе во время ноябрьского кризиса ЦК, уже после победоносного восстания, когда правое крыло ЦК, во имя соглашения с меньшевиками и эсерами, готово было, по существу, отказаться от советской власти.

Во время Брестских переговоров Иоффе до конца стоит за дальнейшую оттяжку переговоров, хотя бы и с риском дальнейших территориальных потерь.

"Прощупывать немецких империалистов действительно уже поздно, – говорит он на заседании ЦК 18 февраля. – Но прощупывать германскую революцию еще не поздно... Если у них революции не будет, они заберут больше (не только Ревель), а если будет, то нам все вернется..."

Мягким голосом, с дружелюбной улыбкой он выдвигал всегда самые решительные доводы за

необходимость вооруженного восстания. Я наблюдал его в трудные дни и часы, поскольку можно говорить по отношению к тому времени о наблюдениях. Иоффе оставался наиболее сдержанным, не выходил из себя, не терялся в хаосе, и самый его голос оказывал на меня всегда успокаивающее действие.

Когда в ЦК окончательно прошло решение о подписании ультимативных условий Германии, причем ЦК счел необходимым участие Иоффе в мирной делегации, Иоффе подал в ЦК заявление: "Я вынужден, в интересах сохранения возможного единства партии, подчиниться этому решению и еду в Брест-Литовск лишь как консультант, не несущий никакой политической ответственности".

1933 г.

Лев Троцкий

ЧИЧЕРИН

Официальным руководителем советской дипломатии был Чичерин. Он представляет собою чрезвычайно своеобразную и весьма незаурядную фигуру. Я знал его более десяти лет до революции. Время от времени встречался с ним на эмигрантской почве, обменивался с ним деловыми, скорее техническими письмами. Если б меня в тот период спросили, знаю ли я Чичерина, то я, разумеется, ответил бы утвердительно. На самом деле, я совершенно не знал его. Правда, мимоходом я слышал иногда о чудачествах Чичерина: о его замкнутом и спартанском образе жизни, о том, что его комната в дешевом отеле заполнена газетами и деловыми бумагами, о том, что он работатет по ночам; слышал я еще, что секретарь заграничных групп содействия происходит из известной дворянской профессорско-чиновничьей семьи Чичериных. Я наблюдал Чичерина только как чиновника эмигрантских организаций. В тех случаях, когда заходили политические беседы, Чичерин молчал, изредка, разве,

вставляя какую-либо фактическую справку. Больше я ничего не знал об этом человеке.

Я не знал, что он владеет десятком языков, наиболее важными мировыми языками; я не знал, что он с пристальным вниманием следит за мировой прессой и превосходно осведомлен обо всем, что происходит в международной политике и во внутренней политике всех важнейших стран; я не знал, наконец, что Чичерин не только превосходный музыкант, но и высоко образованный знаток музыки, ее теории и ее истории, как и знаток искусства вообще. Это был просвещенный старый русский дворянин, который принес свое разностороннее образование на службу революционной организации и занял в ней скромное место секретаря, как накануне первой революции он занимал скромное место секретаря при царской миссии в Брюсселе.

Только во время войны Чичерин начал мне раскрываться с другой стороны. Я стал от него неожиданно получать политические письма из Лондона. Чичерин полемизировал против направления маленькой русской газеты "Наше слово", которую я вместе с несколькими другими лицами редактировал в Париже. Чичерин выступал как сторонник Антанты против центральных империй. Таких социал-патриотов, как мы их называли тогда, было немало. Но удивил меня подход Чичерина к вопросу: аргументы его казались мне несостоятельными, но они всегда были неожиданными, не банальны, не из обычного антантовского словаря и свидетельствова-

ли о чрезвычайно широкой осведомленности автора. Чичерин ссылался на социалистические издания всех стран, приводил цитаты из газет итальянских консерваторов или из органа шведской тяжелой промышленности. Полемика его состояла, в сущности, в подборе цитат; письма не требовали ни возражений, ни даже ответа. Чичерин явно боролся с собою, колебался, и вскоре совсем замолчал. На втором или третьем году войны он резко самоопределился влево и стал постоянным лондонским сотрудником "Нашего слова". Его статьи всегда были отмечены печатью исключительной осведомленности, вниманием к деталям: не мог никто с такой точностью, как Чичерин, начертать политическую орбиту того или другого социалиста. В критическую минуту Чичерин всегда приходил "Нашему слову" на помощь.

Поворот влево не прошел для Чичерина безнаказанно. Скоро он оказался в Лондоне арестован. После завоевания власти мы получили возможность поставить вопрос об освобождении Чичерина; сперва британские власти отнеслись к этому требованию, как к неслыханной дерзости, тем более, что оно исходило от лица, которое они сами несколько месяцев тому назад продержали месяц в концентрационном лагере в Канаде.

Но пришлось считаться с фактами. В наших руках было много английских граждан, которые стремились выбраться на родину. Уже в конце 1917 года Чичерин прибыл в Петроград. Он сразу стал моим заместителем по Комиссариату ино-

странных дел, которому я совсем не отдавал времени. Изредка вспоминается, Чичерин звонил мне по телефону, спрашивая тех или других указаний по необыкновенно казусным делам, всплывавшим в его весьма необычной на первых порах практике. Я спешил предоставить разрешение сложных проблем его собственному усмотрению. Ближайшие годы были годами войны, и дипломатия занимала очень маленький сектор на вершине советского государства. Я не всегда успевал прочитывать даже газетные сведения о шагах советской дипломатии, ее успехах и неудачах. На заседаниях Совнаркома я присутствовал в виде исключения. Вскоре после моего перехода в военное ведомство я, по соглашению с Лениным, официально предложил назначить моего бывшего заместителя народным комиссаром. Это не встретило ничьих возражений. "Чичерин хорошо втянулся в работу", – говорил мне Ленин, который ранее почти совершенно не знал Чичерина.

Спец высокой марки.

1933 г.

Лев Троцкий

РАКОВСКИЙ

О Раковском говорить как о дипломате, значит, пусть простят дипломаты, принижать Раковского. Дипломатическая деятельность занимала совсем небольшое и вполне подчиненное место в жизни борца. Раковский был писателем, оратором, организатором, затем администратором. Он был солдатом, одним из главных строителей Красной армии. Только в этом ряду стоит его деятельность в качестве дипломата. Он меньше всего был человеком дипломатической профессии. Он не начинал секретарем посольства или консула. Он не принюхивался в салонах в течение долгих лет к тем правящим кругам, которые не всегда хорошо пахнут. Он вошел в дипломатию как посол революции, и я не думаю, чтоб у кого-либо из его дипломатических контрагентов было хоть малейшее основание ощущать свое дипломатическое превосходство над этим революционером, вторгшимся в их святая святых.

Если говорить о профессии в буржуазном смысле слова, то Раковский был врачем. Он стал бы,

несомненно, первоклассным медиком благодаря наблюдательности и проницательности, способности к творческим комбинациям, настойчивости и честности своей мысли и неутомимости своей воли. Но другая, более высокая в его глазах профессия оторвала его от медицины: профессия политического борца.

Он вошел в дипломатию готовым человеком и готовым дипломатом, не только потому, что он еще в молодые годы умел при случае носить смокинг и цилиндр, но прежде всего потому, что он очень хорошо понимал людей, для которых смокинг и цилиндр являются производственной одеждой.

Я не знаю, читал ли он хоть раз специальные учебники, на которых воспитываются молодые дипломаты. Но он превосходно знал новую историю Европы, биографии и мемуары ее политиков и дипломатов, психологическая находчивость без труда досказывала ему то, о чем умалчивали книги, и Раковский, таким образом, не нашел никаких причин теряться или изумляться тем людям, которые штопают дыры старой Европы.

У Раковского было, однако, качество, которое как бы предрасполагало его к дипломатической деятельности: обходительность. Она не была продуктом салонного воспитания и не являлась улыбающейся маской презрения и равнодушия к людям. Поскольку дипломатия и до сих пор еще вербуется, главным образом, из довольно замкнутых каст, поскольку изысканная вежливость, вошедшая в пословицу, является только

излучением высокомерия. Как быстро, однако, эта высокая дрессировка, хотя бы переходившая из поколения в поколение, сползает, обнажая черты страха и злобы, это нам дали видеть годы войны и революции. Есть другого рода презрительное отношение к людям, вытекающее из слишком глубокого психологического проникновения в их действительные движущие мотивы. Психологическая проницательность без творческой воли почти неизбежно окрашивается налетом цинизма и мизантропией.

Эти чувства были совершенно чужды Раковскому. В его природе был заложен источник неиссякаемого оптимизма, живого интереса к людям и симпатии к ним. Его благожелательность к человеку была тем устойчивее и в личных отношениях, тем очаровательнее, что оставалась свободна от иллюзий и нисколько не нуждалась в них.

Нравственный центр тяжести столь счастливо расположен у этого человека, что он, никогда не переставая быть самим собою, одинаково уверенно чувствует себя (или, по крайней мере, держит себя) в самых различных условиях и социальных группах. От рабочих кварталов Бухареста до Сен-Джемского дворца в Лондоне.

– Ты представлялся, говорят, британскому королю? – спрашивал я Раковского в один из его приездов в Москву.

В его глазах заиграли веселые огоньки:

– Представлялся.

– В коротких панталонах?

– В коротких панталонах.
– Не в парике ли?
– Нет, без парика.
– Ну, и что ж?
– Интересно, – ответил он.

Мы смотрели друг на друга и смеялись. Но ни у меня не оказалось желания спрашивать, ни у него рассказывать, в чем же, собственно, состояло "интересное" при этой не совсем обычной встрече революционера, высылавшегося девять раз из разных стран Европы, и императора Индии. Придворный костюм Раковский надевал так же, как во время войны красноармейскую шинель, как и производственную одежду. Но можно сказать не колебаясь, что из всех советских дипломатов Раковский лучше всех носил одежду посла и меньше всех давал ей воздействовать на свое "я".

Я никогда не имел случая наблюдать Раковского в дипломатической среде, но я без труда представляю себе его, ибо он всегда оставался самим собою и ему не нужно было облачаться в мундир вежливости, чтоб разговаривать с представителем другой державы.

Раковский был человеком изысканной нравственной натуры, и она просвечивалась сквозь все его помыслы и дела. Чувство юмора было ему свойственно в высшей степени, но он был слишком доброжелательным к живым людям, чтоб позволять себе слишком часто превращать его в едкую иронию. Но у друзей и у близких он любил иронический склад мыслей так же,

как и сентиментальный. Стремясь переделать мир и людей, Раковский умел брать их в каждый момент такими, как они есть. Именно это сочетание составляло одну из наиболее важных черт в этой фигуре, ибо доброжелательный, мягкий, органически деликатный Раковский был одним из самых несгибаемых революционеров, каких создавала политическая история.

Раковский подкупает открытым и благожелательным подходом к людям, умной добротой, благородством натуры. Этому неутомимому борцу, в котором политическая смелость соединяется с отвагой, совершенно чужда область интриг. Вот почему, когда действовали и решали массы, имя Раковского гремело в стране, а о Сталине знали только в канцелярии. Но именно потому же, когда бюрократия отстранила массы и заставила их замолчать, Сталин должен был получить перевес над Раковским.

Раковский пришел к большевизму лишь в эпоху революции. Если, однако, проследить политическую орбиту Раковского, то не останется никакого сомнения в том, насколько органически и неотвратимо его собственная деятельность и его развитие вело его на путь большевизма.

Раковский — не румын, а болгарин, из той части Добруджи, которая по Берлинскому трактату отошла к Румынии. Он учился в болгарской гимназии, был исключен из нее за социалистическую пропаганду, университетский курс проходил в южной Франции и французской Швейцарии. В Женеве Раковский попал в русский социал-де-

мократический кружок, находившийся под руководством Плеханова и Засулич. С этого времени он тесно связывается с марксистской русской интеллигенцией и подпадает под влияние родоначальника русского марксизма Плеханова, через которого сближается вскоре с основоположником французского марксизма Жюль Гэдом и принимает активное участие во французском рабочем движении, на его левом крыле, среди гэдистов.

Спустя несколько лет Раковский деятельно работает на почве русской политической литературы под псевдонимом Х. Инсарова. За свою связь с русскими Раковский в 1894 году подвергается высылке из Берлина. После окончания университета он приезжает в Румынию, в свое официальное отечество, с которым его до сих пор ничто не связывало, и отбывает воинскую повинность в качестве военного врача.

Засулич рассказывала мне в старые годы (1903–1904) о той горячей симпатии, которую вызывал к себе юноша Раковский, способный, пытливый, пылкий, непримиримый, всегда готовый ринуться в новую свалку и не считавший синяков. Политическое мужество с юных лет сочеталось в нем с личной отвагой. В маневренной войне боевой командир набирает "движение на выстрел". И внешние условия, и личный ненасытный интерес к странам и народам бросали его из государства в государство, причем в этих постоянных переездах преследования европейской полиции занимали не последнее место.

Эмигрант Плеханов был непримиримым марксистом, но слишком долго оставался им в области чистой теории, чтобы не утратить связь с пролетариатом и революцией. Под влиянием Плеханова Раковский в годы между двумя революциями (1905–1917) стоял, однако, ближе к меньшевикам, чем к большевикам. Насколько, однако, он в своей собственной политической деятельности был далек от оппортунизма меньшевиков, показывает один тот факт, что Румынская социалистическая партия, руководимая Раковским, уже в 1915 году выступила из II Интернационала. Когда встал вопрос о присоединении к III Интернационалу, то сопротивление оказывали только организации Трансильвании и Буковины, принадлежавшие раньше к оппортунистическим Австрийской и Венгерской партиям. Все же организации старой Румынии и отошедшего к ней с 1913 года Болгарского четырехугольника (кваддилатер) почти единогласно высказались за присоединение к Коммунистическому Интернационалу.

Вождь оппортунистической части партии, бывший австрийский депутат Григоровичи заявил в румынском сенате, что он остается социал-демократом и что он не солидарен с Лениным и Троцким, которые стали антимарксистами.

Раковский – одна из наиболее интернациональных и по воспитанию, и по деятельности, и, главное, по психологическому складу фигур новейшей политической истории. Вот что писал о нем В. Колларов:

"В лице Раковского я встретил старого знакомого. Христю Раковский – одна из наибо-

лее "интернациональных"фигур в европейском движении. Болгарин по происхождению, но румынский подданный, французский врач по образованию, но русский интеллигент по связям, симпатиям и литературной работе (за подписью Х. Инсарова он опубликовал на русском языке ряд журнальных статей и книгу о третьей республике), Раковский владеет всеми балканскими языками и тремя европейскими, активно участвовал во внутренней жизни четырех социалистических партий – болгарской, русской, французской и румынской – и теперь стоит во главе последней..."

Раковский подвергался высылке из царской России, строил Румынскую социалистическую партию, был выслан из Румынии как чужестранец, хотя служил перед тем в румынской армии в качестве военного врача, снова вернулся в Румынию, поставил в Бухаресте ежедневную газету и руководил Румынской социалистической партией, боролся против вмешательства Румынии в войну и был арестован накануне ее вмешательства. Воспитанная им Социалистическая партия Румынии в 1917 году целиком примкнула к Коммунистическому Интернационалу.

1 мая 1917 года русские войска освободили Раковского из тюрьмы в Яссах, где его по всей вероятности ждала участь Карла Либкнехта. И через час Раковский уже выступал на митинге в 20 000 человек. В специальном поезде его увезли

в Одессу. С этого момента Раковский целиком уходит в русскую революцию. Ареной его деятельности становится Украина

Что Раковский лично пришел к Ленину как благодарный ученик, чуждый малейшей тени тщеславия и ревности в отношении к учителю, несмотря на разницу в возрасте всего в четыре года, на этот счет не может быть ни малейшего сомнения у того, кто знаком с деятельностью и личностью Раковского. Сейчас в Советском Союзе идеи оцениваются исключительно в свете документов о рождении и оспопрививании, как будто существует общий для всех идеологический маршрут. Болгарин, румын и француз Раковский не подпал под влияние Ленина в молодые годы, когда Ленин был еще только вождем крайнего левого крыла демократически-пролетарского движения в России. Раковский пришел к Ленину уже зрелым сорокачетырехлетним человеком, со многими рубцами интернациональных боев, в период, когда Ленин поднялся до роли международной фигуры. Мы знаем, что Ленин встретил немалое сопротивление в рядах собственной партии, когда в начале 1917 года национально-демократические задачи революции сменил интернационально-социалистическими.

Но и примкнув к новой платформе, многие из старых большевиков по существу оставались всеми корнями в прошлом, как неопоримо свидетельствует нынешнее эпигонство. Наоборот, если Раковский долго не усваивал национальной логики развития большевизма, зато тем глубже

воспринял он большевизм в его развернутом виде, причем само прошлое большевизма осветилось для него другим светом. Большевики провинциального типа после смерти учителя потянули большевизм назад, в сторону национальной ограниченности. Раковский же остался в той колее, которую проложила Октябрьская революция. Будущий историк, во всяком случае, скажет, что идеи большевизма развивались через ту опальную группировку, к которой принадлежал Раковский.

В начале 1918 года Советская республика отправила Раковского в качестве своего представителя для переговоров с его бывшим отечеством, в Румынию, об эвакуации Бессарабии. 9 марта Раковский подписал соглашение с генералом Авереску, своим бывшим военным начальником.

В апреле 1918 года для мирных переговоров с Радой создана была делегация в составе Сталина, Раковского и Мануильского. Тогда еще никому не могло прийти в голову, что Сталин опрокинет Раковского при помощи Мануильского.

С мая по октябрь Раковский вел переговоры со Скоропадским, украинским гетманом милостью Вильгельма II.

То как дипломат, то как солдат он борется за советскую Украину против Украинской Рады, гетмана Скоропадского, Деникина, оккупационных войск Антанты и против Врангеля. В качестве Председателя Совета Народных Комиссаров Украины он руководит всей политикой этой стра-

ны с населением в 30 млн душ. В качестве члена ЦК партии он участвует в руководящей работе всего Союза. Одновременно с этим Раковский принимает самое близкое участие в создании Коммунистического Интернационала. В руководящем ядре большевиков не было, пожалуй, никого, кто так хорошо знал бы, по собственному наблюдению, довоенное европейское рабочее движение и его деятелей, особенно в романских и славянских странах.

На первом заседании Интернационального Конгресса Ленин в качестве председателя при обсуждении списка докладчиков сообщил, что Раковский уже выехал из Украины и завтра должен прибыть: считалось само собою разумеющимся, что Раковский будет в числе основных докладчиков. Действительно, он выступал с докладом от имени Балканской революционной федерации, созданной в 1915 году, в начале войны, в составе Румынской, Сербской, Греческой и Болгарской партий.

Раковский обвинял итальянских социалистов в том, что они хотя и говорили о революции, но фактически отравляли пролетариат, изображая ему пролетарскую революцию "как свадьбу, в которой ни террору, ни голоду, ни войне не может быть места".

От бюрократизма Раковский был огражден. Ему чужда была та наивная переоценка политических специалистов, которая идет обыкновенно рука об руку со скептическим недоверием к массе. Обвиняя на III Конгрессе Коминтерна

итальянских социалистов в том, что они не посмели порвать с правым уклоном Туррати, Раковский дал меткое объяснение этой нерешительности: "Почему это Туррати так незаменим, что за последние 20 лет вам пришлось израсходовать весь наличный в Италии запас извести, чтобы обелять его? Потому что итальянские товарищи из социалистической партии всю свою надежду возлагают не на рабочий класс, а на интеллектуальную аристократию специалистов".

Раковскому чуждо наивное обожествление массы. Он знает на опыте собственной деятельности, что бывают целые эпохи, когда массы бессильны, точно скованные тяжелым сном. Но он знает также, что ничто большое в истории не совершалось без масс и что никакие специалисты парламентской кухни не могут заменить их. Раковский научился, особенно в школе Ленина, понимать роль дальнозоркого и твердого руководства. Но он отдавал себе ясный отчет в служебной роли всяких специалистов и в необходимости беспощадного разрыва с такими "специалистами", которые пытаются заменить собою массу и понижают тем ее собственное доверие к самой себе. В этой концепции источник непримиримой враждебности Раковского к бюрократизму в рабочем движении и, следовательно, к сталинизму, который есть квинтэссенция бюрократизма.

В качестве Председателя Совета Народных Комиссаров Украины и члена Политбюро Украинской партии Раковский входил во все вопросы украинской жизни, сосредоточивая руководство

в своих руках. В дневниках ленинского секретариата постоянные записи о телеграфных и телефонных сношениях Ленина с Раковским по самым разнообразным вопросам: о военных делах, о разработке материалов переписи, о программе украинского импорта, о национальной политике, о дипломатии, о вопросах Коминтерна.

Я встречался с Раковским во время объездов фронта.

По должности Раковский являлся Народным комиссаром иностранных дел: полное объединение советской дипломатии было произведено только впоследствии. Мы не спешили с централизацией, так как неизвестно было, как сложатся международные отношения, и не выгоднее ли Украине пока еще не связывать формально своей судьбы с судьбой Велкороссии. Эта осторожность была необходима также и по отношению к еще свежему украинскому национализму, который на опыте должен был еще прийти к необходимости федерации с Велкороссией.

В качестве украинского Народного комиссара по иностранным делам Раковский не скупился на ноты-протесты, которые он посылал французскому министерству иностранных дел, мирной конференции правительств Франции, Великобритании и Италии, и всем, всем, всем. В этих обширных агитационных документах обстоятельно выясняется, как военные силы Антанты ведут на Украине войну без объявления войны, несут жандармские функции, преследуя коммунистов, помогают

белогвардейским бандам и, наконец, пиратствуют, захватывая на месте украинские суда (март, июль, сентябрь, октябрь 1919 года).

Совершаемые белыми под покровительством французского командования подвиги в зоне военных действий союзных войск Раковский характеризует как "ужасы, напоминающие самую мрачную эпоху завоевания Алжира и гуннские приемы балканской войны".

В радио от 25 сентября 1919 года, посланном в Париж, Лондон и всем, всем, всем... Раковский очень подробно, с перечислением мест, лиц и обстоятельств рисует картину еврейских погромов, учиненных русскими и украинскими белогвардейцами, союзниками и агентами Антанты. Борьба Раковского с погромным антисемитизмом контрреволюции дала повод зачислить его в евреи: белая пресса иначе о нем не писала, как об "еврее Раковском".

Гораздо важнее была, однако, та закулисная дипломатическая инициатива, которую проявлял Раковский, нередко подталкивая Москву. Когда опубликованы будут архивные документы, они расскажут на этот счет немало интересного. Но главное внимание Раковского в первые годы было посвящено военному вопросу и продовольственному.

Разумеется, в этот первый период полной государственной независимости Украины необходимая связь обеспечивалась по линии партии. В качестве члена ЦК Раковский выполнял, разумеется, постановления ЦК. Нужно, однако, иметь в виду, что

в те первые годы не было еще и речи об опеке партии над всей работой Советов, точнее, о замене Советов партией. К этому надо прибавить еще, что отсутствие опыта означало отсутствие рутины. Советы жили полнокровной жизнью, импровизация играла большую роль. Раковский был подлинным вдохновителем и руководителем советской Украины в те годы. Это была не легкая задача.

Украина, прошедшая за два года через десяток режимов, по-разному пересекавшихся с быстро росшим национальным движением, стала осиным гнездом для советской политики. "Ведь это **новая** страна, **другая** страна, – говорил Ленин, – а наши русотяпы этого не видят". Но Раковский со своим опытом балканских национальных движений, со своим вниманием к фактам и живым людям, быстро овладел украинской обстановкой, провел дифференциацию в национальных группировках, привлек наиболее решительное и активное крыло на сторону большевизма. "Эта победа стоит пары хороших сражений", – говорил Ленин на IX съезде партии в марте 1920 г. "Русотяпам", пытавшимся брюзжать против уступчивости Раковского, Ленин указывал, что "благодаря правильной политике ЦК, великолепно проведенной т. Раковским" на Украине, "вместо восстания, которое было неизбежно", достигнуто расширение и упрочение политической базы.

Политика Раковского в деревне отличалась той же дальновидностью и гибкостью. При большей слабости пролетариата социальные противоречия внутри крестьянства были на Украине

гораздо глубже, чем в Великороссии. Для советской власти это означало двойные трудности. Раковский сумел политически отделить крестьянскую бедноту и объединить ее в "Комитеты незаможных селян", превратив ее в важнейшую опору советской власти в деревне. В 1924–25 годах, когда Москва взяла твердый курс на зажиточные верхи деревни, Раковский отстоял для Украины Комитеты деревенской бедноты.

Лучше или хуже, Раковский объясняется на всех европейских языках, причисляя к Европе и Балканы с Турцией. "Европеев и настоящий европеец", – не раз со вкусом говорил Ленин, мысленно противопоставляя Раковского широко распространенному типу большевика-провинциала, наиболее выдающимся и законченным представителем которого является Сталин. В то время, как Раковский, подлинный гражданин цивилизованного мира, в каждой стране чувствует себя дома, Сталин не раз ставил себе в особую заслугу то, что никогда не был в эмиграции. Ближайшими и наиболее надежными сподвижниками Сталина являются лица, не жившие в Европе, не знающие иностранных языков и по существу дела очень мало интересующиеся всем тем, что происходит за границами государства. Всегда, даже и в старые времена дружной работы, отношение Сталина к Раковскому окрашивалось завистливой враждебностью провинциала к настоящему европейцу.

Лингвистическое хозяйство Раковского имело все же экстенсивный характер. Он знал слишком много языков, чтобы знать их безукоризненно.

По-русски он говорил и писал свободно, но с большими погрешностями против синтаксиса. Французским он владел лучше, по крайне мере, с формальной стороны. Он редактировал румынскую газету, был любимым оратором румынских рабочих, говорил по-румынски с женой, но все же не владел языком в совершенстве. Он слишком рано расстался с Болгарией и слишком редко возвращался в нее впоследствии, чтобы материнский язык мог стать языком его мысли. Слабее всего он говорил по-немецки и по-итальянски. В английском языке он сделал большие успехи, уже работая на дипломатическом поприще.

На русских собраниях он не раз просил аудиторию снисходительно помнить о том, что болгарский язык имеет всего четыре падежа. При этом он ссылался на императрицу Екатерину, которая тоже была не в ладах с падежами. В партии ходило немало шуток, связанных с болгаризмами Раковского. Мануильский, нынешний руководитель Коминтерна, и Богуславский с большим успехом подражали произношению Раковского и тем доставляли ему немалое удовольствие.

Когда Раковский приезжал из Харькова в Москву, разговорным языком за столом у нас в Кремле был из-за жены Раковского, румынки, французский язык, которым Раковский владел лучше нас всех. Он легко и незаметно подбрасывал нужное слово, кому его не хватало, и весело и мягко подражал тому, кто путался в сюбжонктивах, синтаксисе. Обеды с участием Раковского были истинными праздниками, даже и в совсем непраздничных условиях.

В то время как мы с женой жили очень замкнуто, Раковский, наоборот, встречал множество народу, всеми интересовался, всех выслушивал, все запоминал. О самых отъявленных и злостных противниках он говорил с улыбкой, с шуткой, с ноткой человечности. Несгибаемость революционера счастливо сочеталась в нем с неутомимым нравственным оптимизмом.

Наши обеды, обычно очень простые, несколько усложнялись с приездом Раковского. После удачливого воскресенья я щеголял дичью или рыбой. Несколько раз я уводил с собой на охоту Раковского. Он ездил по дружбе и из любви к природе; сама по себе охота не захватывала его. Он ничего не убивал, но хорошо уставал и оживленно беседовал с крестьянами-охотниками и рыболовами. Иногда мы ловили сетями рыбу, "ботая", т. е. пугая воду длинными шестами с жестяными конусами на концах. За этой работой мы провели однажды целую ночь, варили уху, засыпали на короткое время у костра, снова "ботали" и вернулись утром с большой корзиной карасей, усталые и отдохнувшие, искусанные комарами и довольные.

Иногда Раковский за обедом в качестве бывшего врача излагал диетические соображения, чаще всего в виде критики моего будто бы слишком сторого диетического режима. Я защищался, ссылаясь на авторитеты врачей, прежде всего Федора Александровича Гетье, пользовавшегося нашим общим признанием. "J'ai mes règles à moi", – отвечал Раковский и тут же импровизировал их. В следующий раз кто-нибудь, чаще всего один из

наших сыновей, уличал его в том, что он нарушает свои собственные правила. "Нельзя быть рабом собственных правил, – парировал он, – надо уметь применять их". И Раковский торжественно ссылался на диалектику.

Работу большевиков не раз сравнивали с работой Петра Первого, дубиною гнавшего Россию в ворота цивилизации. Наличие сходных черт объясняется тем, что в обоих случаях орудием движения вперед являлась государственная власть, не останавливающаяся перед крайними мерами принуждения. Но дистанция в два столетия и небывалая глубина большевистского переворота отодвигают черты сходства далеко назад перед чертами различия. Совсем уж поверхностны и прямо-таки фальшивы личные психологические сопоставления Ленина с Петром. Первый русский император стоял перед европейской культурой с задранной вверх головой и разинутым ртом. Испуганный варвар боролся против варварства. Ленин же не только интеллектуально стоял на вышке мировой культуры, но и психологически впитал ее в себя, подчинив ее целям. к которым только еще движется все человечество. Несомненно, однако, что рядом с Лениным в переднем ряду большевизма стояли самые различные психологические типы, в том числе и склада деятелей петровской эпохи, т. е. варвары, восставшие против варварства. Ибо Октябрьская революция, звено в цепи мирового развития, разрешала в то же время крайне отсталые задачи в развитии народов России, без малейшего намерения

сказать что-либо уничтожительное, с единственной целью, не с политической, а с объективно-исторической.

Можно сказать, что Сталин полнее всего выражал "петровское", наиболее примитивное, течение в большевизме. Когда Ленин говорил о Раковском как о "настоящем европейце", он выдвигал ту сторону Раковского, которой слишком не хватало многим другим большевикам.

"Настоящий европеец" не означало, однако, культуртрегера, великодушно нагибающегося к варварам: этого в Раковском не было никогда и следа. Нет ничего отвратительнее колонизаторского квакерски-филантропического высокомерия и ханжества, которое выступает не только под религиозной или франкмасонской, но и под социалистической личностью. Раковский органически поднялся из первобытности балканского захолустья до мирового кругозора. Кроме того, марксист до мозга костей, он брал всю нынешнюю культуру в ее связях, переходах, сплетениях и противоречиях. Он не мог противопоставлять мир "цивилизации" миру "варварства". Он слишком хорошо разъяснял пласты варварства на высотах нынешней официальной цивилизации, чтоб противопоставлять культуру и варварство друг другу, как две замкнутые сферы. Наконец, человек, внутренне претворивший последние достижения мысли, он психологически был и оставался совершенно чужд того высокомерия, которое свойственно цивилизованным варварам по отношению к безымянным и обделенным строителям культу-

ры. И в то же время он не растворялся до конца ни в окружающей среде, ни в собственной работе, он оставался самим собою, не пробудившимся варваром, а "настоящим европейцем". Если массы в нем чувствовали своего, то полуобразованные и полукультурные вожди бюрократического склада относились к нему с завистливой полувраждебностью, как к интеллектуальному "аристократу". Такова психологическая подоплека борьбы против Раковского и особой к нему ненависти Сталина.

Летом 1923 года Каменев, тогда Председатель Совнаркома, всесте с Дзержинским и Сталиным в свободный вечерний час на даче у Сталина, на балконе деревенского дома, за стаканом чаю или вина, беседовали на сентиментально-философские темы, вообще говоря, мало обычные у большевиков. Каждый говорил о своих вкусах и пристрастиях. "Самое лучшее в жизни, – сказал Сталин, – отомстить врагу: хорошо подготовить план, нацелиться, нанести удар и... пойти спать". Каменев и Дзержинский невольно переглянулись, услышав эту исповедь. От проверки ее на опыте Дзержинского спасла смерть. Каменев сейчас в ссылке, если не ошибаюсь в тех самых местах, где он был накануне Февральской революции вместе со Сталиным. Но наиболее жгучий и отравленный характер носит, несомненно, ненависть Сталина к Раковскому. Врачи считают, что сердцу Раковского необходим отдых в теплом климате? Пусть же Раковский, позволяющий себе столь убедительно критиковать Сталина, за-

нимается медицинской практикой за полярным кругом. Это решение носит личную печать Сталина. Тут сомнения быть не может. Теперь мы, во всяком случае, знаем, что Раковский не умер. Но мы знаем также, что ссылка в Якутскую область означает для него смертный приговор. И Сталин знает это не хуже нас.

На политическом небосклоне Плутарх предпочитал парные звезды. Он соединял своих героев по сходству или по противоположности. Это давало ему возможность лучше отметить индивидуальные черты. Плутарх советской революции вряд ли нашел бы две другие фигуры, которые контрастностью своих черт лучше освещали бы друг друга, чем Сталин и Раковский. Правда, оба они южане; один – с разноплеменного Кавказа, другой – с разноплеменных Балкан. Оба – революционеры. Оба, хотя и в разное время, стали большевиками. Но эти сходные внешние рамки жизни только ярче подчеркивают противоположность двух человеческих образов.

В 1921 г. при посещении советской республики французский социалист Моризе, ныне сенатор, встретил Раковского в Москве как старого знакомого. "Рако, как мы все его называли, его старые товарищи... знает всех социалистов Франции". Раковский забросал собеседника вопросами о старых знакомых и обо всех углах Франции. Рассказывая о своем посещении Моризе, упоминая о Раковском, прибавлял: "Его верный лейтенант (адъютант) Мануильский". Верности Мануильского хватило, во всяком слу-

чае, на целых два года, что является немалым сроком, если принять во внимание натуру лица.

Мануильский всегда состоял при ком-нибудь адъютантом, но оставался верным только своей потребности при ком-нибудь состоять. Когда руководимый "тройкой" (Сталин-Зиновьев-Каменев) заговор против старого руководства потребовал открытой политической борьбы против Раковского, который пользовался на Украине особенно большой популярностью и безраздельным уважением, трудно было найти кого-нибуль, кто взял бы на себя инициативу осторожных инсинуаций, чтобы постепенно поднять их до сгущенной клеветы. Выбор "тройки", которая знала людской инвентарь, остановился на "верном лейтенанте" Раковского, Мануильском. Ему было поставлено на выбор: либо пасть жертвой своей верности, либо путем измены приобрести свой пай в заговоре. В ответе Мануильского сомнений быть не могло. Признанный мастер политического анекдота, он сам красочно рассказывал впоследствии своим друзьям об ультиматуме, который заставил его стать в 1923 году лейтенантом Зиновьева, чтоб к концу 1925 года превратиться в лейтенанта Сталина. Так Мануильский поднялся на высоту, о которой в годы Ленина он не мог даже мечтать и во сне: сейчас он официальный вождь Коминтерна.

Часть верхов украинской бюрократии уже была к этому времени втянута в заговор Сталина. Но для упрощения и облегчения дальнейшей борьбы оказалось наиболее удобным оторвать Раковско-

го от украинской и вообще советской почвы, превратив его в посла. Благоприятным поводом являлась советско-французская конференция. Раковский был назначен послом во Франции и председателем русской делегации.

В октябре 1927 г. Раковский был по категорическому требованию французского правительства отстранен от должности посла и отозван, можно сказать, почти выслан из Парижа в Москву. А через три месяца он оказался уже выслан из Москвы в Астрахань. Обе высылки, как это ни парадоксально, связаны были с подписью Раковского под оппозиционным документом. Парижское правительство придралось к тому, что в заявлении оппозиции заключались "недружелюбные" ноты по адресу враждебных Советскому Союзу иностранных армий. На самом деле правое крыло палаты вообще не хотело связей с большевиками. А Раковский лично беспокоил Тардье-Бриана своей слишком крупной фигурой: они предпочитали бы на *rue Grenelle* менее внушительного и менее авторитетного советского посла. Будучи достаточно в курсе взаимоотношений между сталинцами и оппозицией, они, видимо, надеялись, что Москва им поможет отделаться от Раковского. Но сталинская группа не могла себя компрометировать такой предупредительностью по отношению к французской реакции; к тому же она не хотела иметь Раковского ни в Москве, ни в Харькове. Она оказалась, таким образом, вынужденной в самый неудобный для себя момент взять Раковского публично под

защиту от французского правительства и французской прессы.

В интервью 16 сентября Литвинов ссылался и с полным основанием на симпатии Раковского к французской культуре и на то, что де Монзи, глава французской делегации на советско-французской конференции, публично засвидетельствовал лояльность Раковского. "Если конференции удалось разрешить, – говорил Литвинов, – сложнейший вопрос переговоров, а именно, о компенсации по государственным долгам... то она в первую очередь обязана этим лично тов. Раковскому".

5 октября Чичерин, тогда еще народный комиссар по иностранным делам, заявил представителям французской печати в опровержение ложных слухов: "Я никогда не выражал никакого неудовольствия по адресу посла Раковского; наоборот, у меня имеются все основания чрезвычайно высоко ценить его работу..."

Слова эти звучали тем более выразительно, что сталинская печать по данному сверху сигналу уже начала в это время представлять оппозиционеров как вредителей и подрывателей советского режима.

Наконец, 12 октября, на этот раз уже в официальной ноте французскому послу Жанну Эрбетту, Чичерин писал: "И я и г. Литвинов писали что отозвание г. Раковского, усилиям и энергии которого франко-советская конференция в значительной мере обязана достигнутыми результатами, не может не нанести морального ущерба

самой конференции". Тем не менее, уступая категорическому требованию Бриана, который сам себе отрезал путь отступления и должен был ограждать свою репутацию в составе правого правительства, Советы оказались вынужденными отозвать Раковского.

Прибыв в Москву, Раковский сразу попал под удары уже не французской, а советской прессы, которая подготовляла общественное мнение к предстоящим арестам и ссылкам оппозиционеров; и мало заботясь о том, что писалось вчера, изображала Раковского как врага советской власти.

В августе нынешнего года Раковскому исполняется 60 лет. В течение свыше пяти лет Раковский провел в ссылке в Барнауле, в Алтайских горах, вместе со своей женой, неразлучной спутницей. Суровая алтайская зима с морозами, доходящими до 45–50 градусов, была невыносима для южанина, уроженца Балканского полуострова, особенно для его усталого сердца. Друзья Раковского – а к нему и честные противники относились всегда дружески – хлопотали о его переводе на юг, в более мягкий климат. Несмотря на ряд тяжелых сердечных припадков ссыльного, которые и становились источником слухов о его смерти, московские власти в переводе отказывали наотрез. Когда мы говорим о московских властях, то это значит Сталин, ибо, если мимо него могут пройти и проходят нередко очень большие вопросы хозяйства и политики, то там, где дело касается личной расправы, мести противнику, решение всегда зависит лично от Сталина.

Раковский оставался в Барнауле, боролся с зимой, дожидался лета и снова встречал зиму. Слухи о смерти Раковского возникали уже несколько раз как плод напряженной тревоги тысяч и сотен тысяч за судьбу близкого и любимого человека.

Он следил неутомимо по доходившим до него газетам и книгам за советским хозяйством и за мировой жизнью, писал большую работу о Сен-Симоне и вел обширную переписку, все меньшая часть которой доходила по назначению.

Раковский изо дня в день следит по советской печати обо всех процессах в стране, читает между строк, досказывает недосказанное, обнажает экономические корни затруднений, предупреждает от надвигающихся опасностей. В ряде замечательных работ, где широкое обобщение опирается на богатый фактический материал, Раковский из Астрахани, затем из Барнаула властно вмешивается в планы и мероприятия Москвы. Он решительно предупреждает против преувеличенных темпов индустриализации.

В середине 1930 г., в месяцы чрезвычайного бюрократического головокружения от плохо продуманных успехов, Раковский предупреждал, что форсированная индустриализация неизбежно ведет к кризису. Невозможность дальнейшего повышения производительности труда, неизбежность срыва плана капитальных работ, острый недостаток сельскохозяйственного сырья, наконец, ухудшение продовольственного положения приводят дальнозоркого исследователя к выво-

ду: "Кризис промышленности уже неотвратим; фактически промышленность уже вступила в него".

Еще ранее, в официальном заявлении от 4 октября 1929 г. Раковский решительно предостерегал против "сплошной коллективизации", не подготовленной ни экономически, ни культурно и, в особенности, "против чрезвычайных административных мер в деревне", которые неизбежно повлекут за собою тяжелые политические последствия. Через год ненавистный и неутомимый советник констатирует: "Политика сплошной коллективизации и ликвидации кулака подорвала производительные силы сельского хозяйства и завершила подготовленный всей предыдущей политикой острый конфликт с деревней". Вошедшее у Сталина в традицию сваливание вины за хозяйственные неудачи на "исполнителей" Раковский разоблачает как признание собственной несостоятельности: "Ответственность за качество аппарата ложится на руководство".

Особенно пристально старый политик следит за процессами в партии и в рабочем классе. Еще в августе 1928 г. он из Астрахани, первого места своей ссылки, дает глубокий и страстный анализ процессов перерождения в правящей партии. В центре винмания он ставит отслоение бюрократии как особого привилегированного слоя. "Социальное положение коммуниста, который имеет в своем распоряжении автомобиль, хорошую квартиру, регулярный отпуск и получает

партмаксимум, отличается от положения коммуниста, работающего в угольных шахтах, где он получает от 50 до 60 рублей в месяц". Функциональные различия превращаются в социальные, социальные могут развиться в классовые. "Партиец 1917 года вряд ли узнал бы себя в лице партийца 1928 года".

Раковский знает роль насилия в истории, но он знает и пределы этой роли. Через год с лишним Раковский обличает методы командования и принуждения. С помощью методов командования и принуждения, доведенных до бюрократической виртуозности, "верхушка сумела превратиться в в несменяемую и неприкосновенную олигархию, подменившую собою класс и партию". Тяжелое обвинение, но каждое слово в нем взвешено. Раковский призывает партию подчинить себе бюрократию, лишить ее "божественного атрибута непогрешимости", подчинить ее своему суровому контролю.

В обращении в ЦК в апреле 1930 г. Раковский характеризует созданный Сталиным режим как "владычество и междуусобную борьбу корпоративных интересов различных категорий бюрократии". Строить новое хозяйство можно только на инициативе и культуре масс. Чиновник, хотя бы и коммунистический, не может заменить народа. "Мы так же не верим в так называемую просвещенную бюрократию, как наши буржуазные предшественники, революционеры конца XVIII столетия – в так называемый просвещенный абсолютизм".

Работы Раковского, как и вся вообще оппозиционная литература, не выходили из рукописной стадии. Они переписывались, пересылались из одной ссыльной колонии в другую, ходили по рукам в политических центрах; до масс они почти не доходили. Первыми читателями рукописных статей и циркулярных писем Раковского являлись члены правящей сталинской группы. В официальной печати можно было до недавнего времени нередко найти отголоски ненапечатанных работ Раковского в виде тенденциозных грубо искаженных цитат в сопровождении грубых личных выпадов. Сомнений быть не могло: критические удары Раковского попадают в цель.

Провозглашение плана первой пятилетки и переход на путь коллективизации представляли радикальное позаимствование из платформы левой оппозиции. Многие из ссыльных искренне верили в новую эру. Но сталинская фракция требовала от оппозиционеров публичного отречения от платформы, которая продолжала оставаться запрещенным документом. Такое двоедушие диктовалось бюрократической заботой о престиже. Многие из ссыльных скрепя сердце пошли навстречу бюрократии: этою дорогой ценою они хотели оплатить возможность работать в партии хотя бы над частичным осуществлением собственной платформы.

Раковский не менее других стремился вернуться в партию. Но он не мог этого сделать, отрекаясь от самого себя. В письмах Раковского, всегда

мягких по тону, звучали металлические ноты. "Самый большой враг пролетарской диктатуры, – писал он в 1929 г. в разгар капитулянтского поветрия, – бесчестное отношение к убеждениям. Уподобляясь католической церкви, вымогающей у ложа умирающих атеистов обращения на путь католицизма, партийное руководство вынуждает у оппозиционеров признание в мнимых ошибках и отказ от своих убеждений. Если тем самым оно теряет всякое право на уважение к себе, то и оппозиционер, который в течение ночи меняет свои убеждения, заслуживает лишь полного презрения".

Переход многих единомышленников в лагерь Сталина не поколебал старого борца ни на минуту. В ряде циркулярных писем он доказывал, что фальшь режима, могущество и бесконтрольность бюрократии, удушение партии, профессиональных союзов и Советов обесценят и даже превратят в свою противоположность все те экономические позаимствования, какие Сталин сделал из платформы оппозиции. "Больше того, этот отсев может внести оздоровление в ряды оппозиции. В ней останутся те, которые не видят в платформе своего рода ресторанной карточки, из которой каждый выбирает блюдо по своему вкусу". Именно в этот трудный период репрессий и капитуляций больной и изолированный Раковский показал, какая несокрушимая твердость характера таится за его мягкой благожелательностью к людям и деликатной уступчивостью. В письме в одну из ссыльных колоний он пишет

в 1930 г.: "Самое страшное – не ссылка и не изолятор, а капитуляция". Нетрудно понять, какое влияние оказывал на младших голос "старика" и какую ненависть он вызывал у правящей группы.

"Раковский много пишет. Все, что доходит, переписывается, пересылается, читается всеми, – сообщали мне молодые друзья из ссылки за границу; – в этом отношении Христиан Григорьевич проделывает большую работу. Его позиция ни в малейшей степени не расходится с Вашей; так же, как и Вы, делает упор на партрежим..."

Но доходило все меньше и меньше. Переписка между ссыльными оппозиционерами в первые годы ссылки была сравнительно свободной. Власти хотели быть в курсе обмена мнений между ними и надеялись в это же время на раскол среди ссыльных. Эти расчеты оказались не столь уж обоснованными.

Капитулянты и кандидаты в капитулянты ссылались на опасность раскола партии, на необходимость помочь партии и пр. Раковский отвечал, что лучшая помощь – это верность принципам. Раковский хорошо знал неоценимое значение этого правила для политики дальнего прицела. Ход событий принес ему своеобразное удовлетворение. Большинство капитулянтов продержалось в партии не больше трех-четырех лет; несмотря на предельную уступчивость, все они пришли в столкновение с политикой и партийным режимом, и все снова стали подвергаться вторичному исключению из партии и ссылке. Достаточно назвать такие имена, как Зиновьев,

Каменев, Преображенский, И. Н. Смирнов, с ними многие сотни менее известных.

Положение ссыльных тягостное всегда, колебалось в ту или другую сторону в зависимости от политической конъюнктуры. Положение Раковского ухудшалось непрерывно.

Осенью 1932 года советское правительство перешло от системы нормированных заготовок хлеба, т. е. фактически от реквизиции хлеба по твердым ценам, к системе продовольственного налога, оставляющего крестьянину право свободно распоряжаться всеми запасами, за вычетом налога. И эта мера, как и многие другие, представляла собою осуществление меры, которую Раковский рекомендовал за год с лишним до того, решительно требуя "перехода к системе продналога в отношении середняка с тем, чтобы дать ему возможность в некоторой степени распоряжаться своей остальной продукцией или, по крайней мере, видимость такой возможности, срезая накапливающийся жирок".

Когда по всей мировой печати прошла весть о смерти Х. Г. Раковского в сибирской ссылке, официальная советская печать молчала. Друзья Раковского – они вместе с тем и мои друзья, ибо мы связаны с Раковским 30-ю годами тесной личной политической дружбы – пытались сперва проверить весть через советские органы за границей. Видные французские политические деятели, успевшие оценить Раковского, когда он был советским послом во Франции, обращались за справками в посольство. Но и оттуда не давали

ответа. За последние годы весть о смерти Раковского вспыхивала не в первый раз. Но до сих пор каждый раз она оказывалась ложной. Но почему не опровергает ее советское телеграфное агентство? Этот факт усиливал тревогу. Если б Раковский действительно умер, то скрывать этот факт не было бы смысла. Упорное молчание официальных советских органов наводило на мысль, что Сталину приходится что-то скрывать. Единомышленники Раковского в разных странах забили тревогу. Появились статьи, воззвания, афиши с запросом: "Где Раковский?" В конце концов, завеса над тайной была приподнята. По явно инспирированному сообщению Рейтера из Москвы Раковский "занимается медицинской практикой в Якутской области". Если эта справка верна – доказательств у нас нет, – то она свидетельствует не только о том, что Раковский жив, но и о том, что из далекого холодного Барнаула он сослан еще дальше в область полярного круга.

Упоминание о медицинской практике привлечено для введения в заблуждение людей, мало знакомых с политикой и с географией. Правда, Раковский действительно врач по образованию. Но если не считать нескольких месяцев сейчас же вслед за получением медицинского диплома во Франции и военной службы, которую он свыше четверти века тому назад отбывал в Румынии в качестве военного врача, Раковский никогда не занимался медициной. Вряд ли он почувствовал к ней влечение на 60-м году жизни. Но упоминание о Якутской области делает не-

вероятное сообщение вероятным. Дело идет, очевидно, о новой ссылке Раковского: из Центральной Азии на далекий север. Подтверждения этого мы не имеем пока еще ниоткуда. Но, с другой стороны, такого сообщения нельзя выдумать.

В официальной советской печати Раковский числится контрреволюционером. В этом звании Раковский не одинок. Все без исключения ближайшие сотрудники Ленина состоят под преследованием. Из семи членов Политбюро, которые при Ленине руководили судьбами революции и страны, три исключены из партии и сосланы или высланы, три удалены из Политбюро и избавились от ссылки только рядом последовательных капитуляций. Мы слышали выше отзыв Чичерина и Литвинова о Раковском в качестве дипломата. И сегодня Раковский готов предоставить свои силы в распоряжение советского государства. Он разошелся не с Октябрьской революцией, не с советской республикой, а со сталинской бюрократией. Но расхождение совпало не случайно с таким периодом, когда вышедшая из массового движения бюрократия подчинила себе массы и установила на новых основах старый принцип: государство это – я.

Смертельная ненависть к Раковскому вызывается тем, что ответственность перед историческими задачами революции он ставит выше круговой поруки бюрократии. Ее теоретики-журналисты говорят только о рабочих и крестьянах. Грандиозный чиновничий аппарат совершенно

не существует в официальном поле зрения. Кто произносит самое имя бюрократии всуе, тот становится ее врагом. Так, Раковский из Харькова был переброшен подальше, в Париж, чтобы по возвращении в Москву быть высланным в Астрахань, а оттуда в Барнаул. Правящая группа рассчитывала, что тяжелые материальные условия, гнет изоляции сломят старого борца и заставят его, если не смириться, то умолкнуть. Но этот расчет, как и многие другие, оказался ошибочным. Никогда, может быть, Раковский не жил более напряженной, плодотворной жизнью, как в годы своей ссылки. Бюрократия стала все теснее сжимать кольцо вокруг барнаульского изгнанника. Раковский, в конце концов, замолчал, т. е. голос его перестал доходить до внешнего мира. Но в этих условиях самое молчание его было могущественнее красноречия. Что оставалось делать с бойцом, который к 60-му году сохранил пламенную энергию, с какой он юношей вышел на жизненную дорогу. Сталин не решился ни расстрелять его, ни даже заключить в тюрьму. Но с изобретательностью, которая в этой области никогда не изменяла ему, он нашел выход: Якутская область нуждается во врачах. Правда, сердце Раковского нуждается в теплом климате. Но именно поэтому Сталин и выбрал Якутскую область.

1933 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ Х. РАКОВСКОГО В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

...Под влиянием международных событий в моем сознании созрела мысль о том, что я должен снова и внимательно проверить основание моих разногласий с партией и, осознав свои ошибки, добиться возвращения в ряды борцов за осуществление задач, возложенных историей на партию большевиков-коммунистов.

...Основная теоретическая ошибка зиновьевско-троцкистской оппозиции, являющаяся ее ахиллесовой пятой, это – положение о невозможности построения социализма в одной стране.

...Сегодня, когда социал-фашисты, несмотря на урок событий, стараются снова распространять среди рабочих масс конституционные иллюзии буржуазного парламентаризма, нужно решительнее, чем когда-либо, отстаивать марксистско-ленинское учение о революционной диктатуре пролетариата.

...За период моего пребывания вне партии троцкистская фракция, к которой я принадлежал, скатывалась все дальше и дальше по антиленинскому пути. От мелкобуржуазного уклона внутри коммунистической партии падая по наклонной плоскости приспособленчества и оппортунизма, она превратилась в разновидность социал-демократии и наконец очутилась фактически в лагере контрреволюции.

...Теперь наши пути с Л. Троцким резко разошлись. В настоящее время, когда происходит поляризация всех общественных классов и сил, когда мир все более четко делится на два противоположных лагеря и в центре революционного находятся Коминтерн и партия коммунистов большевиков СССР, тщетны всякие попытки удержаться на межеумочных позициях.

Правда, 14 апреля 1934 г.

Лев Троцкий

РАЗНОГЛАСИЯ С ЛЕНИНЫМ

В чем было разногласие с Лениным?

В противовес отдельно выдернутым и ложно истолкованным цитатам, мы дали выше более или менее связанную, хотя далеко не полную картину действительного развития взглядов на характер и тенденции нашей революции. На этом важнейшем вопросе налипало, как всегда бывает во фракционной, особенно эмигрантской борьбе, много случайного, второстепенного и ненужного, что, однако, сподвигало и заслоняло важное и основное. Все это неизбежно в борьбе. Но теперь, когда борьба давно отошла в прошлое, можно и должно отбросить шелуху, чтобы выделить ядро вопроса.

Никакого принципиального разногласия в оценке основных сил революции не было. Это слишком ясно показали 1905 и особенно 1917 год. Но разница в политичеком подходе была. Сведенная к самому основному, эта разница может быть сформулирована следующим образом. Я доказывал, что победа революции означает дик-

татуру пролетариата. Ленин возражал: диктатура пролетариата есть одна из возможностей на одном из следующих этапов революции; мы же еще должны пройти через демократический этап, в котором пролетариат может быть у власти только в коалиции с мелкой буржуазией. Я на это отвечал, что наши очередные задачи имеют буржуазно-демократический характер бесспорно, что на пути их разрешения могут быть разные этапы с той или другой переходной властью, не отрицаю, но эти переходные формы могут иметь только эпизодический характер; даже и для разрешения демократических задач необходима будет диктатура пролетариата; отнюдь не покушаясь перепрыгивать через демократическую стадию и вообще через естественные этапы классовой борьбы, мы должны сразу брать основную установку на завоевание власти пролетарским авангардом. Ленин отвечал: от этого мы ни в каком случае не зарекаемся; посмотрим, в каком виде сложится обстановка, каково будет в частности международное положение и проч. Сейчас же нам надо выдвинуть три кита и на этих трех китах обосновать революционную коалицию пролетариата с крестьянством.

Нужны либо крайняя ограниченность, либо крайняя недобросовестность, чтобы теперь – после того, как Октябрьская революция уже совершилась, изображать эти две точки зрения как непримирение. Октябрь 1917 года их очень хорошо примирил. Выдвигание Лениным, всемерное подчеркивание и полемическое заострение

демократической стадии революции и программы трех китов – было политически и тактически безусловно правильно и необходимо. И когда я говорил о неполноте и пробелах в так называемой теории перманентной революции, я имел в виду именно тот факт, что я лишь принимал демократическую стадию как нечто само собою разумеющееся – принимал не только на словах, но и на деле, что достаточно доказано опытом 1905 г. Но теоретически далеко не всегда сохранял в своей перспективе ясную, отчетливую, всесторонне разработанную перспективу возможных последовательных этапов революции и мог отдельными заявлениями, статьями – в то время, когда эти статьи писались – вызывать такое представление, будто я "игнорирую" объективные демократические задачи и стихийно-демократические силы революции, тогда как на самом деле я считал их само собою разумеющимися и исходил из них как из данных, что доказывается полностью другими моими работами, писавшимися под другим углом зрения и для других целей.

Известная односторонность тех или других статей, написанных по этому вопросу, на протяжении дюжины годов (1905-1917) была тем самым "перегибанием палки", пользуясь выражением Ленина, которое совершенно неизбежно в больших вопросах идейной борьбы. Этим и объясняются те или другие полемические отклики Ленина, вызванные той или другой формулировкой в отдельной моей статье, но ни в каком

случае не отвечающие ни моей общей оценке революции, ни характеру моего участия в ней.

Один из моих критиков однажды весьма популярно внушал мне мысль, что не нужно все полемические отзывы Ленина брать за чистую монету, а нужно вносить в них некую немаловажную политико-педагогическую поправку. У критика моего выходило, что Ленин делает из мухи слона.

В этих словах есть доля истины, которую знает всякий, кто знает Ленина по его писаниям. Но выражена здесь мысль с исключительной психологической грубостью: "Ленин делал из мухи слона". Тот же автор в другом месте выражается так: "Эту мысль Ленин защищал "с пеной у рта". И пена у рта и превращение мухи в слона ни в каком случае не вяжется с образом Ленина. Но зато оба эти выражения как нельзя лучше вяжутся с образом автора, их породившего. Давно сказано: стиль – это человек...

Верно во всяком случае то, что поскольку я не входил во фракцию, а позже в партию большевиков – Ленин отнюдь не склонен был искать случаев для выражения согласия с теми или другими выраженными мною взглядами. И если ему это приходилось делать по важнейшим вопросам, как показано выше, значит, солидарность была налицо и требовала признания. Наоборот, в тех случаях, когда Ленин полемизировал против меня, он вовсе не искал "справедливой оценки" моих взглядов, а преследовал ударные задачи минуты – чаще даже не по отношению ко мне,

а по отношению к той или другой группе большевиков, которой нужно было в этом самом вопросе дать острастку.

Но как бы ни обстояло дело насчет старой полемики Ленина против меня по вопросам о характере революции, как бы ни обстояло дело с вопросом о том, правильно ли я понимал Ленина в этом вопросе раньше и даже правильно ли я его понимаю теперь, допустим даже на минуту, что разумению моему не доступно то, что вполне является умопостигаемым для Мартынова, Слепкова, Рафеса, Степанова-Скворцова, Куусинена и всех прочих Лядовых, без различия пола и возраста, – остается все же налицо один совсем маленький, но весьма забористый вопросец: как же это так случилось, что те, которые в основном вопросе о характере русской революции не расходились с Лениным, разделяя его точку зрения полностью и проч. и проч. и пр. заняли, одни – поскольку были предоставлены самим себе, а другие – и после возвращения Ленина в Россию, столь позорно оппортунистическую позицию в том самом вопросе, вокруг которого идейная жизнь партии вращалась в течение предшествовавших 12 лет.

На этот вопрос надо ответить, что я не перепрыгивал через аграрно-демократическую стадию революции, это доказано неизыблемыми историческими фактами и всем предшествовавшим изложением. Но почему же мои ожесточенно беспощадные критики на самом важном месте ... недопрыгнули? Неужели только потому, что

никому не дано прыгать выше собственных ушей? Такое объяснение в отдельном случае вполне законно, но мы не имеем в данном случае дело с целым слоем партии, воспитавшимся на определенной установке, начиная с 1905 года. Нельзя ли в смягчение политической вины ... привести то объяснение, что Ленин, считая само собою разумеющейся возможность перерастания буржуазной революции в социалистическую, в полемике слишком отодвигал этот исторический вариант, недостаточно останавливался на нем, недостаточно рязъяснял... не только теоретическую возможность, но и глубокую политическую вероятность того, что пролетариат в России окажется у власти раньше, чем в передовых капиталистических странах.

Если бы пломбированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции – не вообще, как у нас любят калякать, о той революции, которая произошла 25 октября старого стиля – не было бы на свете. Как неопровержимо свидетельствует Мартовское совещание (протоколы которого не опубликованы по сей день), авторитетная, руководящая группа большевиков, вернее сказать, целый слой партии, вместо неистово-наступательной политики Ленина, навязала бы партии политику постольку, поскольку... политику разделения труда с Временным Правительством, политику неотпугивания буржуазии,

политику полупризнания империалистской войны, прикрытой пацифистскими манифестами народов всего мира.

И если Ленин, выдвинувший свои тезисы 4 апреля, натолкнулся ни больше, ни меньше как на обвинение в троцкизме, то что произошло бы, спрашиваю я, если бы на великую пагубу русской революции Ленин оказался бы отрезанным от России или погиб бы в пути и курс на вооруженное восстание и диктатуру пролетариата был бы провозглашен кем-либо другим? Что тогда произошло бы?

После всего, что мы пережили за последние годы, это совсем не трудно себе представить. Инициаторы пересмотра установки лозунга, то есть проповедники курса на захват власти, стали бы предметом бешеной травли как ультралевые, как троцкисты, как нарушители традиции большевизма и – чего доброго – как контрреволюционеры. Все Лядовы ныряли бы в этой полемике и травле, как рыба в воде. Конечно, пролетариат снизу могущественно бы напирал и прорывал бы демократический фронт, но лишенный объединенного, дальнозоркого и смелого руководства, он месяцем раньше или позже натолкнулся бы на победоносный корниловский, чанкайшистский переворот. После этого была бы написана семимильная резолюция о том, что все свершилось в строгом соответствии с законами Маркса, ибо буржуазии свойственно предавать пролетариат, а бонапартистским генералам свойственно в интересах буржуазии

производить государственные перевороты. Кроме того, "мы это заранее предвидели".

Попытка указать самодовольным филистерам, что предвидение их не стоит выеденного яйца, ибо задача состояла не в том, чтобы предвидеть победу буржуазии, а в том, чтобы обеспечить победу пролетариата, эта попытка вызвала бы дополнительную резолюцию о том, что все произошло на основании соотношения сил, что пролетариат отсталой России, да еще в обстановке империалистской бойни не мог перепрыгивать через исторические стадии развития и что выдвигать такую программу могут только сторонники перманентной революции, против которой Ленин боролся до последних дней своей жизни.

Вот как пишется нынче история. И делается она так же плохо, как и пишется.

Между этими двумя постановками есть различие, но нет ничего похожего на противоречие. Различие подхода вело иногда к полемике, всегда лишь случайной, эпизодической. Ленинская позиция означала выдвигание на первый план политически действенных моментов. Моя позиция означала выдвигание, подчеркивание революционно исторических перспектив в целом. Тут было различие подхода, но не было противоречия. Лучше всего это обнаруживалось каждый раз, когда эти две линии пересекались в действии. Так было в 1905 и 1917 году.

Лето 1927 г.

Лев Троцкий

ЛЕНИН И СФОРЦА

Что демократический граф Сфорца, с большой почтительностью говорящий о философских интересах бельгийской королевы, не высоко ставит философские горизонты Ленина, это в порядке вещей. Но и в области политики итальянский дипломат отзывается о Ленине с суверенным пренебрежением. На нескольких страничках, которые он посвящает создателю большевистской партии, Сфорца изображает его слепым фанатиком, повторяющим наизусть формулы Маркса, чтобы затем неожиданно вложить в уста Ленина фразу: "Книга убивает социальную революцию". Причем, по словам Сфорца, Ленин стал действовать согласно этому принципу. Всеми этими отзывами и оценками Сфорца очень хорошо характеризует себя, но мало дает для оценки Ленина.

Если поставить себе задачей охарактеризовать особенность духовной природы Ленина и, вместе с тем, его главную силу в немногих словах, то пришлось бы указать на его способность охватить

каждый вопрос и каждую политическую обстановку со всех сторон, вскрыть все тенденции, продумать до конца все их возможные последствия и выразить выводы в самых простых и прозаических словах. В этом равновесии теории и практики, мысли и воли, предвидения и активности, осторожности и дерзновения, в этой универсальности – суть ленинского гения.

Но так как он каждую сторону вопроса сводит к простейшим формулам, то умственная банальность при чтении Ленина легко может проникнуться чувством собственного превосходства. Всякий "образованный" человек мог бы о той или другой стороне вопроса сказать так же, как Ленин или лучше Ленина. Но посредственность мысли – в одной плоскости, а Ленин – в трех измерениях.

Английские и итальянские социалисты, встретившиеся с Лениным на Циммервальдской конференции, одинаково подтверждали графу Сфорца правильность его оценки Ленина. Кто были эти итальянские социалисты – мы не знаем. Что касается английских социалистов, то их в Циммервальде вовсе не было. Один из этих циммервальдцев рассказывает, как Ленин, указывая на Зиновьева, говорил одному из своих западноевропейских собеседников: "Бедняга Зиновьев, он еще утопист; он верит, что мы сможем в России совершить революцию без пролития крови". Кто имеет хоть малейшее представление о совместной работе Ленина и Зиновьева, тот без труда поймет, что Ленин не мог делать такого замечания,

к которому Зиновьев не мог подать ему никакого повода. Об этих апокрифических словах Ленина графу поведал один из участников Циммервальда, ставший впоследствии министром великой страны. Если считать Ленина и Троцкого, ставших впоследствии народными комиссарами, никто из участников Циммервальда не становился впоследствии правителем ни великой, ни малой страны.

1933 г.

Сов. секретно.

Тов. СЕРЕБРЯКОВУ

Дорогой Леонид Петрович!

На объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК т. Сталин среди многих других фантастических утверждений – под стенограмму – рассказал, будто во время его работы вместе с Вами на Южном фронте я явился на Южный фронт всего один раз, крадучись, на полчаса, в автомобиле с женой. Я прервал Сталина возгласом в том смысле, что его рассказ представляет чистейший вздор. Он на это ответил, что ручается за каждое свое слово и сослался в подтверждение на Вас. При этом прибавил, примерно, следующее: дело было зимою, шел снег, Троцкий приехал ночью и тут же уехал, потому что ему было запрещено приезжать на Южный фронт. Я не привожу дословных цитат потому, что у меня нет под руками стенограммы, но смысл сказанного Сталиным передаю достаточно точно. В этом легко можно будет убедиться, если Сталин задним числом не выправит сказанного им после того, как собственная проверка покажет ему, что он выдал какое-то сновидение за действительность.

1) Никогда я с женой не бывал на фронте.

2) Никогда никто не запрещал мне ездить на Южный фронт. Я не понимаю даже, как могла возникнуть мысль о таком запрещении. Возможно, что Сталин за моей спиной ходатайствовал о чем-нибудь подобном. Я об этом никогда ничего не слышал. В тогдашних протоколах Политбюро есть постановление прямо противоположного характера: есть постановление, которое гласит, что Политбюро вполне одобряет мое намерение посвятить в ближайший период свое внимание главным образом Южному фронту.

3) Поездной журнал свидетельствует, что я провел на Южном фронте не полчаса, а ряд недель и месяцев. Об этом же свидетельствует поездная газета "В пути".

4) Но если принять на минуту нелепую сталинскую версию насчет того, что я, ввиду чьего-то запрета, приезжал на Южный фронт крадучись, на полчаса, ночью – то остается спросить: от кого же я скрывался? Маршрут моего поезда был известен в Москве с полной точностью, так как я получал постоянно донесения и о каждом передвижении поезда своевременно извещал Кремль. От кого же я скрывался, посетивши штаб Южного фронта, где находился к тому же Сталин? Ничего нельзя понять.

Только человек, насквозь отравленный злопыхательством, может договориться до таких бессмыслиц, которые в себе самих заключают свое опровержение.

На всякий случай сообщаю Вам это. Прошу сообщить, что именно Вы помните об этом моем посещении Южного фронта. Был ли какой-либо

намек в разговорах Ваших со Сталиным на то, что я приехал тайно, крадучись и пр. и пр.? Верно ли, что получасовое посещение штаба Южного фронта было единственным моим посещением Южного фронта вообще?

С коммунистическим приветом

Л. Троцкий.

12 сентября 1927 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Т. Ворошилов повторил вслед за т. Ярославским (на Президиуме ЦКК), что Троцкий расстреливал коммунистов. На деле коммунистов расстреливали белогвардейцы, когда коммунисты попадались к ним в плен. В Красной Армии расстреливали, наоборот, белогвардейцев, изменников, наиболее злостных дезертиров. Если в число изменников и злостных дезертиров попадали отдельные коммунисты, то революционные трибуналы расстреливали и их. Если Троцкий расстреливал коммунистов как коммунистов, то почему партия не расстреляла Троцкого? Я знаю один случай расстрела Трибуналом двух коммунистов – с полного моего согласия – командира и комиссара полка, которые под Казанью, вопреки приказанию командования, снялись с фронта, захватили пароход, чтобы подняться по Волге. Если бы сегодня повторилась обстановка под Казанью, я точно так же одобрил бы приговор Военно-Революционного Трибунала о расстреле. Ворошилов заявил, что я не явился на VIII съезд партии из "страха" тогдашней военной оппозиции, которую за кулисами – не только против меня, но и против Ленина – организовывал Сталин. Не всякую выдумываемую ныне ложь можно опровергнуть с документами. Но ложь о VIII съезде, к счастью, можно. Вопрос об отъезде Троцкого на фронт, в виду трудного положения под Уфой, решался Центральным Комитетом 18 марта 1919 г. в составе: Ленина, Зино-

вьева, Крестинского, Владимирского, Сталина, Шмидта, Смилги, Дзержинского, Лашевича, Бухарина, Сокольникова, Троцкого, Стасовой. Решение гласит: "Тов. Троцкому немедленно ехать на фронт". Что касается остальных фронтовиков, то чтобы не нарушать прав оппозиции, решено было: "Немедленно едут те, которые считают, что присутствие их на фрнте является необходимым". Лидеру военной оппозиции, В. М. Смирнову, специально разрешено было остаться в Москве. Таков был тогда режим в ЦК.

Создание регулярной армии, преодоление партизанщины давалось нелегко. Трений было немало. Были недовольные, было немало и справедливых протестов и критики. Свобода обсуждения и в гражданских организациях, и в политотделах была полная, прекрасно уживаясь с железной дисциплиной. Но были шкурники, сплетники, склочники, были негодяи, пускавшие слухи о расстреле мною или по моим директивам коммунистов. В июле 1919 г., когда остался позади наиболее суровый период создания Красной Армии, Владимир Ильич, по собственной инициативе, на заседании Политбюро написал внизу страницы красными чернилами следующие слова: "Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. *В. Ульянов (Ленин)*". Владимир Ильич сказал: "Я дам

вам сколько угодно таких чистых бланков с подписью о моем согласии внизу, а вы напишете сверху то решение, какое понадобится". Я бы предложил, чтобы кто-либо из моих нынешних обличителей принес сюда и показал документ такого неограниченного доверия со стороны Владимира Ильича. Чтобы подписывать такой документ, Ленин должен был быть глубоко убежден, что мои действия диктовались только интересами революции и партии. Людям грубым и нелояльным он такой доверенности не дал бы никогда.

Когда Ярославский, лицо близкое к Сталину, как и Ворошилов, поднял гнусность о расстреле коммунистов на Президиуме ЦКК, т. Орджоникидзе решительно остановил его. Очень жалею, что этого не сделал т. Рыков в отношении Ворошилова, что и вынудило меня к протесту в самой резкой форме.

Июнь 1927 г.

Тов. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Уважаемый товарищ!

На Президиуме ЦКК Вы по поводу слов т. Ярославского о расстрелах коммунистов сказали приблизительно следующее: "Это не годится. Тов. Троцкий по поручению партии выполнял то, что требовалось интересами революции. Расстреливали дезертиров. Я поступил бы точно так же". Таков приблизительный смысл Ваших слов. Сегодня, во время заседания, в ответ на мою реплику по поводу того же вопроса о расстреле коммунистов Вы сказали: "Я уже высказался на Президиуме ЦКК, и того, что я сказал, я не беру обратно". Между тем, в стенограмме заседания Президиума от 24 июня, на странице 33-ей, осталась только та часть Вашего замечания, которая относилась к вопросу о Мясникове, но выпала другая, более важная часть, где Вы говорили о расстреле дезертиров, заявив при этом, что поступили бы точно так же. Чем объясняется это обстоятельство? Я не сомневаюсь, что Вы не склонны брать обратно сказанные Вами на Президиуме слова. Но кто и почему удалил их из стенограммы? Прошу, если возможно, ответить еще сегодня, в течение вечернего заседания. Вы, надеюсь, поймете всю остроту и ответственность вопроса.

С компривето м

Л. Троцкий

1 августа 1927 г.

Лев Троцкий

ЗАПОЗДАЛЫЙ СУД НАД МАРШАЛОМ ТУХАЧЕВСКИМ

На этом процессе судят не только разбитых и раздавленных людей, нравственные полутрупы, но и прямых покойников. Тени маршалов Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка и других убитых генералов сидят на скамье подсудимых. После ареста и последовавшего вскоре затем расстрела советская печать говорила об них, как об иностранных агентах и шпионах. О военном заговоре, о плане захвата Кремля и убийства Сталина не упоминалось ни разу. Между тем, казалось бы, правительство должно было уже тогда знать, за что, собственно, оно расстреляло лучших советских полководцев. Но в момент острой политической паники летом прошлого года Сталин действовал быстрее, чем думал. Боясь реакции армии, он не считал возможным расходовать время на инквизиционную обработку генералов. К тому же, это были люди младшего поколения, с более крепкими нервами и привыкшие смотреть в глаза смерти. Для гласного процесса они не годились. Выход оставался один: сперва расстрелять, а затем объяснить. Но даже

и после того, как отзвучали выстрелы маузеров, Сталин все еще не мог остановиться на необходимой версии обвинения. Сейчас можно уже с полной уверенностью сказать, что покойный Игнатий Рейсс был прав, когда утверждал, что никакого военного суда "при закрытых дверях" не было. Да и к чему было бы закрывать двери, если б дело действительно шло о заговоре? Генералы были просто убиты в том же порядке, в каком Гитлер в июне 1934 г. расправился с Роммом и другими. По-видимому, уже после кровавой расправы восемь других генералов (Алкснис, Буденный, Блюхер, Шапошников и др.) получили готовый текст приговора, под которым им приказано было подписаться. Цель состояла в том, чтобы убивая одних, проверить и скомпрометировать других. Это вполне в стиле Сталина. Можно не сомневаться, что некоторые из мнимых "судей", если не все, не соглашались выступить перед общественным мнением в качестве палачей своих ближайших соратников, да еще после того, как палаческая работа уже была выполнена другими. Имена упорствующих все равно были поставлены под приговором, а сами они подвергались в дальнейшем смещению, аресту и расстрелу. Все казалось закончено.

Однако общественное мнение, в том числе и мнение самой Красной Армии, не хотело и не могло верить, что герои гражданской войны, блестящие солдаты революции, гордость страны, оказались неизвестно почему немецкими или японскими шпионами. Понадобилась новая вер-

сия. Во время подготовки нынешнего процесса решено было вменить ретроспективно покойным генералам план военного coup d'état. Дело шло, таким образом, не о презренном ремесле шпиона, а о горделивом замысле военной диктатуры. Тухачевский хотел овладеть Кремлем, Гамарник – Лубянкой (помещением ГПУ). Разумеется, Сталин должен был быть при этом убит в 101-ый раз.

Как всегда, новая версия сразу получила обратную силу. Прошлое перестраивается в соответствии с потребностями настоящего. По словам Розенгольца, Седов рекомендовал ему уже в 1934 г. в Карлсбаде (где Седов никогда в жизни не был) внимательно наблюдать за "союзником" Тухачевским, которому свойственна тенденция к "наполеоновской диктатуре". Так схема заговора постепенно расширяется во времени и пространстве. Обезглавление Красной Армии оказывается только эпизодом в истребительном походе против вездесущего и всепроникающего "троцкизма".

В интересах ясности я должен сказать здесь несколько слов об отношениях, какие существовали между мной и Тухачевским. Я помогал ему в его первых шагах в Красной Армии на Волге. Весь первый этап своей военной карьеры он совершил в тесном сотрудничестве со мной. Я ценил его военный талант, как и независимость его характера, но не слишком брал всерьез его коммунистические взгляды этого бывшего гвардейского офицера. Тухачевский чувствовал и то, и

другое. Он относился ко мне, насколько я мог судить, с искренним уважением, но наши беседы никогда не выходили за пределы официальных отношений. Думаю, что он принял мой уход из военного ведомства отчасти с сожалением, отчасти со вздохом облегчения. Он мог, не без основания считать, что для его честолюбия и независимости откроется с моим уходом более широкая арена. С момента моей отставки, т. е. с весны 1925 г., мы с Тухачевским никогда не встречались и не переписывались. Он вел строго официальную линию. На партийных собраниях в армии он был одним из главных докладчиков против троцкизма. Думаю, что он делал это без увлечения, по обязанности. Но его активного участия в отравленной кампании против меня было слишком достаточно, чтобы исключить возможность каких бы то ни было личных отношений между нами. Все это было настолько всем ясно, что никому не могло придти в голову устанавливать политическую связь между Тухачевским и мною. Этим и объясняется тот факт, что ГПУ не решилось в мае-июне прошлого года связать дело генералов с троцкистскими "центрами". Нужно было несколько лишних месяцев забвения и несколько дополнительных пластов лжи, чтоб отважиться на подобный эксперимент.

Приговор так называемого Верховного Суда ("Правда", 12 июня 1937 г.) обвиняет генералов в том, что они "систематически доставляли... шпионские сведения" враждебному государству и "подготовляли *на случай военного нападения*

на СССР поражение Красной Армии". Это преступление не имеет ничего общего с планом военного переворота. В мае 1937 г., когда, согласно показаниям Крестинского, должен был совершиться захват Кремля, Лубянки и пр., не было никакого "военного нападения на СССР". Военные заговорщики вовсе не собирались, следовательно, дожидаться войны. У них заранее был назначен определенный день для военного удара. Между тем, то "преступление", за которое генералы были расстреляны, состояло в шпионаже с целью обеспечить "на случай войны" поражение Красной Армии. Между двумя версиями нет ничего общего. Они исключают друг друга. Но ни прокурор Вышинский, ни председатель суда Ульрих, конечно, не затрудняют себя сопоставлением показаний нынешних подсудимых с текстом смертного приговора Верховного Суда от 11 июня 1937 г.

Новая версия разыгрывается, как если бы никогда не было ни "Верховного Суда", ни приговора, ни расстрела. С почти маниакальной настойчивостью Крестинский и Розенгольц, главные помощники прокурора в этой части процесса, возвращаются к вопросу о заговоре Тухачевского и моей мнимой связи с ним. Крестинский показывает, будто получил от меня письмо от 19 декабря 1936 г., т. е. через десять лет после того, как я порвал с ним всякие отношения , и что в этом письме я рекомендовал создать "широкую военную организацию". Это мнимое письмо, услужливо подчеркивающее "широкий" масштаб

заговора, имеет очевидной целью оправдать истребление лучшей части офицерства, начавшееся в прошлом году, но еще далеко не закончившееся и сегодня. Крестинский, конечно, "сжег" мое письмо, по примеру Радека, и ничего не представил суду, кроме своих путаных воспоминаний. Позволяю себе напомнить, что в декабре 1936 г. я был вместе с женой интернирован норвежским правительством по требованию Москвы, и вся моя переписка проходила через руки норвежской полиции. Если допустить, что я писал свои инструкции невидимыми чернилами, то все же остается вопрос об официальном письме, заключавшем в себе тайный текст, о конверте и адресе этого письма. Все почтовые отправления и получения регистрировались в так называемой "паспортной конторе"; проверка не представила бы, следовательно, затруднения. Я тогда же письменно предлагал своему норвежскому адвокату Пунтервольду соблюдать величайшую осторожность с незнакомыми посетителями, которые могут в дальнейшем фигурировать на новом процессе как посредники между мной, моим адвокатом и московскими "террористами". Необходимые документы по этому поводу имеются в руках мисс Сюзан Лафолет, секретаря нью-йоркской Следственной Комиссии.

Тот же Крестинский вместе с Розенгольцем показали, будто уже после расстрела генералов получили от меня письмо, написанное незадолго до расстрела уже из далекой Мексики и требовавшее "ускорения" coup d'etat. Надо думать, что

и это письмо "сожжено" по примеру всех писем, фигурирующих в процессах последних лет. Во всяком случае, после месяцев интернирования и принудительного путешествия на танкере, отделенный от места действия океаном и континентом, я оказываюсь так точно посвящен в практический ход военного заговора, что даю даже указания относительно срока переворота. Как дошло, однако, до Москвы мое письмо из Мексики? Американские друзья высказывают предположение, что таинственный мистер Рубенс будет фигурировать на процессе в качестве того курьера, который призван был связать меня с тенями московских генералов. Так как я ничего не знаю о Рубенсе и его орбите, то я вынужден воздерживаться от суждения. Полагаю, что г.г. Броудер и Фостер могли бы высказаться по этому вопросу с гораздо большим авторитетом.

Важнейший свидетель обвинения по делу Тухачевского и других, Николай Крестинский, был арестован уже в мае 1937 г. и, по собственным словам, через неделю после ареста дал чистосердечные показания. Генералы были расстреляны 11 июня. Судьи должны были в это время иметь в своем распоряжении показания Крестинского. Он сам должен был быть вызван на суд в качестве свидетеля (если б суд вообще имел место). Во всяком случае, в извещении о расстреле генералов правительство не могло бы говорить о шпионаже и молчать о военном заговоре, если б показания Крестинского не были изобретены

после казни генералов. Суть дела в том, что Кремль не мог вслух назвать действительную причину казни Тухачевского и других. Генералы выступили на защиту Красной Армии от деморализующих происков ГПУ. Они защищали лучших офицеров от подложных обвинений. Они противились установлению диктатуры ГПУ над армией под видом "военных советов" и "комиссаров". Генералы защищали интересы обороны против интересов Сталина. Поэтому они погибли. Так из вопиющих противоречий и нагромождений лжи нового процесса тень маршала Тухачевского выступает с грозной апелляцией мировому общественному мнению!

5 марта 1938 г., 9 часов вечера
Койоакан.

Лев Троцкий

СТАЛИН ПРОТИВ СТАЛИНА

Ложь есть социальная функция. Она отражает противоречия между людьми и классами. Она нужна там, где нужно прикрыть, смягчить, замазать противоречие. Где социальные антагонизмы имеют долгую историю, там ложь приобретает уравновешенный, традиционный, почтенный характер. В нынешнюю эпоху небывалого обострения борьбы между классами и нациями ложь приобрела, наоборот, бурный, напряженный, взрывчатый характер. Никогда со времен Каина не лгали еще так, как лгут в наше время. К тому же к услугам лжи стоят сейчас ротационные машины, редко, кинематограф. В мировом хоре лжи Кремль занимает не последнее место.

Много лгут, правда, фашисты. В Германии имеется специальный режиссер фальсификаций: Гебельс. Аппарат Муссолини тоже не бездействует. Но ложь фашизма имеет, так сказать, статический характер. Она почти монотонна. Объясняется это тем, что между повседневной политикой фашистской бюрократии и ее абстрактными формулами нет того ужасающего противоречия, которое все больше развертывается между програм-

мой советской бюрократии и ее действительной политикой. В СССР социальные противоречия нового типа возникли на глазах ныне живущего поколения. Над народом сразу поднялась могущественная паразитическая каста. Самое существование ее есть вызов всем тем принципам, во имя которых произведена была Октябрьская революция. Вот почему эта "коммунистическая"(!) каста вынуждена лгать более, чем какой бы то ни было из правящих классов человеческой истории.

Официальная ложь советской бюрократии, отражающая разные этапы ее восхождения, меняется из года в год. Последовательные пласты лжи создали чрезвычайный хаос в официальной идеологии. Вчера бюрократия говорила не то, что третьего дня, а сегодня говорит не то, что вчера. Советские библиотеки превратились таким образом в очаги страшной заразы. Студенты, учителя, профессора, наводящие справки в старых газетах и журналах, открывают на каждом шагу, что одни и те же вожди по одним и тем же вопросам высказывали на коротком промежутке времени прямо противоположные суждения, при том не только теоретического, но и фактического характера, проще сказать, лгали в зависимости от изменчивых интересов дня.

Так возникла необходимость упорядочить ложь, согласовать фальсификации, кодифицировать подлоги. После длительной работы в Москве выпущена в этом году "История Коммунистической партии" под редакцией Центрального

Комитета, вернее сказать, самого Сталина. Никаких ссылок, цитат, доказательств в этой "Истории" нет, она представляет собою продукт чистого бюрократического вдохновения. Чтоб опровергнуть хотя бы главные фальсификации, изложенные на 350 страницах этой книги, понадобилось бы несколько тысяч страниц. Мы попытаемся дать читателю понятие об амплитуде лжи на одном, правда наиболее ярком, примере, именно на вопросе о руководстве Октябрьской революцией, причем заранее делаем вызов господам"друзьям" опровергнуть хотя бы одну из наших цитат, хотя бы одну из наших дат, хотя бы одну фразу в одной из наших цитат, хотя бы одно слово в одной из фраз.

Кто руководил Октябрьским переворотом? Новая "История" отвечает на этот вопрос вполне категорически: *"партийный центр по руководству восстанием, во главе с тов. Сталиным"*. Замечательно, однако, что об этом центре никто не знал до 1924 г. Нигде, ни в газетах, ни в мемуарах и официальных актах вы не найдете ссылки на деятельность партийного центра "во главе со Сталиным". Легенда о партийном центре стала фабриковаться только с 1924 г. и окончательного своего развития достигла в прошлом году с созданием специального фильма "Ленин в Октябре".

Принимал ли кто-нибудь еще участие в руководстве, кроме Сталина? "Товарищи Ворошилов, Молотов, Дзержинский, Орджоникидзе, Киров, Каганович, Куйбышев, Фрунзе, Ярославский и

другие, – гласит "История", – получили специальные задания партии по руководству восстанием на местах". К ним прибавлены еще Жданов и... Ежов. Здесь назван полностью штаб Сталина. Других руководителей, как оказывается, не было. Так гласит "История" Сталина.

Берем в руки первое издание "Сочинений" Ленина, выпущенное Центральным Комитетом партии еще при жизни Ленина. По поводу Октябрьского восстания в специальном примечании о Троцком говорится следующее: *"После того, как Петербургский Совет перешел в руки большевиков, Троцкий был избран его председателем, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25-го Октября".* Ни слова о "партийном центре". Ни слова о Сталине. Эти строки писались, когда вся история Октябрьской революции была совершенно свежа, когда главные участники были живы, когда документы, протоколы, газеты были доступны всем. При жизни Ленина никогда и никто, в том числе и сам Сталин, не возражал против этой характеристики руководства Октябрьским восстанием, которая повторялась в тысячах местных газет, официальных справочников и входила в тогдашние школьные учебники.

"Был создан Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, ставший легальным штабом восстания", – говорит "История". Она забывает только прибавить, что председателем Военно-революционного комитета был Троцкий, а не Сталин. "Смольный... стал боевым штабом

революции, откуда шли боевые приказы", – гласит "История". Она забывает только прибавить, что Сталин никогда не работал в Смольном, не входил в Военно-революционный комитет, не принимал участия в боевом руководстве, сидел в редакции газеты и появился в Смольном только после окончательной победы восстания.

Из множества свидетельств по интересующему нас вопросу выберем одно, наиболее убедительное в данном случае: речь идет о свидетельстве самого Сталина. В первую годовщину революции он посвятил в московской "Правде" особую статью Октябрьскому перевороту и его руководящим участникам. Скрытая цель статьи состояла в том, чтобы сказать партии, что Октябрьским восстанием руководил не один Троцкий, но и Центральный Комитет. Однако в то время Сталин не мог еще позволять себе открытых фальсификаций. Вот что он писал по воводу руководства восстанием: *" Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому.* Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками тов. Троцкого". Эти строки, которые мы цитируем дословно, написаны Сталиным не через двадцать лет после восстания, а через год. В статье, специально посвященной ру-

ководителям восстания, нет ни слова о так называемом "партийном центре". Зато названы лица, которые совершенно исчезли из официальной "Истории"

Только в 1924 г., после смерти Ленина, когда многое уже было позабыто, Сталин впервые объявил во всеуслышание задачей историков разрушение "легенды(!) об особой роли Троцкого в Октябрьском восстании". "Должен сказать, – говорил он публично, – что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог". Как примирил, однако, Сталин эту новую версию со своей собственной статьей 1918 г.? Очень просто: он запретил цитировать свою старую статью. Всякая попытка сослаться на нее в советской печати привела бы несчастного автора к самым тягчайшим последствиям. Однако в публичных библиотеках многих столиц мира нетрудно найти номер "Правды" от 7 ноября 1918 г., который представляет собой убийственную улику против Сталина и его школы фальсификаций.

У меня на столе десятки, сотни документов, опровергающих каждую фальсификацию сталинской "Истории". Но на этот раз довольно и сказанного. Прибавим только, что незадолго до своей смерти Роза Люксембург писала: "Ленин и Троцкий со своими друзьями были первыми, которые подали пример мировому пролетариату. Они и сейчас еще остаются единственными, которые могут воскликнуть вместе с Гуттеном: я дерзнул на это!" Этого факта не отменят ника-

кие фальсификаторы, хотя бы в их распоряжении были самые сильные ротационные машины и радиостанции.

19 ноября 1938 г.
Койоакан.

Лев Троцкий

Письмо Виктору Сержу

Дорогой друг!

Вы знаете не хуже меня, что такое печать Коминтерна. Нужно совершить над собою каждый раз насилие, чтоб взять в руки номер "Юманите". Мои молодые друзья обратили мое внимание на исключительную даже для этого проституированного издания статью Жака Садуля против вас. Каюсь, прошло больше недели, прежде чем я мог заставить себя прочесть две небольшие колонки. Что за подлое время! Что за подлые люди! Жак Садуль судит и отлучает вас именем революции. Он раздает титулы в качестве авторитетного участника гражданской войны в России. Он становится между вами и Лениным как истолкователь Ленина, как его доверенное лицо...

Как не почувствовать потребности высказать

вам мою симпатию, мою солидарность и сказать в то же время французским рабочим: *Жак Садуль лжет!* Каждая строка его статьи есть ложь, фактическая или моральная. Жак Садуль пытается использовать против вас ваше прошлое воинствующего анархиста. С запозданием на четверть века он мобилизует против вас священное негодование реакционных и радикальных буржуа. Мне нет надобности говорить о моем отношении к анархизму. Вы тоже не нуждаетесь в этом, ибо вы давно стали на путь марксизма. Но если вы в ваши молодые годы дошли в вашем анархизме до крайних практических выводов, то это вытекает из свойства вашей натуры: оставаться верным принципу, не допускать расхождений между словом и делом. Это великое и редкое качество, которое сознательные рабочие умеют ценить!

В византийских биографиях Сталина, написанных для буржуа и пошляков Коминтерна, тщательно вытравляется упоминание о том, что Сталин участвовал некогда в организации нападения на тифлисский банк. В 1907 году, когда совершено было это предприятие, стоившее значительных жертв, я был решительным противником подобных "революционных экспроприаций", как по аналогичным мотивам я всегда восставал против индивидуального террора. Это не мешало мне по поводу умолчаний о кровавом тифлисском эпизоде в биографиях Сталина писать в августе 1930 года:

"... Меньшевики вслед за буржуазными

филистерами немало негодовали по этому поводу. У нас к этому негодованию может быть только одно отношение: *презрение*".

Именно по поводу тифлисской и других экспроприаций Мартов называл Ленина вождем уголовной банды. Извиняюсь перед тенью Мартова за это сопоставление: Мартов был честен, умен и талантлив. Предоставим же спокойно Садулям назвать Сталина 1907 года, – тогда Сталин был еще революционером, – уголовным бандитом. Садуль не преминет сделать это ... после падения Сталина. Тогда мы с вами, дорогой Виктор Серж, возьмем прошлое Сталина под защиту от г.г. Садулей.

Жак Садуль, который всю жизнь был трусливым приживальщиком рабочего движения, говорит о недостатке у вас морального мужества. Читаешь – и не веришь глазам! Моральное мужество и Жак Садуль!.. Этот субъект приехал в Россию в качестве французского патриота. Но он предпочел оказывать услуги возлюбленному отечеству в качестве легализованного дезертира, а не на полях сражения.

В русской революции он был выжидающим наблюдателем, симпатизирующим карьеристом. Поворачиваясь лицом к большевикам, по мере того, как большевики становились силой, Жак Садуль больше всего заботился о том, чтоб не рвать со своим посольством, со своей военной миссией, т.е. с той средой, которой он был неизмеримо ближе, чем русским рабочим и крестьянам.

Ленин относился к Садулю с ироническим презрением. Я могу об этом сказать тем легче, что самому мне не раз приходилось защищать Садуля перед Лениным. По обязанностям службы я пользовался услугами Садуля, его связями и информациями и постольку интересовался им. Каюсь: я был к нему слишком снисходителен! Ленин говорил о нем:

– Малюсенький Жан Лонге.

Я отвечал шутя:

– И Жан Лонге может в хозяйстве пригодиться.

Садуль попал на первый конгресс Коминтерна. Тогда к движению примыкало немало случайных людей. Советская революция была победоносна, война продолжалась, и Садуль рисковал в Москве меньше, чем во Франции. Вспоминаю его речь на конгрессе, в которой он имел неосторожность заговорить как раз о Жане Лонге как о возможном союзнике:

> "Он примкнет к революции, может быть, не за пять минут до победы, а через пять минут после нее, но он примкнет!.."

Я поймал на себе иронический взгляд Ленина:

> "Вот он, ваш Садуль, один из тех, которые примыкают через пять минут после победы!"

Но где клеветник достигает предельной низости, так это в тех строках, где он пишет о вашем карьеризме, о вашей озабоченности "материальными выгодами" и где он – Жак Садуль! – на-

зывает вас – Виктора Сержа – "лакеем пера". Нет ничего отвратительнее сервильного филистера, которому могущественные покровители сказали:

– Все позволено!

Вы оставались в рядах оппозиции, не дрогнув, когда кругом шли небывалые репрессии и когда менее стойкие капитулировали один за другим. В тюрьме и ссылке вы принадлежали к той когорте, которую термидорианские палачи не смогли сломить. Вы выбрали, дорогой друг, плохой путь для обеспечения вашей "карьеры" и ваших "материальных выгод". Зачем не взяли вы примера с Жака Садуля? Он вертелся вокруг да около советской революции до тех пор, пока не получил возможности вернуться во Францию. Здесь он стал корреспондентом "Известий". Из Парижа он посылает свою пресную мазню под диктовку агентов ГПУ. Какой мужественный, доблестный, героический пост! Те, кто сталкивался с Садулем в течение ряда лет, говорили мне:

– Садуль вам сочувствует, но...

Я отвечал русской пословицей:

– Из сочувствия Садулей "шубы не сошьешь"!

Сочувствие этих господ принимает материальные формы лишь ... лишь через пять минут после победы. Все они таковы: Кашены, Дюкло, Вайаны-Кутюрье, Торезы – лакеи пера и просто лакеи. По свистку из Москвы они бросаются на процесс в качестве достоверных лжесвидетелей. Они слушают речи инквизиторов и жертв, не понимая ни слова по-русски. К чему им понимать?

Характер их показаний обеспечен заранее.

– Мы слышали собственными ушами..., –клянутся они. Как будто их длинные уши являются мерилом истины!

Дорогой Виктор Серж! Мы с вами умеем презирать эту братию. Будем учить этому презрению новое революционное поколение. Одной статьи Садуля достаточно для безошибочного диагноза: *сталинизм есть сифилис рабочего движения.* Коминтерн обречен на гибель. Садули покинут тонущий корабль как крысы. Они предадут Советский Союз за пять минут до серьезной опасности. Будем учить молодое поколение презирать эту человеческую плесень. Пройдет немного лет, и авангард пролетариата переступит не только через лакеев, но и через их хозяев. Вы будете в числе тех, чьи имена навсегда окажутся связанными с возрождением освободительной борьбы рабочего класса.

Мексика,
5 марта 1937 года

Письмо Ж. Садуля Ленину

19/IX-1920 года

Копия

Тов. Ленин.

Сегодня вечером я должен буду уехать из Москвы, не повидавшись с тов. Троцким. Нельзя ли попросить вас поставить его в известность о моем проекте и просить его о том, чтобы он немедленно подготовил его техническое осуществление?

В сущности все сводится к тому, чтобы дать мне (вместе с моей секретаршей-переводчицей, которую я должен взять с собой) проводников до места прибытия. Там я уже справлюсь сам.

Вместо того, чтобы возвращаться в Москву, я считаю более благоразумным ждать в Харькове телеграмму от Троцкого или от вас с сообщением Раковскому, что все готово. Я буду ждать ее с нетерпением, потому что мое теперешнее бездействие волнует меня до болезни. Я знаю, что там работа будет тем полезнее, чем раньше она будет начата.

Преданный вам –

Жак Садуль.

При сем прилагаю схему редакции документов.

Собственноручная резолюция т. Ленина:

"Т. Троцкий.

Садуль хочет нелегально ехать в Берлин. Таков план. 20/IX. *Ленин*".